

Леонид Соколовский

Жизнь прожить и поле перейти

Москва
MASKA
2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
С59

Соколовский Леонид Константинович

С59 Жизнь прожить и поле перейти.
М.: ИПЦ «Маска», 2019 — 292 с.
ISBN 978-X-XXXXX-XX-X

Книга «Жизнь прожить и поле перейти» представляет собой автобиографическую повесть и посвящена пятидесятилетнему юбилею брачного Союза обычных россиян - Леонида и Светланы Соколовских. По определению А.С.Пушкина «Повесть – жанр повествовательной литературы; чаще всего это история одной человеческой жизни, неизбежно соприкасающаяся с судьбами других людей, рассказанная от имени автора или самого героя». В данном случае автор и герой это один человек. Рассказывая историю жизни своей семьи, автор утверждает, что «переход» каждым человеком своего поля предполагает с первых же шагов преодоление многочисленных трудностей. И при этом, самое главное, не пасовать перед ними при преодолении лично для тебя подготовленного Создателем поля жизни и борьбы. Вот откуда и родилось название книги.

Книга представлена в авторской редакции

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
С59

ISBN 978-X-XXXXX-XX-X

© Соколовский Л.К., 2019

*«Дорогой Светлане и 50-летию нашей
совместной жизни посвящаю!»*

От автора

Будем считать, что прожил я жизнь необычную. И эта ее необычность заключается в преодолении в пределах отпущенного Господом Богом времени частично двух смежных веков и двух тысячелетий. Кроме того, мне привелось пожить и поработать при двух экономических формациях и пережить их смену, сопровождающуюся переделом собственности и произошедшую, в пику классикам «вечно живого учения», без большой войны. В остальном это — обычная жизнь среднестатистического человека со своими сложностями и трудностями, горестями и радостями, предпочтениями и наоборот, со своим везением и невезением, локальными достижениями и такими же ошибками...

И более пятидесяти лет этой жизни я чувствовал рядом надежное плечо, ощущал сопереживание и поддержку самого дорогого мне человека — своей супруги с очень подходящим ей именем Светлана. Именно поэтому, с благодарностью и признательностью адресуя свою автобиографическую повесть одноклассникам, сослуживцам, друзьям, родным и близким, т. е. всем тем, кому она может показаться интересной, я посвящаю книгу Светлане и 50-летию

нашей совместной жизни в законном браке, с 08 июля 1969 года.

Книги, подобные настоящей, читаются с интересом людьми не случайными, но имеющими к описываемым событиям какое-то отношение. Поэтому, может быть, в ущерб литературному ее восприятию постараюсь не пренебрегать упоминанием в книге фамилий и имен участников событий тех лет. Думаю, что весьма приятно встретить при прочтении книги знакомое или, тем более, свое собственное имя! Название книги также не случайно. В противовес известной поговорке «Жизнь прожить — не поле перейти» смею утверждать, что для преодоления иного поля и нескольких жизней может не хватить, поэтому считаю, что у каждого человека и своя жизнь, и свое поле, сотворенное ему Создателем для преодоления.

Писательский зуд (по всем признакам, это он) появился у меня совсем недавно. Полагаю, что это либо осложнение от перенесенных 70-ти лет жизни на не совсем приспособленной для этого голубой планете, либо инфекция, занесенная в организм продолжительной работой в качестве редактора сайта ветеранов полигона. Работой над чужими воспоминаниями, стихами, книгами и иными текстами, отпечатанными либо рукописными, в том числе, биографическими и автобиографическими — короче, не знаю, но начать делиться своими воспоминаниями хочется с рассказа о тех, перед кем мы в вечном неоплаченном долгу...

«Родительский дом — начало начал...»

Родиться мне удалось (в чем точно нет моей заслуги) 23 марта 1947 года в семье служащих — светлой памяти, Константина Александровича и Антонины Афанасьевны Соколовских, проживавших в то время в городе Буйнакске Дагестанской АССР.

Отец мой родился в 30 марта 1921 года в городе Томске в крестьянской семье, проживавшей на тот момент в селе Верхняя Тельменка Юрьинского района Томской области. Его отец, т. е. мой дед Соколовский Александр Васильевич (1879 г. р.), выбившись из беднейших крестьян, завершил свою трудовую деятельность начальником почтового отделения. Умер в 1968 году в городе Зеленокумске Ставропольского края, там же и был похоронен рядом с женой — матерью моего отца и моей бабушкой Соколовской Серафимой Алексеевной (1889 г. р.), ушедшей из жизни годом раньше.

Мама родилась 10 марта 1921 года так же, как и отец, в городе Томске. Ее отец, т. е. мой второй дед Ботаногов Афанасий Васильевич (1879 г. р.), родом из Томска, умер в 1929 году и был похоронен в городе Красноярске. Ее мама, т. е. моя вторая бабушка Келпыш Анна Иосифовна (1891 г. р.), родилась в городе Рига Латвийской ССР, там же и была похоронена в 1969 году.

Отец, 1945 г.

Мама, 1945 г.

К сожалению, с бабушками и дедушками по линиям моих родителей виделись мы крайне редко, общались и того реже — нет у меня оснований их осуждать, но, по маминым оценкам, «...им было не до детей — так сложилась жизнь».

Перед войной отец после окончания рабочего факультета (рабфак) при Томском электро-механическом институте инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ) был призван на действительную службу Томским Городским военкоматом и с сентября 1940 по декабрь 1941 года проходил службу обычным красноармейцем, сначала 192-го отдельного артиллерийского дивизиона, затем 50-го запасного артиллерийского полка. В первой половине 1942 года он окончил ускоренные курсы обучения в Артиллерийском училище

Дальневосточного фронта (г. Ворошилов), получил звание «лейтенант» и с середины 1942 по май 1944 года прошел путь от адъютанта командира 1139 артиллерийского полка до командира батареи этого же полка. С мая 1944 года — командир батареи 50-й тяжело-гаубичной артиллерийской бригады Карельского, а затем 1-го Украинского фронтов. Далее, уже после окончания войны и до поступления слушателем в Артиллерийскую ордену Отечественной войны радиотехническую академию Советской Армии им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А., он продолжал занимать должности младших командиров. Сначала старшего офицера 50-й тяжело-гаубичной артиллерийской бригады, затем командира батареи этой же бригады, а также, в течение шести месяцев 1948 года, командовал огневым взводом 1202 кадрового гаубичного артиллерийского полка.

Вот так, волей войны, развязанной фашисткой Германией против нашей страны, отец стал офицером Советской Армии — мечтал же связать свою жизнь с музыкой и до призыва в армию уже работал капельмейстером небольшого оркестра. Ему привелось пройти долгими и тяжелыми фронтовыми дорогами Великой Отечественной войны до самого Берлина, преодолевать искусственно создаваемые отступающим врагом преграды, форсировать многочисленные европейские реки и непосредственно участвовать в штурме, как отмечено в приказе, «центра немецкого империализма и очага немецкой агрессии». Здесь, думаю, уместно вспомнить о полученной отцом благодарственной грамоте от имени Верховного Главнокомандующего

(ВГК) Маршала Советского Союза товарища И.В. Сталина, в которой значилось:

1. За прорыв сильно укрепленной обороны противника в районе западнее САНДОМИРА (Приказ ВГК №219 от 13.01.1945 г.);
2. За прорыв сильно укрепленной обороны немцев на юго-восточной границе Германии и вторжение в пределы немецкой СИЛЕЗИИ (Приказ ВГК №237 от 21.01.1945 г.);
3. За форсирование реки ОДЕР и прорыв сильно укрепленной, долговременной обороны немцев на западном берегу реки (Приказ ВГК №273 от 11.02.1945 г.);
4. За прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев на реке НЕЙСЕ, а также за то, что ворвались с юга в столицу Германии — БЕРЛИН (Приказ ВГК №340 от 23.04.1945 г.);
5. За полное овладение столицей Германии городом БЕРЛИН — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии (Приказ ВГК №359 от 02.05.1945 г.);
6. За освобождение от немецких захватчиков столицы союзной нам Чехословакии — города ПРАГА (Приказ ВГК №368 от 09.05.1945 г.).

Как отцу дались эти дороги войны лучше всего судить по его боевым наградам: орден Красной Звезды, орден «Отечественной войны I степени», а также многочисленные медали за освобождение целого ряда городов стран Европы и за победу над Германией. Скорее всего, дались очень не просто.

Не очень большой любитель вспоминать и рассказывать о войне, отец в один из таких редких случаев рассказал мне, что во время наступления с боями личный состав 50-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады в течение целого года находился под открытым небом. В короткие моменты передышки или привала бойцы просто валялись на землю или в снег и засыпали там, где их заставляла долгожданная команда. Настолько были все физически измотаны. И вместе с тем, случаев болезни или простуды практически не было — дух желанной близкой победы был мощнейшим источником невиданной сопротивляемости организма!

Опять же, в ходе наступления для корректировки огня батарей, особенно в лесистой и гористой местности, командиров батарей по очереди поднимали на воздушных шарах на высоту до 30-ти метров над землей — отличная неподвижная цель для немецких снайперов! Нередкими были случаи их гибели или ранений. «Спущенного» же благополучно на землю офицера для снятия стресса ждал стакан русской водки. Отцу везло — он был одним из немногих командиров батарей в полку, кто лишь однажды «приземлился» на прострелянном шаре. Все обошлось легким касательным ранением, ушибами и порванным бушлатом, ну, а стаканом водки удивить кого-либо после перенесенного «свидания со смертью» было трудно.

Однажды, уже на территории Германии, в минуты короткого отдыха отец обнаружил сидящим у дороги своего бойца, пытавшегося штыком вскрыть небольшой «цинк» (запаянную металлическую коробку). Имея в виду, что в таких случаях часто любопытство приводило

к гибели (мины-ловушки были широко в ходу у отступающих немцев), он, обругав бойца, забросил «цинк» в придорожную канаву с водой. Каково же было его удивление, когда через некоторое время боец принес ему вскрытый все-таки «цинк» с... дюжиной швейцарских наручных часов, упакованных в промасленную бумагу, с сопроводительной табличкой, в которой значилось, что «это есть для Вермахта». Недисциплинированный боец и офицеры полка получили неожиданные подарки. Отец носил эти часы со светящимся циферблатом практически всю оставшуюся часть жизни, и они его ни разу не подвели.

Вторые ордена Красной Звезды и «Отечественной войны I степени», полученные отцом уже в мирное время, вместе с указанными выше боевыми наградами достойно украшали грудь фронтовика.

Мама же, также выпускница рабфака, в 1940 году поступила и в 1946 году окончила Московский медицинский институт Министерства здравоохранения РСФСР, получила квалификацию врача и специализацию «педиатр», т. е. детский врач.

*Благодарность от
Верховного
Главнокомандующего
Маршала Советского
Союза И.В. Сталина,
1945 год*

*Варшавский старший лейтенант
Вологовский Александр Александрович*

**ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩ И. В. СТАЛИН
ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЗГРОМЕ НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ
НАШЕЙ ЧАСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ВАМ, УЧАСТНИКУ БОЕВ,
ОБЪЯВИЛ БЛАГОДАРНОСТИ:**

1. За прорыв сильно укрепленной обороны противника в районе западнее САНДОМИРА.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 219 от 13 января 1945 г.)

2. За прорыв сильно укрепленной обороны немцев на юго-восточной границе Германии и вторжение в пределы Германии.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 237 от 21 января 1945 г.)

3. За форсирование реки ОДЕР и прорыв сильно укрепленной, долговременной обороны немцев на западном берегу реки.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 273 от 11 февраля 1945 г.)

4. За прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев на реке Нейсе, а также за то, что ворвались с юга в столицу Германии — БЕРЛИН.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 340 от 23 апреля 1945 г.)

5. За полное овладение столицей Германии городом БЕРЛИН — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 359 от 2 мая 1945 г.)

6. За освобождение от немецких захватчиков столицы союзной нам ЧЕХОСЛОВАКИИ — города ПРАГА.

(Приказ Верховного Главнокомандующего № 368 от 9 мая 1945 г.)

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ПОЛУЧЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТЕЙ
НАШЕГО ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ И ПОЛКОВОДЦА
МАРШАЛА ПОБЕДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

Варшавский старший лейтенант Александр Александрович Вологовский
111111111 /Гудак/

Благодарность от Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза И.В. Сталина, 1945 год

*Участник Великой Отечественной войны
кавалер четырех орденов Соколовский К.А., 1964 г*

Дорогие мои родители, к большому сожалению, совершенно не озаботились оставить о себе и своей родословной хоть какие-нибудь воспоминания, да, и до устных рассказов об этом «долгими зимними вечерами» не были охочи. Поэтому вспоминать о том, чего никогда не знал, или фантазировать на такую тонкую тему, как родословная, которая существует как объективная реальность вне зависимости от твоего о ней

представления, считаю для себя невозможным — пишу только о том, что знаю наверняка. Большое спасибо моей сестренке Людмиле, бывшей рядом с родителями до последних дней их жизни, которая с готовностью поделилась со мной родительским архивом документов.

Как познакомились и объединили свои судьбы мои родители, история умалчивает, но вот однажды мама призналась, что «... меня поразило в этом симпатичном молодом парне то, что в короткие перерывы (отец в это время играл в оркестре) он мог, практически не закусывая, выпить граненый стакан и продолжал играть, как ни в чем не бывало! И таких перерывов в игре оркестра за вечер было не один и не два. В конце вечера внешне абсолютно трезвый Константин провожал меня до общежития...». Как он себя при этом вел, мама не рассказала — думаю, судя по себе, по-джентельменски.

Как бы там ни было, 22 августа 1944 года в Сокольническом ЗАГСе города Москвы они узаконили свои отношения.

Примечательна надпись на печати, сохранившейся на Свидетельстве о браке: «Народный Комиссариат Внутренних дел СССР. Управление НКВД по Московской области» — думаю, нарушить брачный союз, заключенный при таком посредничестве, просто невозможно! Так оно и случилось — их разлучил только уход из жизни «Коти» (так мама ласково называла отца). Ну, а на следующий год после регистрации брака (мама в это время училась на последних курсах Московского

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР.
 Отдел актов гражданского состояния.
СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ.
 № 893.
 Гр. СОКОЛОВСКИЙ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ
 Гр-жа БОТАНОВА АНТОНИНА АФАНАСЬЕВНА
 вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния
 о браке за 22/ VIII- 1944 года двадцать второе августа тысяча девятьсот
 сорок четвертого года, произведена соответствующая запись под № 893.
 фамилия после заключения брака: Он СОКОЛОВСКИЙ
 Она СОКОЛОВСКАЯ
 Место регистрации Сокольнический ЗАГС
 22/VI-1944г.
 Зав. бюро ЗАГС. ПОДПИСЬ.
 М.П. печать: Народный Комиссариат Внутренних дел СССР
 Управление НКВД по Московской области
 Бюро записей актов гражданского состояния Сокольнич. р-на

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ СССР
 Отдел актов гражданского состояния
СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 893.
 Гр. Соколовский Константин Александрович
 Гр-жа Ботанова Антонина Афанасьевна
 вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния
 о браке за 22 VIII - 1944 года произведена соответствующая запись под № 893.
 Фамилия после заключения брака: Он Соколовский
 Она Соколовская
 Место регистрации Сокольнический ЗАГС
 22/VI-1944г.

Свидетельство о Браке родителей, 1944 г.

Мама со Славиком, 1945 г.

мединститута, а отец приезжал к ней в краткосрочные отпуски) в августе 1945 года у них появился первенец — сын Станислав, зарегистрированный в том же Сокольническом ЗАГСе города Москвы.

Если вернуться к моему рождению в марте 1947 года, то отец в это время проходил службу командиром батареи 50-й тяжело-гаубичной

*Родители с тетей, дядей
и мамой отца, 1951 г.*

артиллерийской бригады, находившейся на перестроении в городе Буйнакске Дагестанской АССР, а мама лечила местных детей, а, впрочем, и взрослых — с медиками в Дагестане после войны было, мягко говоря, плоховато.

В 1951 году отец поступил и в 1956 окончил Артиллерийскую радиотехническую академию (АРТА) ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. в г. Харькове. Для дальнейшего прохождения воинской службы с декабря 1956 года он был назначен старшим инженером научно-исследовательской части (в/ч 03131). НИЧ входила в состав Государственного научно-исследовательского испытательного полигона №10 МО СССР. Полигон строился в пустынной местности Бетпак-Дала Казахской ССР для отработки опытных образцов технических средств и комплексов системы противоракетной обороны, разрабатываемой ее Генеральным конструктором Г.В. Кисунько. В связи с временным отсутствием на строящемся полигоне условий для работы НИЧ, отец в течение трех лет был прикомандирован к 4 ГУ МО (в/ч 77969).

*Мама — детский врач,
г. Буйнакск Дагестанской АССР*

В эти годы он, работая на предприятиях «оборонки», изучал техническую документацию на предполагаемые к испытаниям на полигоне технические средства и комплексы новейших оборонительных вооружений. В 1959 году отец с семьей прибыл в расположение полигона и приступил к службе и работе по методологическому обеспечению предстоящих испытаний. В 1964 году с должности заместителя начальника отдела НИЧ он был переведен в 1-е Управление (начальник управления — полковник Скакальский М.А.) на должность заместителя начальника 5-го отдела (начальник отдела — полковник Воскобойник М.А.).

*Мама с Людмилкой
у тети и дяди, 1958 г.*

По утверждению отца, перевод был вызван тем, что дальнейший его должностной рост в НИЧ был обусловлен наличием ученой степени. Работать же над диссертацией в свободное от основных обязанностей время, которого всегда не хватало, сдавать кандидатские «минимумы» и проходить все «круги ада» обязательных предзащит он (фронтовик, кавалер четырех орденов, рано поседевший 43-летний

Во главе парадного расчета в/ч 03080-Л

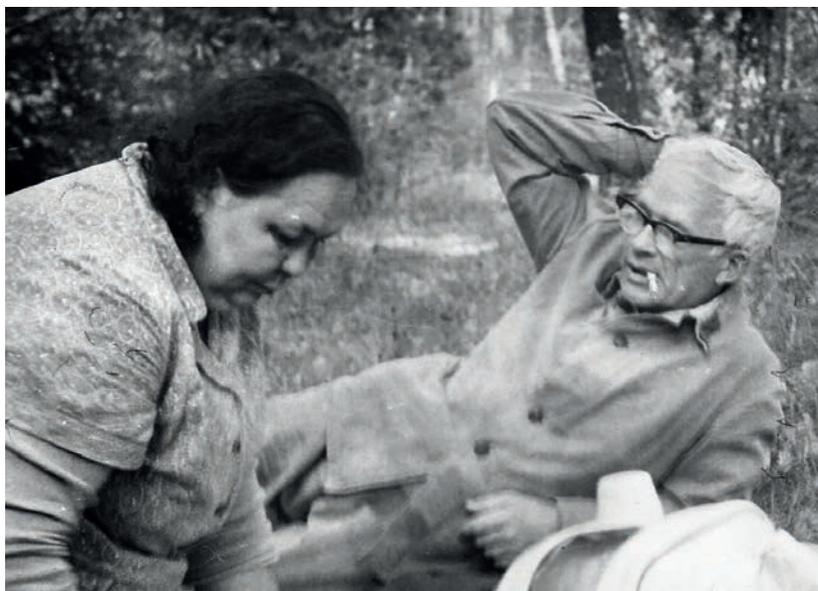
отец большого семейства) считал для себя уже неприемлемым, мол, пусть этим занимаются молодые. Да, и со здоровьем появились уже проблемы. Помню, как в последние годы на полигоне он страдал головными болями после суточного дежурства или дальней поездки на объект — мама постоянно следила, чтобы у него с собой был анальгин или «тройчатка».

С переводом в 1-е Управление отец был назначен заместителем начальника, а в 1967 году начальником 5-го отдела — ведущего радиотехнического отдела основного испытательного управления полигона. Главными задачами отдела были сопровождение строительства «технологий»,

монтажно-настроечных работ и испытаний оборудования и аппаратуры полигонных образцов технических средств и комплексов ПРО, таких как Алдан, Аргунь, Азов и др., создаваемых на объектах полигона (6-я, 38-я, 35-я и др. площадки). Работа была сопряжена с частыми и продолжительными поездками на указанные объекты, расположенные за сотни километров от города (поселок Коктас городского типа к этому времени приобрел статус города Карагандинской области с поэтическим названием Приозерск).

За достигнутые успехи отец неоднократно поощрялся командованием полигона и 4 ГУ МО, награждался ценными подарками и грамотами, в том числе Грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Уволен он был из ВС СССР по выслуге лет в 1971 году в звании «полковник». На этот момент полигон строил для проживания своих «отставников» дома в Калуге — туда, на улицу Мичурина-28, и переехали отец с мамой. Сестра в это время училась в Харьковском инженерно-строительном институте (ХИСИ), а я уже служил на полигоне — преемственность поколений состоялась!

Рассказ о родителях был бы не полным, если не напомнить, что в 1945 году у них родился первенец Станислав, в 1947 — двойняшки, мы с братом Александром, а в 1952 — сестра Людмила (три сыночка и лапочка дочка!). Такие многодетные семьи были не редкость, т. к., во-первых, для восстановления людских потерь в войне были запрещены аборты, а во-вторых, к большому сожалению, детская смертность в те послевоенные годы была весьма высока.

Грибники на привале в лесу под Калугой

Наша семья не стала исключением: по разным причинам умерли Александр (в годовалом возрасте от обычной кори) и Станислав (в возрасте десяти лет от саркомы спинного мозга, причиной развития которой стал ушиб спины после падения с дерева). Эти трагические потери, особенно мучительная смерть старшего сына у нее на руках, не прошли даром для мамы: она заметно потеряла слух и работать по своей специальности детского врача в дальнейшем уже не смогла. Работала эпизодически на разных, не связанных с лечебной практикой, должностях, но при этом основное свое внимание и время уделяла нам, детям и постоянно загруженному работой и службой мужу. От этого она, казалось, получала истинное удовольствие и в этом видела свое предназначение, во

всяком случае, всегда была заботлива, весела и приветлива, «хандрила» крайне редко.

Последнее место проживания моих родителей — г. Черкассы (Украина) на берегу Днепра. «Перетащила» их к себе Людмила, проживающая здесь же с мужем Иваном Владимировичем Колядой и двумя сыновьями, Владимиром и Константином. Обратите внимание, сыновья названы в честь дедов, т. е. отцов родителей — такова была далеко не худшая наша традиция. Кстати, мне в приближении родителей к себе (переезде в Москву) было отказано именно из-за наличия сестры в Черкассах. Сначала они жили порознь, но после смерти отца съехались вместе, укрупнив квартиру до пяти комнат. В Черкассах родители завершили свой земной путь и были похоронены на городском кладбище: отец в 1987 году в возрасте 66-ти лет (тяжелейшая война и служба в непростых условиях полигона не прошли даром) и мама, пережившая отца на четыре года...

Конечно же, по нынешним меркам, пожилы маловато, но, честное слово, я не представляю себе, как бы они пережили развал СССР, за независимость которого так много было положено друзей-однополчан и отдано собственных сил на восстановление разрушенного войной хозяйства. И, тем более — возрождение ненавистного фашизма на Украине, ставшей для них последним приютом на земле грешной. Память о наших дорогих родителях хранит и ухаживает за их могилами Людмила со своим большим и дружным семейством, в котором появилось уже новое поколение Коляды Данилка (сын Кости и Зумрад).

*С дочерью Людой и внуками
Володей и Костей в Черкассах,
9 мая 1986 г.*

*Пусть земля Украины
будет моим родите-
лям пухом...*

Родители не были набожными людьми, не посещали с детьми воскресные службы в храмах и церквах, не были замечены и в ношении нательных крестиков — в то время как-то трудно уживались в нашем сознании эти два понятия: вера в Господа Бога и высшее образование. Считалось, что образованный человек, материалист, разбирающийся в объективных законах развития общества и природы, может быть только атеистом. И этому способствовали существующие программы обучения и в школе, и в средних, и в высших учебных заведениях. Вместе с тем, дай Господь Бог каждому из ныне верующих так чтить и, главное, жить по Божьим

Наши родные в Черкассах в полном составе: Костя с Данилкой, Зумрад, Володя, Люда и глава семьи Ваня Коляда

заповедям, как жили мои родители — считаю, что это их приобретение на генном уровне, как говорится, впитано было с молоком матери (вспомните слова президента о духовных скрепах россиян). Хочется думать, что им во многом удалось передать своим детям собственные состояние души, представление о добре и зле, о единстве мыслей, слов и поступков, понимание хорошего и плохого, верности и предательства.

Завершая рассказ о родителях, отмечу удивительную их мудрость и природный педагогический дар, позволявшие в общении с детьми в любой ситуации добиваться желаемого результата, исподволь подводя

нас к, будто своему, правильному решению. Так было и с моим курением: «застукав» меня за этим занятием, мама с отцом провели со мной спокойную беседу, заявив, что, конечно же, коль я решил курить, деньги на сигареты они давать мне будут (тем более, сами они курили до своих последних дней), но для них будет большим ударом, если я так рано начну гробить свое здоровье. На меня это подействовало сильнее, чем любая выволочка, и серьезно курить в те годы, как многие мои сверстники, я так и не начал. Так было и с моим решением пойти по стопам отца и, выбрав профессию офицера, поступить после школы в ту же академию, которую заканчивал он. Так было и с привлечением нас к труду и творческому отношению к делу, которым занимаешься — основной упор здесь делался на собственный пример.

С каким восторгом мы с Сергеем (моим другом со школьной скамьи) и сейчас вспоминаем отцовскую мастерскую в «тещиной комнате», где всегда был манящий мальчишек рабочий порядок и запах стружки и олифы, а на верстаке ждали своего часа очередные заготовки! Здесь мы под его руководством создавали чудо-грузила для «закидушек» — выстругивали из дерева заготовку, сверлили в ней под нужным углом нужного диаметра и месторасположения отверстия, зажав в тиски, заливали расплавленным на плитке свинцом и покрывали олифой, чтобы дерево не впитывало воду. Такие грузила во время рыбалки при первом же рывке резко отрывались от дна (всплывали), что позволяло избавиться от постоянных «зацепов», но

и расставаться с ними во время редких зацепов было очень жалко! Здесь же мы научились делать настоящие блесны из стенок посеребренных волноводов, толстой медной проволоки или латунных монет. Заготовки из двух последних, представляющие собой расплюснутые металлические пластинки, подвергались «обрезанию» ножницами для придания нужной формы, затем с использованием лунки на верстаке им придавались требуемые выпуклости. Далее они обрабатывались сначала «бархатным» напильником, потом крупным наждаком и, наконец, шлифовались тонкой шкуркой «нулевкой». При этом на твоих глазах происходило настоящее чудо: когда после шлифовки «нулевкой» в одном направлении начинаешь шлифовку в направлении перпендикулярном ему, неожиданно в твоих руках рождается абсолютно зеркальная поверхность блесны, в которой отчетливо, как в зеркале, видны все нюансы твоей растянутой от удовольствия и выпуклости блесны физиономии! Оставалось только припаять крючок или «тройник» и просверлить отверстие для крепления лески.

И таких примеров (мелких, серьезных, сиюминутных и на всю жизнь) можно привести бесчисленное множество, за что огромное сыновнее спасибо и низкий поклон отцу и маме.

«Незапланированное» детство

С самого начала моя жизнь Создателем не планировалась вовсе. В выписке из родильного отделения больницы, позже ставшей знаменитой «басаевским» захватом заложников, значилось: «... вес 935 грамм, нежизнеспособный плод...» — в те времена это был приговор, и маме предлагали меня не забирать. Однако затем в небесной канцелярии что-то было пересмотрено, а, может быть, как всегда, перепутано — короче, выжил! Позже я, конечно, понял, что дело тут не в издержках работы небесной канцелярии, а в огромных усилиях мамы, деда Юлия и бабушки Лены (мамины родные дядя и тетя), проживавших в то время в поселке Меллужи — пригороде городка-курорта Юрмалы Латвийской ССР. Здесь, сидя в саду, можно было слушать шелест морского прибоя, но этот убаюкивающий шелест я услышал и оценил много позже. Мама, благо, была детским врачом, некоторое время «донашивала» меня в домашних условиях, в вате с искусственным подогревом, а затем отвезла из Буйнакса на Рижское взморье, где дед Юлий таскал ведрами морскую воду, и они с мамой и бабушкой устраивали мне по несколько раз на день лечебные ванночки.

С бабушкой Леной, 1950 г.

С дедушкой Юлием, 1950 г.

И это при том, что родился я не один, а в составе двойни, и мой старший (на несколько минут) брат Саша, также не будучи богатырем, находился здесь же и тоже требовал к себе внимания! Вот почему я говорю о настоящем подвиге этих трех дорогих моему сердцу людей — мамы, бабушки Лены и дедушки Юлия.

С ними у меня связано достаточно много воспоминаний. Мое трудное начало земной жизни стало причиной сильнейшего детского рахита, и на ноги я встал только в двухлетнем возрасте, но, надо сказать, сразу уверенно пошел. Позже я с успехом бегал на короткие дистанции и прыгал в длину — подобно былинному герою Илье Муромцу, пролежавшему на печи 30 лет и 3 года и накопившему силу богатырскую. Но это позже, а сейчас лечение снова проходило у бабушки. Да, и в дальнейшем на лето мама часто привозила нас на Рижское взморье. Здесь дед научил меня ранним утром по росе выбирать нужную траву и косить ее для полутора десятков кролей, которых он разводил и выращивал специально к нашему приезду. Надо сказать, что сначала я рвал траву по своему вкусу, но пара кролей, к сожалению, мой вкус не оценили и, увы, приказали долго жить. Здесь, работая в рыбацкой артели, дед привозил домой полное ведро «живых змей» (угрей), которых бабушка жарила, и мы объедались ими без опасения подавиться, т. к. костей в них, практически, не было — один хордовый хребет. Здесь я бегал за пять кварталов на речку под странным для меня названием Лиелупе и впервые в жизни на оборудованную дедом удочку ловил на хлеб «уклейку» (верхоплавку), а однажды поймал крупного (грамм... на сто!) «полосатика» (окуня).

По-видимому, хищник, «взявший» на хлеб, был очень голоден или среагировал на движение крючка с хлебом. Здесь я, ползая по песку на пляже, наткнулся коленом на закопанную горлышком вниз разбитую бутылку, после чего сначала с интересом рассматривал в широком разрезе коленки белую кость своей ноги, а затем, стянув пальцами края «разъехавшейся» кожи, с нетерпением ждал, когда она сростется — не срослась. Пришлось на руках соседки (была ее очередь «пасти» нас вместе со своими детьми на пляже) добираться до больницы, где на ногу были наложены швы — большой шрам, как говорят, украшающий настоящих мужчин, остался на всю жизнь. Здесь я, видимо, отдавая деду «долг», сопровождал его в городскую баню после перенесенного инсульта, полностью парализовавшего левую сторону — с гордостью, под одобрительные, как мне казалось, взгляды окружающих, помогал ему передвигаться и тщательно тер мочалкой с мылом его спину.

Когда отец учился в АРТА им. Л.А. Говорова (1951—1956 годы), мы проживали в Харькове, сначала снимали комнату в частном доме на Холодной горе (удаленный от центра район города за железнодорожным вокзалом). Именно здесь в 1952 году у меня появилась сестренка. Здесь мы с братом рвали (воровали) яблоки в хозяйском саду, за что были однажды биты хозяйкой и наказаны родителями, и относили в стоящий неподалеку цыганский табор, подкармливая вечно голодных цыганят. Здесь же мама впервые обнаружила, что зрение у меня... не «как у орла». Когда мы вечером, сидя у ворот на лавочке, ждали отца с работы, я его «узнавал» в каждом появившемся в начале улицы мужчине, особенно в форме, и «летел»

к нему навстречу. Поняв, что обознался, расставлял руки в стороны, словно крылья, «рычал» двигателем, «закладывая» вираж, и возвращался «на базу» (на скамейку). При поступлении в школу прозвучал диагноз: «смешанный астигматизм на оба глаза» — очки прописали для постоянной носки на всю жизнь. Так я стал сначала «четыреглазым» и «очкариком», затем «самым умным» и, наконец, когда отрастил бородку, просто «профессором».

Пл. Руднева, д.3 (мы жили в комнате на 2-м этаже)

Площадь Руднева, 36
Областной апелляционный суд
Арх. Бекетов А.Н., Цауне Ю.С., Хрусталев В.В. (1899 - 1902 гг)

Пл. Руднева, дом № 36

Затем мы, как многодетная семья, получили комнату в коммуналке на пл. Руднева-3: здесь я пошел в первый класс и на всю жизнь запомнил свою первую учительницу Серафиму Георгиевну — настолько уважительно «на равных» было ее отношение к нам. Здесь во время «выгула» сестренки я сломал руку, перепрыгивая через штакетник, огораживающий детскую площадку в сквере напротив дома. Здесь за право подержать в руках настоящий карабин я обгонял других мальчишек в беге от угла до угла дома №36 на пл. Руднева. Кстати, это здание является памятником архитектуры, арх. Бекетов, 1902 г., в нем во время Гражданской войны находились штабы фронтов и армий, боровшихся с интервентами и белогвардейцами на Украине. В нем работали видные полководцы, политические

Таблички на здании пл. Руднева-36

руководители и военачальники Красной Армии: Фрунзе М.В., Ворошилов К.Е., Дзержинский Ф.Э., Егоров А.И., Блюхер В.К., Якир И.Э., Пархоменко А.Я., Дубовой И.Н., а с 22.06.1941 г. располагался штаб 18-й Армии. Ныне площадь Руднева носит название Героев Небесной Сотни, а в здании располагается Областной апелляционный суд. Упомянутые соревнования за право подержать карабин устраивал для нас «от скуки» часовой у входа в это историческое здание.

Здесь я на велосипеде «Орленок», разогнавшись под уклон, решил проверить возможность езды с зажмуренными глазами — проверил, действительно ездить можно! Правда, когда открыл глаза, увидел в сантиметрах перед собой кору толстеного каштана — успел только отвернуть лицо, но от удара о дерево несущая рама велосипеда оказалась погнута, а у меня... все кости целы. Над моим же «портретом» в течение недели колдовала мама с ножницами, йодом и бинтами.

У памятника Тарасу Шевченко, г. Харьков

Здесь мы со старшим братом Славиком, пребывая в атеистическом угаре непримиримой борьбы с религией, швыряли снежки в стеклянный купол церкви — к нашему счастью, не разбили, но удирать от батюшек пришлось. Здесь я попытался утонуть в реке Лопань, но был спасен братом, здесь же в Харькове мы его похоронили в 1955 году...

Прощание со Славиком, 1955 г.

Последний летний отпуск отца во время учебы в академии мы всей семьей (уже без Славика) провели в селе Ярьески Полтавской области Украины. Упоминание о нем встречается в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: «... ноги [у черта] были так тонки, что если бы такие имел ярьесковский голова, то он переломал бы их в первом же козачке».

Здесь, в глухой деревне, для меня все было ново: и поражающая своим разнообразием и первозданностью окружающая природа, и удивительно чистый воздух, и непривычно звенящая в ушах тишина. А каким вкусным было козье молоко, за которым я бегал по утрам с бидоном через всю деревню, постоянно опасаясь встречи с местными собаками, отвязываемыми хозяевами на ночь. И ведь не без основания: такая встреча состоялась, но мне удалось вспомнить инструктаж родителей и встать, «как вкопанный» — пес меня обнюхал со всех сторон (казалось, прошла вечность!) и, не обнаружив к чему придраться, медленно удалился в свою подворотню. Я же, отхлебнув молочка (во рту все пересохло), на дрожащих ногах помчался домой. Здесь, мне на удивление, вокруг росли ничейные фруктовые деревья лесозащитных полос (рви — не хочу!). Но самое главное это — утренние рыбалки с отцом на реке Псел! К реке добирались до восхода солнца по лесной тропе (чудища мерещились за каждым кустом, и нас спасало только громкое пение дуэтом). Припрятанные удочки доставали из кроны одного из прибрежных кленов — плотва, ерш, окунь, пескарь, красноперка были нашими рыбацкими трофеями, которыми мы отчитывались

*Люда в сквере
на пл. Руднева*

перед мамой с детальным уточнением (иногда спором), кто и что поймал. Однажды, уже в конце отпуска перед самым отъездом, отец поставил обычную удочку чуть в удалении под куст, насадив на крючок небольшую плотвичку — щука взяла довольно быстро и, конечно же, оборвала тонкую леску нашей удочки. Очень жалели, что не догадались раньше поохотиться за хищницей на специально оборудованную снасть —

решили обязательно вернуться сюда в следующий отпуск, но жизнь распорядилась иначе.

Отсюда — из города Харькова, с пл. Руднева-3 — нас в 1956 году «всем двором» провожали в загадочный своей «далекостью» и неизвестностью «Ташкент-91» (так значился почтовый адрес места развертывания секретного полигона). А приехали мы... в Подмоскowie: дело было, как упомянуто выше, в том, что в это время на строящемся полигоне работы для НИЧ не было и она временно пребывала в Москве на Фрунзенской набережной.

В Подмоскowie с 1956 по 1959 годы мы снимали жилье сначала в Сетуни, затем в Давыдково. Последние два года проживали на территории какого-то воинского

склада рядом со ст. Подрезково, где для нас были построены два одноэтажных барака, и мы получили комнату в одном из них. Соседями были такие же, как отец, семейные офицеры, ожидавшие отправки на полигон (запомнились фамилии: Ковалевский, Котов, Соколов, Сандрыкин и др. — мы дружили и играли с их детьми).

Во внутреннем дворе дома на пл. Руднева-3 (любимая беседка), 1956 г.

Соседки на фоне барака — места нашего проживания в Подрезково, 1958 г.

Первый раз в 4-й класс, 1957 г.

Позже я узнал, что полковник Ковалевский был первым начальником НИЧ, а отец последовательно занимал должности старшего инженера по антенно-фидерным устройствам, затем старшего инженера по системам дальнего обнаружения и, наконец, с июня 1959 года он стал заместителем начальника 2-го отдела НИЧ.

Впрочем, не все офицеры, получившие тогда назначение на полигон, добрались до Ташкента-91 — многие из них за три года пребывания в Москве нашли для продолжения своей воинской службы другие решения. Кстати, и здесь, в Подмосковье, в силу закрытости полигона, таких слов, как «полигон», «Сары-Шаган» или «озеро Балхаш» мы не слышали ни от детей, ни от взрослых. В разговорах между собой речь шла о предстоящем переезде в некий населенный пункт, расположенный на юге страны, по упомянутому выше почтовому адресу.

В процессе трехлетнего проживания в Подмоскowie мне из-за частых переездов привелось сменить три школы (с учетом харьковской, уже четыре) — это удел детей большинства военнослужащих. Говорят, что это плохо, мол, не успеваешь приспособиться к требованиям учителей. Думаю, что это не так — совсем наоборот, у тебя вырабатывается так необходимое умение, в хорошем смысле слова, приспособляемость к переменам и новой обстановке, подсознательно используя опыт, накопленный в предыдущих местах пребывания и обучения, приобретать новых друзей, не забывая, конечно, о прежних. Одним словом, до пятого класса включительно мне удавалось учиться на «отлично» и при этом постоянно находиться в числе активистов — от «санитара» своего ряда в первом классе (педикулеза у нас не было), до председателя совета пионерского отряда в шестом.

Отца мы видели только по выходным — ежедневно рано утром он на пригородной электричке уезжал в Москву и поздним вечером возвращался домой, иногда, случалось (в день получения зарплаты), с арбузом или тортом. Зато в выходные дни в теплое время года мы с родителями и друзьями сложившимся коллективом отправлялись на реку Клязьма или просто в лес на пикник (сейчас говорят, «на шашлыки»). Гоняли в футбол, играли в волейбол, опять же, рыбачили, собирали грибы и ягоды, обедали, расстелив на земле скатерть-самобранку, пели популярные песни — таким образом общались между собой, с родителями и с природой. Зимой же мужская часть нашего

разнокалиберного коллектива предпочитала лыжные походы по заснеженным лесам Подмосковья, пользуясь лыжными трассами, проложенными фанатами этого вида отдыха вдоль железной дороги. И обязательно с горячим чаем в термосе и бутербродами в рюкзаках за плечами родителей. В будни же мы после сделанных уроков выходили на оборудованный совместно с отцами каток между бараками, чистили лед лопатами для уборки снега и... до изнеможения гоняли шайбу (каток был хорошо освещен обычными лампочками, развешенными на столбах). Здесь я впервые ощутил потерю сознания (прошу не путать с «сознательностью» — такого случая не помню) и сотрясение мозга от удара головой о лед. Очнувшись, как рассказывают, через несколько минут после падения, смог припомнить только то, как на кухне отпрашивался у мамы поиграть в хоккей — все, что было после этого вплоть до падения, стерлось из памяти начисто! Проверив почти отсутствующую реакцию моих зрачков на свет, мама на неделю «привязала» меня к кровати — детский врач, с ней не поспоришь. Здесь я, играя с ребятами в «чет-нечет», сколотил приличную коллекцию иностранных монет, «добываемых» старшими ребятами у иностранцев в Москве, на Кузнецком мосту — уезжая, я подарил коллекцию своему товарищу, которого, кстати, чаще всего и обыгрывал.

«Ташкент-91» и г. Приозерск

Таким образом, когда в декабре 1959 года мы доехали до ст. Сары-Шаган Казахской железной дороги и затем зеленым автобусом АП-4 с солдатиком за рулем добрались до площадки 4-П (постоянная), преодолев два КПП с тщательной проверкой документов, и оказались в выделенной нам трехкомнатной квартире трехэтажного дома по ул. Ленина-13 (наконец-то, своей, отдельной, пусть и с казенной мебелью) — счастливей людей, как мне казалось, не было на свете! Кроме того, я чувствовал себя по внутренним ощущениям вполне взрослым человеком, подготовленным и к новой обстановке, и к новым преподавателям, и к встрече с новыми друзьями, т. е., и в моральном плане, и психологически, и по физическим кондициям.

Хотелось бы сказать пару слов о путешествии — нет, не о грибоедовском из «Петербурга в Москву», а о собственном из Москвы в Ташкент-91, в это манящее своей загадочностью «далекое далеко», путешествие длиной в... четверо суток! В Москве был сформирован вагон с конечным пунктом назначения — ст. Сыры-Шаган Казахской ж/д. Вагон был полностью укомплектован «нашими» — офицерами с семьями,

*Ст. Сары-Шаган Казахской ж/д сегодня —
в 1959 г. выглядела более затрапезной*

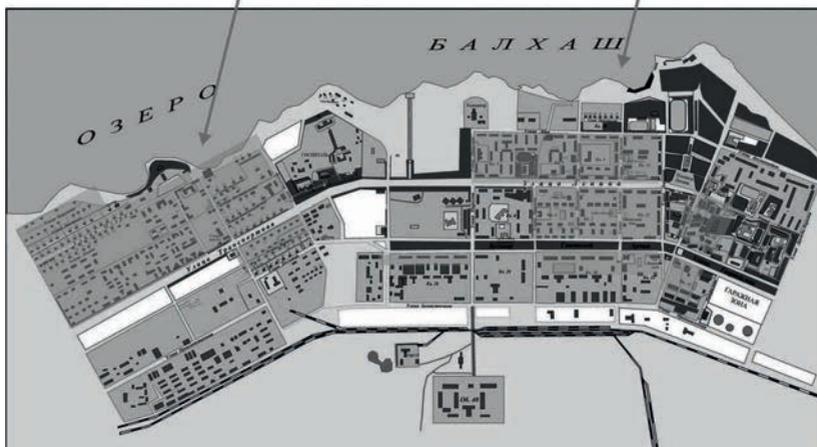
Стелла на въезде в г. Приозерск

следовавшими по предписаниям для дальнейшего прохождения воинской службы в в/ч 03080. Конечно же, первые дни было весело, и все проблемы решались сообща. Через пару дней такая «таборность» в сопровождении постоянных воплей разнокалиберных детей начала заметно надоедать. К тому же, автономность и целевое назначение нашего вагона «особого назначения» приводили к необходимости довольно частых переформирований составов. Оно заключалось в отцеплении нашего вагона от одного состава и продолжительном ожидании другого состава в «отстойниках», в том числе, бывало, и по «собственной» вине: кто-то вдруг умудрился отстать от «ползущего» поезда и догонял его на перекладных — народ стал потихоньку звереть.

Но, слава Богу, в конце четвертых суток пути мы покинули последний «отстойник» на ст. Моинты и в составе поезда «Караганда — Алма-Ата» стали готовиться к встрече с Ташкентом-91 на «пустынном полустанке» с пугающим названием «Сары-Шаган». Кстати, сегодня такое название носит и сам дважды орденосный полигон, принадлежащий Республике Казахстан и частично арендуемый у нее Россией.

Декабрь оказался не худшим месяцем года для нашего поселка городского типа Коктас (такое официальное название было присвоено нашему поселению на площадке 4-П полигона, позже его переименовали в город Приозерск). Ежедневные минус 20—25 градусов по Цельсию с ветерком в

Правильно я понимаю, что это площадка 4в ? Правильно я понимаю, что это площадка 4п ?

*Карта Приозерска из книги американского профессора
астронавтики Mike Gruntmana*

«Мой город-малыш, с голубыми глазами прибора...»

тот первый год нашего пребывания на полигоне оказались на поверку «среднезимней температурой», но переносились достаточно легко из-за, как говорили, сухости климата. Без всякой раскачки с ближайшего понедельника я приступил к учебе в 6-м классе «В» единственной на тот момент средней школы. В дальнейшем эта школа стала носить имя первого начальника полигона, фронтовика и орденоносца, генерал-лейтенанта Степана Дмитриевича Дорохова.

Но перед «ближайшим понедельником», как вы понимаете, было ближайшее воскресенье, и отец решил сразу продемонстрировать мне все прелести здешней зимней рыбалки. Рыбачили мы на льду озера Балхаш, напротив нашей 4-П, в километре от берега. Абсолютно все для меня было в новинку, впервые в жизни: и тулуп из настоящей овчины, и меховые унты, и самодельные меховые рукавицы с указательным пальцем (шубенки), и передвижение по льду в такой экипировке. Конечно же, и сверление буром (коловоротом) сквозных дырок (лунок) во льду толщиной до полутора метров — иногда приходилось использовать самодельный «переходник», удлиняющий бур. «Отдельная песня» это строительство защищающей от ледяного ветра стенки или целого «домика-трехстенки» из образовавшихся во время ветреного ледостава торосов или из плотного снежного наста. С помощью обычной ножовки из наста выпиливаются «блоки», которые затем складываются друг на друга с подветренной стороны или с трех сторон.

Впервые я видел и самодельные зимние удочки с также сделанными собственными руками блеснами, и насадку (наживку) в виде кусков усача или окуня, оставленных специально для этого с прошлой рыбалки. Ну, и конечно же, высшее наслаждение, простите, «адреналиновый оргазм» это плавная, но уверенная поклевка (кивок сторожка), резкая, но протяжная подсечка, сравнительно продолжительный, чтобы не сорвалась, процесс подтягивания рыбы за леску к лунке и осторожное ее протаскивание сквозь лунку через толщу льда — только после того, как рыбина будет снята с крючка и отброшена от лунки, можно расслабиться и ощутить мелкую дрожь в коленях и руках (адреналин поступил в кровь).

«Стенка» от ветра, сложена из «блоков», выпиленных ножовкой из снежного наста

Нашим уловом в тот день оказались: две «маринки» (мощные торпедообразные рыбины грязно-желтого цвета), примерно, по килограмму каждая, с десятков разнокалиберных окуней (уникальный балхашский окунь серебристого цвета) от 300 до 800 граммов и несколько «усачей» (взяли для следующей рыбалки). Лично я, впервые побывав на зимней рыбалке, поймал одну «маринку» (вытащил с помощью отца, воспользовавшегося «багром», представляющим собой большой крючок с заточенным окончанием на длинной ручке из бамбука) и двух окуней средних размеров — восторгу моему не было предела!

Не знаю, удалось ли мне «завести» вас, уважаемый читатель, этим рассказом, но сам я на первой рыбалке завелся настолько, что на следующий день в понедельник после окончания уроков я прямо из школы «рванул» на лед озера. Нашел «наши» лунки, кое-как палкой проковырял в одной из них дырку диаметром не более трехкопеечной монеты (за ночь лунки промерзли) и протолкнул в нее блесну с насадкой (удочку я тайно положил в портфель с вечера). Минут через десять «блеснения» (я еще не успел окончательно замерзнуть) последовала останавливающая дыхание плавная поклевка. Резко подсек и... ощутил приличный вес — последовала волнительная борьба с рыбой, продолжавшаяся до удара последней носом снизу об лед промерзшей лунки. Сорвалась, ушла вместе с блесной! Адреналин «бил ключом»! Рыбалка была окончена. Конечно же, я заведомо знал, что исход будет именно таким, т. к. в

проковырянную мной дырку не смогла бы пройти ни одна уважающая себя рыбешка, но побороть в себе огромное желание вновь увидеть и прочувствовать этот процесс... было выше моих сил! «Подсел», как оказалось, на всю оставшуюся жизнь. Родителям я ничего не рассказал, т. к. «получил» бы от них по полной: от мамы за хилую экипировку (ботиночки и пальтишко), от отца за испорченную снасть и потерянную лучшую (самую «клевою») блесну, а от обоих вместе — за «партизанщину».

*Первая школа г. Приозерска с пионерской
дружиной имени Вали Котика*

По большинству предметов школьной программы обучения формального отставания, по сравнению с моей последней школой в Подрезково, не

оказалось, но вот силу и высокий класс здешних преподавателей, по сравнению с учителями сельских школ Подмосковья, я ощутил практически с первых дней учебы. Потом появилось и объяснение этому: у большинства офицеров жены, как правило, были либо врачами, либо учителями — ну, так сложилось на практике, что мужики с высшим образованием подыскивали себе «ровню» для создания ячейки общества и продолжения рода. Поэтому и конкурсы на учительские места в местные школы, а их со временем стало четыре, был весьма и весьма высок — отсюда и удивительно высокий процент поступающих с первого захода выпускников этих школ в уважаемые высшие учебные заведения страны (например, из моего выпуска 1965 года с «первого захода» поступило, как было заявлено на нашей первой встрече с учителями, 90 % выпускников из общего числа поступающих!). Кстати, об образовании: город Приозерск в те времена занимал третье место после Дубны и Новосибирского «академгородка» по уровню образования, т. е. по отношению числа людей со средним и высшим образованием к общему числу жителей города, конечно же, не считая детей.

*Табличка на здании школы
с 1966 года*

*7-й класс «В», 1960 г.
(в третьем ряду крайний слева — я)*

Из всех предметов обучения я больше предпочитал физику и не потому, что «физичка» Раиса Ефимовна Качанова проживала с нами на одной лестничной клетке, т. е. была «в шаговой доступности» от моих родителей. Просто я ее (физику) понимал, чувствовал, здесь почти все можно было проверить на практике, в том числе в ходе посещения кружка физики под ее же (Раисы Ефимовны) руководством. Любил математику (ее нам преподавала классный руководитель Полина Павловна Иванова) — может быть, потому, что математические задачи часто по своим условиям перекликались (а потому были понятны) с физикой, что позволяло правильно составить систему

уравнений. Кроме того, неожиданное появление ожидаемого результата в конце решения задачи или «многоэтажного» примера (ответ часто находился в конце учебника) также придавало занятиям по математике определенный элемент азарта и удовлетворения. С удовольствием занимался историей и географией, дававшими много новой и досель мне неизвестной информации. Учебники по этим предметам, как правило, прочитывались за летние каникулы (на следующий учебный год они часто передавались нам от старшеклассников по окончании предыдущего). Правда, при этом не любил тупо запоминать порой ничего не говорящие даты — конек многих вредных преподавателей. Любил русский язык и литературу — скорее всего, понимал важность грамотно писать и говорить в будущей взрослой жизни на языке Александра Сергеевича. Их нам преподавала Алла Савельевна Субач, и, не смотря на то, что у нее иногда проскакивали «перлы» типа «... Алексей Максимович Горький, в то время не совсем уклюжий юноша...», я с удовольствием участвовал в работе руководимого ею литературного кружка и играл в театрализованных постановках фрагментов из произведений классической литературы. С этими постановками мы затем объезжали многие отдаленные площадки и войсковые части полигона, радуя, по нашему представлению, оторванных от цивилизации тамошних бойцов и их командиров. Какой предмет я не любил, так это химию! Во-первых, не мог увидеть или пощупать кристаллическую

решетку вещества, понять причину «валентности», т. е. способности присоединять к себе («тырить») свободные (чужие) электроны. А во-вторых (может быть, это «во-первых»), преподавала нам химию Фаина Даниловна Устинова с постоянно брезгливым выражением лица человека, нюхающего что-то, обладающее неприятным запахом — скорее всего, это профессиональная особенность «химички», т. к. различные вещества и химикаты, смешанные ею между собой в колбе или пробирке, чаще всего действительно не пахли, а... воняли.

Город Приозерск воспринимался нами в те годы не только, и не столько, как место проживания, но в первую очередь, как «...мой город-малыш с голубыми глазами прибоя, где белые чайки скользят над бегущей волной!». Примерно, такие слова звучали в посвященной городу Приозерску песне нашего старшего товарища из офицеров Евгения Жадейко. Думаю, острота восприятия растущего на наших глазах города нашей юности, раскинувшего на скалистом берегу неопишуемой красоты и загадочности озера Балхаш свои прямые улицы-лучи, многократно усиливалась нашей собственной молодостью.

Учиться было очень интересно и дилемма в основном состояла лишь в том, чему отдать предпочтение в свободное от школьных занятий время. Тематические кружки (физики, химии, литературный, иностранных языков, радиокружок и др.), как правило, вели те же наши «дневные» учителя. Различные спортивные секции — молодые офицеры и «срочники», обладающие

высокими спортивными разрядами и званиями. Наконец, детские студии театрального искусства и художественной самодеятельности, кружки рисования и домоводства при Гарнизонном доме офицеров (ГДО), а также молодежные программы на местном телевидении (телестудия «Юность») тоже возглавлялись высокими профессионалами с солидными заслугами.

Поэтому, при таком шикарном выборе за пять лет учебы (с 7 по 11 класс) мне удалось попробовать себя во многих приложениях. Например, в исполнении роли председателя правления банка щеголя Шипучина в бессмертном чеховском «Юбилее». До сих пор помню его обращение, с которого начинался поставленный нами фрагмент пьесы: «Этот ваш подагок, догогие сослуживцы, я буду хганить до самой смегти! Еще газ, пгемного вас благодагю!» и реакцию одной из зрительниц, мол, что они не смогли на главную роль найти исполнителя без дефекта речи — для меня это прозвучало похвалой, значит картавлю вполне правдоподобно. Или в агитации за профессию врача-хирурга в молодежной программе о выборе профессии с голубого экрана местного телевидения. Участвуя в работе радиокружка, собрал в обычной мыльнице радиоприемник «Сокол» на первых отечественных транзисторах, который на фоне «шипящих» помех все-таки вполне сносно «ловил» человеческую речь и музыку. И, конечно же, настоящее увлечение игрой в волейбол, которой в дальнейшей жизни было отдано много сил, эмоций, времени и безусловного предпочтения.

На последнем остановлюсь подробнее. Сначала секцию волейбола в школе возглавлял «перворазрядник» капитан Владимир Мишенин, который дал нам самые азы этой умной и красивой игры, освоил с нами много технических приемов при выполнении подачи и приеме мяча снизу и от груди, с падением вперед и перекатом назад. Научил грамотно блокировать нападающий удар соперника, страховать блокирующих игроков, динамично перестраиваться на площадке после подачи соперника и при организации собственного нападения, давать скрытный пас, выводящий нападающего игрока на «чистую» сетку (без блокирующих рук соперников), и т.д. и т.п. На каком-то этапе работы волейбольной секции на смену Володе Мишенину пришел действующий кандидат в Мастера спорта СССР старший лейтенант Валерий Смирнов, играющий за сборную команду полигона. Кстати, замена тренера, отдавшего тренируемым все, что он мог им дать, явление в спорте нередкое, и главное здесь, чтобы эта замена прошла для команды безболезненно — так произошло и у нас, какое-то время Владимир и Валерий даже работали с нами вдвоем.

И если Мишенин «образовал» нас технически, то Валерий Павлович привнес в игру нашей команды новое тактическое содержание, множество тактических схем и приемов. Но главное — это мощь в заключительной стадии атакующих действий, основой которой стал, конечно же, высокий прыжок и единство работы в воздухе всего тела, энергия которого от стоп

ног до кистей рук суммировалась, как в сжимаемой пружине, и, мгновенно разжимаясь, вкладывалась в заключительную хлесткую работу кисти вытянутой руки нападающего игрока.

*На волейбольной секции, слева —
первый тренер Владимир Мишенин*

Сочетание мощной атаки с неожиданным для соперника тихим обманным ударом в незащищенное место площадки не только приносило очки, но главное, деморализовало соперника, лишало его уверенности. Тренировались мы до изнеможения, но и результаты пришли достойные: на соревнованиях по волейболу, проводимых в рамках спартакиады школьников Карагандинской области Казахской ССР, никому не известная команда «Звезда» из города Приозерска заняла призовое третье место! Мы пропустили вперед

В атаке Валерий Смирнов – наш второй тренер

только таких «грандов» областного волейбола, как первая команда города Караганды и команда города Джезказгана. При этом победили и вторую карагандинскую команду, и команды городов Шахтинск и Балхаш, и многих других априорных фаворитов — по результатам этих соревнований всем игрокам нашей команды были присвоены вторые (взрослые) разряды по волейболу с одновременным вручением соответствующих дипломов и значков.

Говоря о волейболе, хочу рассказать об основном игроке и капитане нашей команды «Звезда», моем однокласснике и друге со школьной скамьи (в старших классах сидели за одной партой) Сергее Большакове. Увлечшись волейболом, на одно из очередных занятий

секции я затащил Сергея, и, надо сказать, что он достаточно быстро «прикипел» к этой игре (спасибо Володе Мишенину).

*На первенстве области: «пасует»
Виталий Мирошниченко — к атаке готовится Сергей*

При этом своими успехами Сергей быстро, как говорится, догнал и перегнал всех членов команды, тренировавшихся с самого ее образования. Если на первых занятиях мы еще посмеивались над шумом его «приземления», то вскоре он вышел на первые роли в игре команды и был назначен ее капитаном. Больше всего меня поражали высота его прыжка (баскетбольное кольцо высотой 3,05 м он в прыжке «доставал»... локтями!) и удивительная для его комплекции мгновенная реакция в защите на мечущийся по площадке мяч или обманный удар соперника. Кроме того, Сергей

*Встреча через 50 лет — слева направо:
Сергей, Валерий Павлович Смирнов и я*

быстро освоил технику мягкого или, наоборот, резкого второго паса под удар нападающему (часто первым темпом), и Валерий Павлович, оценив способности и потенциальные его возможности, стал привлекать Сергея сначала к тренировкам, а затем и к играм за сборную команду полигона, где, как правило, ставил его «под себя». Именно по результатам своего участия в различных соревнованиях за сборную команду в/ч 03080 Сергей Большаков заработал первый (взрослый) разряд по волейболу, который в дальнейшей его жизни и службе никогда не оказывался лишним, ну, а с самой игрой в волейбол он расстался только совсем недавно по «сердечному звонку», прозвучавшему в канун его семидесятилетия.

Отцы наши работали на площадках, расположенных от двух (40-я площадка) до ста и больше (1-я, 2-я, 6-я, 35-я, 17-я, 24-я и др. площадки) километров от города, приезжая домой с дальних площадок лишь на воскресенье и то, не каждую неделю. Мы учились в школе, ставшей нам, без преувеличения, вторым домом — придя домой после уроков, пообедав или слегка перекусив, мы снова «летели» в школу. Упомянутое выше большое количество всевозможных кружков, организованных нашими учителями (Ивановой П.П., Китаевой Е.К., Качановой Р.Е., Устиновой Ф.Д., Субач А.С., Портная Б.Ю. и др.), и спортивных секций во многом способствовало полному отсутствию у нас свободного времени и развитию уважительного и теплого отношения к школе.

Л.И. Говенко

Е.К. Китаева

Р.Е. Качанова

Л.П. Иванова

Г.Б.Вишневецкая

В.Т. Кульбацкая

Ф.Д. Устинова

В.Н. Куликова

А.С. Субоч

Б.Ю. Портная

Учителя школы им. С.Д.Дорохова, г. Приозерск

Приозерская средняя школа им. Дорохова С.Д., первые выпуски которой состоялись в 1963 — 65 годах (один-два выпускных класса), была на ведущих ролях во многих областных спартакиадах и олимпиадах школьников, а наша «Пионерская дружина имени Вали Котика» однажды даже «прозвучала» на волнах все-союзной радиопрограммы «Пионерская зорька». Она, обойдя всех на порядок, заняла первое место среди пионерских дружин страны по сбору металлолома!

Открою секрет нашего успеха через описание технологии одного из таких «сборов»: командир летной дивизии генерал-майор Оськин В.С. (его дочь Тамара училась с нами в одном классе) выделил пару ЗИЛов и автокран,

*Формирование колонны для поездки
на 7-ю площадку за металлоломом*

*В салоне автобуса «бал правит» дочь комдива
Тамара Оськина (в центре)*

которые в сопровождении автобуса с нами внутри двинулись на 7-ю площадку в распоряжение летной дивизии. Загрузив ЗИЛы с помощью автокрана остатками ржавеющей в степи автотракторной и авиационной техники, мы тем же «караваном» отправились на железнодорожную станцию Сары-Шаган, где «собранный нами» металл был взвешен и перегружен на железнодорожную платформу «товарняка». Уставшие, но довольные мы с чувством выполненного долга вернулись в школу и разошлись по домам. Скорее всего, по отношению к другим школам, собирающим вручную дырявые тазы и чайники, это было не совсем честно, но... страна нуждалась в металле, и домны облегченно вздохнули, получив наш металлолом!

Во многом школьная жизнь была тесно связана с работой политотдела в/ч 03080 (начальник политотдела генерал-майор Лукьянов А.С.). Прием в пионеры и в комсомол с оформлением членских билетов, поздравления партийным конференциям и хозяйственным активам, участие в их работе, тематические вечера и шефские концерты в госпитале и на площадках перед личным составом войсковых частей и многие другие мероприятия проводились по согласованию и с участием работников политотдела полигона — «политрабочих», как их называл мой отец.

Здесь я вступил во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ) и гордился своим членством безмерно! Тем более, что комсомольские билеты в торжественной обстановке актового зала ГДО вручал нам сам генерал Лукьянов А.С. Помню, иногда вечерами мы по собственной инициативе, нацепив комсомольские значки и распахнув полы пальто, чтобы их было видно, дефилировали по улицам города и, случалось, что реально выполняли функции комсомольского патруля — предотвращали назревавшие конфликты или семейные разборки. Например, однажды, когда во время дефиле к нашим ногам из окна третьего этажа вдруг прилетел... стул, мы быстро поднялись в эту квартиру (грудь нараспашку), и нам удалось урезонить подвыпившего дебошира. Если вы спросите, каким образом нам удалось это сделать, то скажу честно (как настоящий комсомолец) — с помощью подоспевшего наряда патрулей.

Узнала: пышная прическа — всей Комсомолки позор!
Мрачнее тучи Таня наша, косами страшно стеснена
И выглядит-то как-то странно —
из прошлого коса-краса!

Позвольте вас теперь спросить,
до пор каких так будем жить?
Ведь мы в одиннадцатом классе,
ведь завтра смело в жизнь войдем
И в трудовой творящей массе
дорогу мы свою найдем!
Как убедительней сказать,
вы нас сейчас должны понять,
Что можно косы не носить,
но быть прилежной, скромной быть,
Что можно нам ходить на танцы
и знать урок не «кое-как»,
Что можно модно одеваться
и приизирать в душе стилияг!

Друзья, какой сегодня век?
Двадцатый? Да, двадцатый век -
Прорвался в космос Человек!
Так постарайтесь в духе века
В ученике чтить Человека!

Концовку в точности не помню, но смысл таков, что,
мол, нам с вами необходимо сесть за стол переговоров.
Конечно же, эта первая «проба пера» окончилась при-
глашением меня с родителями в школу к директору.

Коридор на втором этаже школы — справа открыта дверь в «учительскую»

«Славное море — священный Балхаш!»

Со мной пошел отец, и я очередной раз убедился в его умении разговаривать с людьми столь тактично и аргументировано (со ссылкой на литературу и поэзию), что вообще никаких «оргвыводов» на мой счет со стороны администрации школы не последовало. Хотя, заниматься стихосложением после этого я долгое время воздерживался.

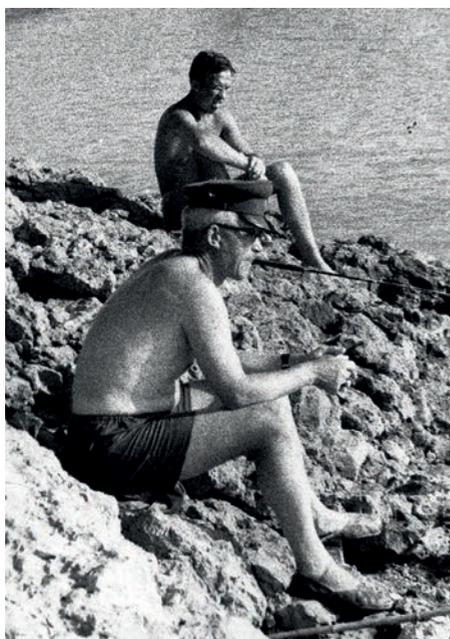
Здесь мне привелось пережить и первую любовь (представлялось, что на всю жизнь), сопровождающуюся большим эмоциональным подъемом, когда кажется, что выросли крылья и тебя окружают исключительно добрые и понимающие люди, и первое предательство, сопровождаемое не менее большим разочарованием в жизни, когда кажется, что не знаешь, как и зачем жить дальше, и очень не хочется, чтобы наступало «завтра» (признаюсь, мысли о суициде не приходили ко мне ни разу — Боженька миловал!). Не буду называть имен этих «возбудителей» моих эмоций, ни тех, ни других. Все они реальные хорошо знавшие друг друга люди из моего окружения тех лет, каждый со своей судьбой и состоявшейся биографией — они на всю жизнь нашли место в моей памяти и мне очень хочется надеяться на взаимность. Да, впрочем, я в этом абсолютно уверен!

Отдушиной для нас (а летом, во время жары, в полном смысле этого слова) являлось уникальное озеро Балхаш, состоящее из двух частей (пресноводной и солончаковой). Оно простиралось до самого горизонта и меняло свой цвет в зависимости от состояния атмосферы и погоды — от нежно голубого либо ярко бирюзового солнечным днем, до землисто серого в

пасмурную погоду или иссиня-черного волшебного звездного летней ночью. Норов озера также был непредсказуем: от зеркальной глади, сливающейся на горизонте с небом, до «бушующей стихии», заливающей не только прибрежные скалы, но и памятник погибшим летчикам на «сазаньем мысе» и аллею строителей. Ну и, конечно же, рыбалка! Ее зимний фрагмент я описал чуть выше, но летняя рыбалка также была незабываема. В начале шестидесятых годов мы с отцом ранним утром прямо со скал напротив города на удочку могли поймать на хлеб до 2-х десятков сазанов весом до килограмма (попадались экземпляры и покрупнее).

*На центральном пляже города в выходной день —
«блоку некуда упасть»!*

*Мы с отцом рыбачим
за бетонным заводом на
«красных камнях»*

Когда нас с рыбой за ненадобностью «выгоняли из дома», и мы предлагали ее соседям, то порою в ответ слышали: «Если чищенная, возьмем!». Кроме сазана, «клюющего» на черный «солдатский» хлеб, на кусочки рыбьего мяса хорошо «брали» уже упомянутые балхашский окунь и маринка. Позже исчезли окунь, маринка и усач (скорее всего, дело рук «хозяина природы»),

но хорошо прижился в озере судак, ставший и летом (наряду с сазаном), и зимой основным предметом «рыбацких» вождений, тем более, что его размеры порой весьма впечатляли.

В теплое время года мы, как и многие взрослые жители Приозерска, своей сложившейся компанией с палаткой на несколько дней уходили в поход. Как правило, подальше от города на берег Балхаша — на «залив» за 40-ю площадку, на «золотой пляж», раскинувшийся у основания «косы», или в другие облюбованные для отдыха и рыбалки места — чтобы

С судачком «судачили»!

сполна вкусить общения с дикой природой джунглей прибалхашья. На память пришли слова из сочиненного кем-то из нас на этот случай марша:

Мы собрались в дорогу утром рано,
Провизию на лайбы погрузив,
И, взяв с собою Нигера и Мао,
Направили оглобли на залив...

где: «лайбы» — велосипеды, «Нигер» — дворняга черного цвета, «Мао» — рыжая дворняга, «оглобли» — фигурально выражаясь, направление нашего пути следования.

*Вечером на «косе»: В. Черепанов, В. Ашметков,
Н. Андреев, В. Скакальский и я (лежу)*

А начинала она (дикая природа) нас радовать в апреле-мае, когда вся степь, особенно обращенные к солнцу и им обогреваемые склоны холмов, покрывалась ковром алых с вкраплением желтых тюльпанов. Рабочие кабинеты, подоконники в домах и витрины в магазинах были сплошь уставлены бутылками, банками, вазами и другими сосудами с водой и букетами степных тюльпанов.

Ими же была расцвечена и первомайская демонстрация, проводимая ежегодно на центральной площади города перед гарнизонным домом офицеров. К ней мы готовились заранее, выдумывая всевозможные украшения для оформления своей школьной колонны. В этой школьной колонне находилось место и нашим

*На рыбалке: Л. Шукина,
С. Большаков, Т. Угроватая и я*

отцам на украшенных флагами и транспарантами мотоциклах с колясками, в которых школьные гимнасты демонстрировали различные фигуры и упражнения, символизирующие наше неуклонное продвижение к светлому будущему под руководством КПСС.

Берег озера и степь в мае покрыты сплошным ковром красных и желтых тюльпанов

Правда, иные годы на эти же майские дни выпадала (точнее, выползала) «волна» проснувшихся «малых хозяев степи» — каракуртов, фаланг, скорпионов, змей и прочей «радости». Помню, в один из таких годов начала шестидесятых после майского потепления последовало существенное снижение температуры — при этом вся эта «живность» полезла к теплу, в дома и казармы: резко возросло число случаев укусов жителей, особенно солдат и детей.

Какая средняя школа могла похвастаться прямым выходом на телевидение? С введением в г. Приозерске телевидения (телецентр с теле- вышкой в городе и спутниковая станция «Орбита» на площадке 3 «Д») старшеклассники нашей школы стали частыми гостями «голубого экрана» — приглашались в качестве ведущих и участников детских программ и программ для юношества.

Я уже упоминал, как мне удалось принять участие в передаче о выборе профессии, в которой я горячо агитировал за профессию врача-хирурга — чего греха таить, мне просто по сценарию передачи выпала именно эта уважаемая профессия. На самом же деле, я давно и бесповоротно для себя выбрал профессию наших отцов — Родину защищать! Поэтому, когда в конце 1964 года к нам в школу приехал из Артиллерийской радиотехнической академии войск ПВО им. Маршала Советского Союза Л.А. Говорова целый «полковник» агитировать за поступление в АРТА (три года подряд, с 1963 по 1965, академия набирала слушателей из числа выпускников школ), я оказался в первых рядах

*Фаланга — крупный
мохнатый паук
грязно-коричневого
цвета*

*Скорпион — «рачок» желтого
цвета, живущий под камнями
и в расщелинах скал*

желающих. Кстати, таких выпускников, поступивших в 1965 году после школы в высшие военные учебные заведения, оказалось трое: Валентин Марков — сын командира 6-й площадки полковника Маркова Е.С. поступил в МВИЗРУ, Сергей Большаков — сын начальника 2-го Управления полковника Большакова Б.А. и я — оба в АРТА.

Таким образом, последовавшие после приезда на полигон пять лет (1959—1965) жизни в городе Приозерске и учебы в средней школе им. С.Д. Дорохова, как я сейчас понимаю, оказали огромное влияние на наше формирование и оставили в памяти нестираемый годами теплый след.

*Продолжатели дела своих отцов:
В. Марков, С. Большаков и я*

*Через 35 лет мы пересели со школьной завалочки
за стол: я, Валя и Сергей*

Достаточно сказать, что после выпуска из школы в 1965 году вот уже более полувека мы каждые пять лет (ни одной пропущенной «пяtilетки») с непреодолимым желанием и большим волнением съезжаемся на встречи выпускников. Сначала в них участвовали одни выпускники, иногда со здравствующими учителями (Китаевой Е.К., Говенко Л.И., Качановой Р.Е. и др.), затем начали собираться со своими «половинками» (мужьями или женами). Далее, случилось, что приезжали уже и с детьми, а сейчас на таких встречах иногда появляются даже сопровождающие наших одноклассников внуки. В связи с большой удаленностью родной школы, давшей нам путевку во взрослую жизнь, встречи эти мы проводим поочередно в разных городах центральной части страны: в Москве, в Санкт-Петербурге (начинали с Ленинграда), ограниченным составом в Калуге, Харькове, Алма-Ате и др., но чаще всего (по большинству проживающих в регионе одноклассников) собираемся в Москве. Тем более, что здесь сложился тесный коллектив инициаторов и организаторов этих встреч: Татьяна Горобченко, Ирина Митленко, Любовь Смирнова, Сергей Большаков и я. Последняя такая встреча (конечно же, не последняя, а крайняя) состоялась в Москве в 2015 году и была посвящена настоящему Юбилею (50-летию!) нашего выпуска 1965-го года из Школы им. С.Д. Дорохова (г. Приозерск). Присутствовало на встрече более 40 человек, в том числе из таких уголков страны и мира, как Новосибирск (Володя Десятников), Алматы (Василий Еськов и Валентин Киктев), Германия (Лариса Попова),

Санкт-Петербург (Лев Старк), Пушкино (Люба Косова), Владимир (Люда Щукина с мужем), Долгопрудный (Люда Караванская), Красногорск (Таня Лесникова и Ира Тараканова), Томск (Люда Бескровная), Воронеж (Лариса Коробова), Нижний Новгород (Саша Смирнов с супругой) и др.

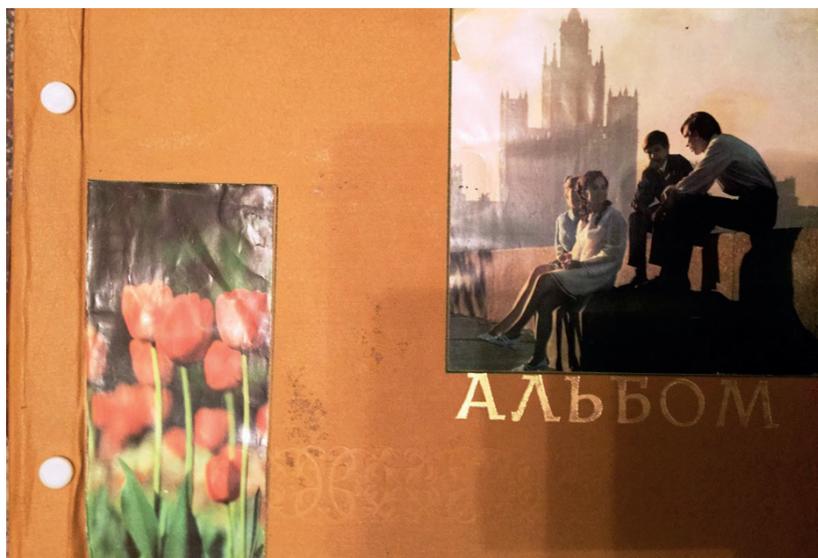

50 лет выпуска — встреча прошла в Москве, 2015 г.

Не знаю, у кого как, но мои дети и внуки, в разное время окончившие свои школы, глядят на наши регулярные встречи, как говорится, широко открытыми глазами — у них ничего подобного даже близко не происходит! Подозреваю, что главное объяснение этому явлению состоит в единстве нашего социального происхождения и бытия, определяющего сознание,

равенстве возможностей родителей, компактности проживания и значительной удаленности Приозерска от «разврата больших городов» (и в широком смысле этого понятия, и в буквальном смысле). Последнее резко бросилось мне в глаза, когда после окончания школы я приехал в г. Харьков поступать в академию и пару раз по приглашению своих бывших одноклассников (1954—1956 годы совместной учебы) побывал в тамошних компаниях наших сверстников — от описания увиденного и услышанного воздержусь, чтобы не осквернять настоящую книгу.

Говоря о наших регулярных встречах, хочется «похвастать» тем, что к 10-летию выпуска 1965 года я оформил большой фотоальбом, который вот уже 40 лет пополняется фото-моментами с очередных наших

Фотоальбом «Встречи выпускников 1965 года»

встреч. Он традиционно присутствует на них и вызывает большой интерес у «нашего брата», невольно восклицающего: «Я, Леня, такую же хочу!» — поживем, увидим. Крайними туда вошли фотографии с нашего Юбилея (2015 год).

*«Последний звонок» для выпускников 1965 года,
г. Приозерск*

Итак, в 1965 году мне удалось на «хорошо» и «отлично» окончить среднюю школу им. С.Д. Дорохова в городе Приозерске. Кстати, оценочный лист аттестата моей зрелости мог бы соответствовать окончанию школы «с серебряной медалью», но буквально накануне власти Казахской ССР приняли решение о том, что в аттестат выставляется отметка «отлично» по предмету при отсутствии четвертных «четверок»

*Выпускник 1965 года
Леонид Соколовский*

в ходе последнего года обучения. Это означало, что надо было не только иметь за год «отлично» и сдать выпускной экзамен по этому предмету на «отлично», но и весь одиннадцатый класс быть по нему «круглым отличником» — такое решение существенно снизило число «медалистов» среди наших выпускников.

Харьков и АРТА

На следующий же день после школьного выпускного вечера, которого некоторые из нас не дождались, поспешив разъехаться по городам страны для предстоящего поступления в ВУЗы, родители проводили меня автобусом от универмага в Сары-Шаган и посадили в поезд для следования в г. Харьков. Все было достаточно прозаично, а на поверку могло оказаться моим прощанием с отчим домом на всю оставшуюся жизнь, если не брать во внимание возможные кратковременные встречи на каникулах или в отпусках. Могло, но не оказалось: жизнь в дальнейшем сложилась таким образом, что после окончания академии, получив назначение на 10 ГНИИП МО, я вновь, уже женатым, вернулся в родительский дом. После этого мы прожили вместе с отцом и мамой (Людмила в это время уже училась в Харьковском инженерно-строительном институте) еще около двух лет, до самого их отъезда на ПМЖ в Калугу. Но в тот момент отъезда из Приозерска об этом не думалось — я мысленно был уже в пути, впервые один, без сопровождения взрослых. В пути, ведущем в большую самостоятельную жизнь...

В Харькове во время сдачи вступительных экзаменов большинство иногородних абитуриентов проживали

в казармах академического полка обеспечения на ул. Юрьевской. Я же жил у товарища и однокурсника моего отца по учебе в АРТА полковника Малькова М.А. Михаил Александрович в это время работал в академии заместителем начальника кафедры тактики, а его сын Александр, с которым я учился в школе с первого по третий класс, также был в числе абитуриентов.

*Артиллерийская радиотехническая академия
Войск ПВО им. Маршала Советского Союза
Говорова Л.А., г. Харьков*

Здесь я узнал, в связи с чем академия «приоткрыла» на три года (1963—1965) свои двери для поступления гражданской молодежи. Дело в том, что у начальника академии маршала артиллерии Юрия Павловича Бажанова, а также еще у целого ряда

руководителей кафедр и факультетов академии подросли (окончили школу) сыновья. Все они (Бажанов, Артюшенко, Можар, Мальков, Озерский и др.) поступали вместе с нами и поступили в академию, правда, не все из них смогли выдержать напряженный ритм академической учебы, т. к. соблазн близости дома и гражданских друзей сыграли свою отрицательную роль. Они были переведены в иные военные училища, расположенные в других городах страны, и связь с ними была потеряна.

Готовиться к экзаменам нам с Сашей Мальковым было весьма удобно: во-первых, мы помогали друг другу (здесь пальма первенства чаще принадлежала мне), а во-вторых, Михаил Александрович заранее подготовил для нас «пачки» вопросов и билетов с уже проходивших в 1963 и 1964 годы вступительных экзаменов — «штудировали» мы их на совесть! При этом Сашина мама, Нина Александровна, обеспечивая тылы нашего «мозгового штурма», кормила нас весьма вкусно и калорийно. Периодически мы ездили «к ребятам» на Юрьевскую, где преподавателями академии проводились предэкзаменационные консультации, и здесь приходило ощущение того, что мы на правильном пути — на подавляющее большинство задаваемых другими абитуриентами вопросов мы знали ответы. Одним словом, набрав на вступительных экзаменах 23 балла (три «пятерки» и две «четверки»), я на пять лет стал слушателем 2-го факультета (ЗРВ) АРТА им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. «курсантом Соколовским».

*Начальник АРТА маршал
артиллерии Бажанов Ю.П.*

*Слушатель 201 отделения
курсант Соколовский Л.К.*

Стали «академиками» и Александр Мальков (1-й факультет, ПРО), и Сергей Большаков (3-й факультет, ЭВТ и ВМ). Надо сказать, что заявления мы все подавали на один и тот же (3-й) факультет, тем более, что в 11-м классе по программе производственного обучения мы с Сергеем проходили практику в 9-м Управлении полигона (ВЦ) на 40-й площадке, по окончании которой нам были вручены свидетельства «Настройщик блоков ЭВМ». Но по абсолютно непонятному для нас принципу мы были определены на разные факультеты.

Началась же наша «служба-учеба» с прохождения в академическом лагере под Харьковом, в районе г.

Чугуева, так называемого «курса молодого бойца» — изучение уставов Вооруженных Сил, регулярные марши-броски «в полной выкладке», одиночная и очередями стрельба из автомата в тире, суточные дежурства, в том числе на кухне и пр. При этом проживали мы в палаточном городке. Завершился курс молодого бойца принятием воинской присяги на верность Отечеству. Эта торжественная церемония прошла чуть позже во внутреннем дворе академии.

Первые три года мы находились на казарменном положении и проживали на площади Руднева-36 (третий этаж), при том, что на первом этаже жили слушатели-офицеры, а на втором — «снимаемые с казармы» слушатели старших курсов из числа курсантов. Шесть дней в неделю начинались для нас в 7.00 командой «Батарея, подъем!», которую, как мне казалось, с чувством садистского злорадства прямо над ухом спящего орал дежурный или дневальный по батарее, заглядывая во все комнаты. Затем в любую погоду следовала пробежка вокруг здания (оно вместе с внутренним двором занимало целый квартал) и физзарядка, туалет, построение и переход строем (около 3-х километров) с пл. Руднева на пл. Дзержинского в здание академии. Здесь после завтрака в академической столовой мы в соответствии с расписанием занятий для соответствующей учебной группы расходились по своим аудиториям на занятия (лекции, упражнения, семинары, лабораторные работы и пр.) — ежедневно 3—4 пары!

Затем следовал обед, переход в специально выделенные для проведения самоподготовки аудитории

и... получасовой послеобеденный отдых, во время которого многие ухитрялись даже «соснуть», сидя за столом и уронив голову на руки. Кстати, этот короткий послеобеденный сон «для восстановления работоспособности мозга» не то, что не осуждал, но даже рекомендовал нам Юрий Павлович Бажанов.

*Курс молодого бойца в летнем лагере под г. Чугуев
курсанты В. Неугодов, В. Рыгалин и я (справа)*

После этого начиналась собственно самоподготовка, которой руководил (объявлял ее начало, десятиминутный перерыв в конце каждого часа и, наконец, ее окончание) «дежурный по самоподготовке», назначаемый из нашего числа заместителем

начальника курса по скользящему графику. Во время самоподготовки основная часть слушателей добросовестно «отрабатывала» лекционный материал с использованием рекомендованных учебников. Но были и такие, которые занимались личной перепиской или, как например, Юра Спицын, зондированием с помощью подзорной трубы окон находившегося по соседству с академией здания Госпрома (Государственная промышленность) — разглядывал его сотрудниц, отвлекая остальных своими восторженными комментариями и громкими междометиями.

В конце дня после окончания самоподготовки следовал ужин и после него построение у центрального подъезда здания академии для перехода на пл. Руднева в казарму. Здесь к нам нередко выходил Юрий Павлович и, обращаясь к нам исключительно словами «сынки» или «золотая молодежь», подробно расспрашивал о жизни и учебе, о том, чего нам не хватает для полного счастья. При этом, всегда сопровождавший его ординарец все подробно записывал — как правило, наши пожелания и свои обещания Юрий Павлович выполнял. После перехода на пл. Руднева-36 оставалось около полутора часов личного времени, которое неожиданно быстро оканчивалось общим построением, вечерней поверкой и командой «Отбой, батарея!». После этой команды разрешалось ложиться спать, но многие продолжали самоподготовку, пользуясь услугами огромного читального зала с индивидуальными столами, освещаемыми настольными лампами. Не скажу, что регулярно, но

довольно часто перед семинарами, сдачей очередных «тысяч» по иностранному языку, зачетами или экзаменами и мне приходилось пользоваться услугами читального зала. В 24.00 в читальный зал заходил дежурный по батарее и, не обращая внимания на возражения завсегдаатаев-отличников, выключал свет — так было только в будни перед предстоящим рабочим днем, а в выходные же дни разрешалось заниматься хоть сутками напролет.

Таким плотным по форме и напряженным по содержанию был, как правило, каждый день недели, не считая воскресенья, когда нам предоставлялось право поспать утром лишний час, не ходить на зарядку, завтракать, обедать и ужинать в столовой, расположенной в этом же здании на пл. Руднева-36. Кроме того, получив увольнительную записку, можно было выйти в город, сходить в театр или в кино либо на свидание, если тебя кто-то где-то уже ждал.

Здесь не могу не вспомнить пару четверостиший из трогательного стихотворения моего товарища по учебе Володи Неугодова, позже ставшего членом Союза журналистов России и популярным в армейских кругах поэтом, на которое его, по-видимому, вдохновил вид из окна нашей комнаты на третьем этаже (за точность слов не ручаюсь, но общий смысл таков):

Вот он, мир у нас за занавеской —
По утрам в тумане, ночью в звездах,
Днем он расцветает смехом детским —
Там все очень ясно и все просто!

А у нас с «подъема» до «отбоя»
Суета, и время мчит незримо:
Ты спешишь — стремится за тобою,
Сбросишь скорость — пролетает мимо...

201 учебное отделение на фоне академии

К слову сказать, находиться постоянно в таком плотном ритме тяжело было лишь первый год (на него пришелся и максимальный «отсев» поступивших), а затем мы, приспособившись к обстановке, стали находить время для самых различных (малых и больших, личных и общественных) дел — жизнь заиграла совершенно иными красками! Да, и «учиться» мы научились, перенимая опыт старшекурсников и наших друзей из гражданского студенчества. Не скажу, что всегда и все пользовались

на экзаменах «дополнительной литературой», но работа над шпаргалками и «бомбами» (ответами на билеты, изложенными на полуофициальных листах с печатями) не оказалась нам чуждой. При этом, на каждого из нас выпадала задача качественно «отработать» 5—6 билетов, т. к. их количество значительно превосходило число сдающих экзамен. Поэтому сам процесс подготовки шпаргалок (как правило, в последний день перед экзаменом) во многом дополнял собственно подготовку к экзамену, а уж если ты вдруг вытаскивал на экзамене «свой» билет, то и никакие «шпоры» или «бомбы» здесь не требовались — такие случаи были не редкостью.

В процессе сессии — в академии между факультетами, на факультетах между курсами и на курсах между учебными группами — шла постоянная азартная борьба за «высший средний балл» (подсчитывался до сотых долей). Впрочем, этот «оценочный» ажиотаж оставался без внимания некоторых наших «пофигистов», жизненным кредо которых был девиз: «нам не нужен высший балл — лишь бы отпуск не пропал»!

Мы активно участвовали не только в борьбе за «высший балл», но и в проводимых между факультетами спортивных соревнованиях — л/атлетика, плавание, гимнастика, волейбол, ручной мяч, баскетбол, военное многоборье и др. При этом, факультетским «сборникам» (а тем более, «сборникам» академического уровня, а в состав волейбольной сборной вошел перворазрядник Сергей Большаков) предоставлялось право «освобождения от строя», чтобы время, сэкономленное на переходах в академию и обратно, использовать для тренировок.

*201 учебное отделение в полном составе
перед легкоатлетическим кроссом*

Хочется сказать добрые слова в адрес обучавшихся вместе с нами офицеров (учебные группы у нас были смешанными). Они, уже отучившиеся в «нормальных» училищах и послужившие в войсках, «преподавали» нам, вчерашним школьникам, азы взрослых отношений в армейской среде. На первый взгляд, жестковатых и не всегда «по шерстке», но, как оказывалось на поверку, всегда во имя твоего же блага направленные на выполнение основной нашей задачи. Расставались мы уже настоящими друзьями и, например, с Володией Алексеевым и Виталием Сазоновым до сих пор продолжаем перезваниваться и общаться, чаще всего на юбилеях нашего выпуска или в ходе других ветеранских встреч.

*«Великолепная семерка» офицеров нашей группы:
В. Алексеев, В. Володькин, В. Скворцов, С. Мещанинов,
В. Слепнев, Г. Стретович и В. Сазонов (фотографирует)*

Хорошей «разрядкой» в нашей повседневной жизни были периодически проводимые в академическом клубе вечера, посвященные различным торжественным датам в жизни страны и академии, встречам с интересными людьми, концертам профессиональных исполнителей и др. Но главное, в чем мы с удовольствием принимали самое непосредственное участие, это вошедшие в то время в моду «заседания» клуба веселых и находчивых (КВН), проводимые в академии как соревнования между факультетами. Здесь нашей фантазии и стремлению победить не было

предела — подготовка и репетиции шли ежедневно и, конечно же, с освобождением «от строя» и частично «от самоподготовки». На поверку действительно получались очень занятные номера: острые и содержательные репризы, юмористические миниатюры, порой, настоящие мини-спектакли. Не зря же харьковская студенческая молодежь с нетерпением ждала и с большой готовностью участвовала в этих «академических» заседаниях веселых и находчивых курсантов. Тем более, что все встречи традиционно завершались танцами под аккомпанемент «живого» академического оркестра или приглашенной вокально-инструментальной «джаз-банды» — многие из нас нашли здесь своих подруг на всю жизнь.

Я не стал исключением. Дело в том, что часто в подготовленных нами выступлениях присутствовали и женские роли, на которые мы, если не исполняли их сами, приглашали своих знакомых, как правило, девушек из харьковских учебных заведений. Однажды в составе приглашенных «на просмотр» студенток совершенно случайно (говорит, что затащили подружки — Лена Дубровская и Лена Гавриленко) оказалась и моя будущая «половинка» Светлана. Уже значительно позже она подарила мне двух прекрасных дочерей и вот уже более полувека даже под пытками не признается, что я испортил ей всю жизнь. Кстати, обе упомянутые Елены также осчастливили наших курсантов!

Здесь, в академическом стационаре при поликлинике, я часто лечил свою традиционную фолликулярную ангину, что, в конце концов, «подсадило» мне сердце и

*Итак, она звалась
Светланой, 1968 г.*

*23 марта 1969 г. с Сашей
Шевыревым — последние
месяцы «на воле»*

привело к устрашающему своей непонятностью диагнозу: «миокардиосклероз как исход инфекционной миокардиодистрофии». Лечение ангины проходило в два этапа. Первые два-три дня с температурой под 39 градусов и уколами антибиотика через каждые четыре часа — неприятный этап постоянного пребывания в полусознательном состоянии. Затем, на втором этапе, дней десять, ощущая себя вполне здоровым, не знаешь, куда деться и чем заняться — читаешь книги, принесенные учебники и газеты, спишь, просто валяешься и... ждешь конца этой беззаботной каторги.

Как-то во время моего пребывания на втором этапе болезни дежурная медсестра (пожилая, по моим тогдашним меркам, дама лет 35-ти) пригласила сыграть с ней в шахматы — оказалась заядлой шахматисткой с профессиональным первым разрядом, выступающей за сборную команду академии. Надо сказать, что игра перворазрядника и перворазрядницы это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Сначала игра проходила на равных, затем я приспособился к ее дебютному арсеналу и манере игры и стал чаще выигрывать, и в этом заключалась моя роковая ошибка — есть категория людей, которые патологически не любят проигрывать! Свободного времени у меня не стало совсем — «наелся» шахматами по горло, а отказаться от игры было неудобно и опасно (шприц находился в ее руках!). Выручила военная хитрость: прослышав, что она не переносит запаха мужского одеколона «Шипр», я приобрел его и стал утром после бритья обильно им «поливаться». Сработало, вызовы «к барьеру» стали значительно реже, а потом и вовсе прекратились — по-видимому, нашла другую жертву.

Здесь же, в академической поликлинике, врач-стоматолог с двумя ассистентками поставил на мне эксперимент по «первичной реплантации зуба» — хочу обратить ваше внимание, что это сейчас реплантация в порядке вещей, а тогда за окном был далекий 1966 год! Мой «болезненный» зуб был аккуратно извлечен из лунки в челюсти, вылечен (а скорее всего, убит, т. е. превращен в протез) и через пару дней возвращен на свое место. Считаю, что эксперимент был неудачным, т. к.

через несколько лет «зуб-протез» полностью разрушился — сегодняшняя «металлокерамика» держится значительно дольше. Хотя, для середины прошлого века, может быть, эта операция стала приличным достижением и потянула на диссертацию.

Здесь же я дважды получал медицинские справки о том, что «...по состоянию здоровья противопоказаний для нахождения на гауптвахте не имею» — без такой справки гарнизонная гауптвахта (начальник — капитан Зонтиков) отказывалась принимать в свои фешенебельные номера... на нары.

Первое такое наказание последовало «за игру в карты, будучи дневальным по батарее». Глубокой ночью на тумбочке дневального мы полным составом суточного наряда «расписали пулю» («двадцаточку») и не заметили (лампа освещала только поверхность тумбочки), как к нам из темноты подошел приехавший проверять караулы дежурный по академии в звании «полковник». Надо отдать ему должное — он не шумел и даже не выразил никакого недовольствия нашим занятием. Наоборот, живо поинтересовался и «горой», и «вистами», и «до какой бомбы темним», и «по сколько за вист расплачиваемся» — короче, проявил абсолютное знание предмета и вскоре удалился. Мы посчитали, что «пронесло», ан нет — наутро вся троица была «на ковре» у командира курсантского дивизиона полковника Борисова и «получила» от него по «двое суток ареста с пребыванием на гауптвахте».

Второй же раз я был наказан за «самовольную отлучку» — есть такое нарушение воинской

дисциплины, когда что-то делать нельзя, но очень хочется, и ты делаешь. Дело в том, что на тот момент (на майские праздники 1968 года) к нам в Харьков приехали мои одноклассники по приозерской школе: Юра Грицак, Валера Львов, Рита Харькова, Эдик Морозов и Люда Щукина. При этом кроме нас с Сергеем в Харькове в то время проживали наши одноклассники Аня Тищенко (с родителями) и Виталий Багаев (учился в Харьковском медицинском институте). Вот в таком составе мы и договорились отметить первомайские праздники в квартире у Ани Тищенко в районе Салтовки.

Все было бы хорошо, если бы накануне, уже не помню за какую провинность, командир взвода лейтенант Соколов (на год старше нас) не лишил меня увольнения. Что вы прикажете в такой ситуации делать? Полностью с вами согласен, я так и поступил — плюнул на все и уехал к ребятам на Салтовку. Когда вечером вернулся на пл. Руднева-36, меня там уже ждал командир взвода со словами: «Лишаю вас увольнения и на завтра, а после праздников жду у начальника факультета!». Решив, что хуже уже не будет, я и 2-го мая уехал к друзьям. По возвращении в казарму картина повторилась, только теперь я еще и узнал от лейтенанта Соколова, что две и больше самоволки в течение месяца — это уже не «нарушение воинской дисциплины», а «воинское преступление», за которое «светит» суд военного трибунала!

После праздников начальник факультета принял решение ходатайствовать перед начальником академии

о моем из нее отчислении и направлении в войска дослуживать положенный срок срочной службы (скорее всего, по приговору военного трибунала в «дисциплинарный батальон»). При этом он потребовал вызвать к нему моего отца. На мое возражение, типа, причем здесь отец, я уже взрослый и сам отвечаю за свои поступки, последовало твердое: «Слушай приказ!» — усугублять я не стал. С отцом повезло: он на тот момент оказался не на полигоне, а в отпуске и пребывал без мамы (она узнала обо всем значительно позже) в гурзуфском санатории на Черном море. На мое срочное приглашение отреагировал с мужским пониманием: «Что, женишься?». Я коротко объяснил суть дела — он приехал.

Короче, «строгали» они меня втроем: начальник факультета Исаев А.И., начальник курса Дюбаньков П.П. и мой отец — все фронтовики-орденоносцы и «полковники». Мне было очень стыдно! Начальник факультета (кстати, с 1956 по 1960 годы он был первым начальником штаба полигона) принял решение допустить меня к экзаменам (через некоторое время начиналась сессия), а по их результатам вынести окончательный приговор. Сдал я сессию вполне прилично и вместо положенного после нее «отпуска с поездкой на родину» получил... «трое суток ареста с содержанием на гауптвахте». Отпуск в тот раз мне был «прощен» совсем — после возвращения с «губы» я ходил в наряды, занимался хозяйственными работами в казарме и в академии, загорал во внутреннем дворе здания (пл. Руднева-36).

*Побывать в Харькове и не посетить место
неоднократного «отдыха» — с Сашей Шевыревым
около гарнизонной гауптвахты, 2011 г.*

Коль скоро я уже проговорился об обретении после четвертого курса своей «половинки» на всю оставшуюся жизнь, расскажу об этом подробнее. После третьего курса нас «сняли с казармы», определив каждому нехилую стипендию в 95 рублей в месяц. Это было то время, когда дипломированный инженер получал 120 рублей в месяц. Отпущенные «на вольные хлеба», мы с Сашей Шевыревым, с которым тесно подружились за время учебы в академии (кроватьи в казарме стояли рядом), поселились в семейном академическом общежитии-гостинице по ул. Ленина-22. Кстати, посуда в наших «хоромах» происходила исключительно из харьковских столовых,

кафе, ресторанов и других заведений общепита — таким образом мы с ними «рассчитывались» за обсчет и обвес, в коих никаких сомнений у нас не было. Свободного времени у нас появилось значительно больше, т. к. дорога до академии (и обратно) занимала у нас теперь даже пешком 10—15 минут. К тому же организацию занятий старшекурсника нельзя было даже близко сравнить с учебной на младших курсах с пребыванием на казарменном положении. Очень много уже зависело от нас самих, от собственной организованности и умения планировать рабочее и нерабочее время. И если раньше, будучи слушателями начальных курсов, мы свое свободное время чаще тратили на библиотеку, читальный зал или военно-научный кружок (ВНК), то на старших курсах, не забывая о перечисленных «увлечениях», стали больше уделять внимание своей духовной, культурной и личной жизни.

*За высокие достижения в военно-научной
работе от начальника академии*

ШИРМАН Я. Д., ГОЛИКОВ В. Н., БУСЫГИН И. Н., КОСТИН Г. А.,
АНЖОС В. Н., МИНЕРВИН Н. Н., НАЙДЕНОВ Б. В., ЧЕЛПАНОВ А. С.

Минервин И. Н.
Голыков В. Н.
Бусыгин И. Н.
Костин Г. А.
Анжос В. Н.
Минервин Н. Н.
Найденков Б. В.
Челпанов А. С.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РАДИОЛОКАЦИИ

Под редакцией ШИРМАНА Я. Д.

*Автографы ведущих ученых академии на книге
Якова Давидовича Ширмана*

Вспомнил о нашей работе в ВНК, остановлюсь по-
дробней. С первого же курса мы с Сашей пришли на
кафедру передающих устройств к полковнику Давыдову
Самуилу Давидовичу, под руководством которого доб-
росовестно штудировали рекомендуемую техническую
литературу. При этом не пропустили ни одной выставки
«курсантского» творчества, демонстрируя результаты
своей научной работы. Мне досталось разработать схему
действующего макета бортового радио-ответчика на
«варикапах» с использованием линейно-частотной мо-
дуляции (ЛЧМ) ответного сигнала. Сформировал заявку
на радиодетали и по их получении «спаял», настроил и

отработал действующий макет. Более того, позже это же схемное решение и ее реализация легли в основу «практического» раздела моей дипломной работы. Саша примерно по такой же технологии разработал и изготовил действующий макет радио-взрывателя ракеты (только на «варикондах», а не на «варикапах») с использованием фазо-кодо-манипулированного (ФКМ) сигнала.

Очередную выставку, на которой были представлены и продемонстрированы нами в действии указанные макеты, посетил начальник академии. За активное участие в военно-научной работе мы с Сашей были премированы маршалом артиллерии Юрием Павловичем Бажановым — с его подписью на именной вставке мы получили в подарок по стопке книг, изданных и подписанных автографами ведущих ученых академии (Ширман Я.Д., Шифрин Я.С., Голиков В.Н., Бусыгин И.Н., Костин Г.А., Манжос В.Н., Минервин Н.Н., Найденов Б.В., Челпанов А.С. и др.). Этот подарок вот уже более пятидесяти лет не только занимает в моей технической библиотеке достойное место, но и востребован, хотя, по чести сказать, с годами все реже.

Так вот, став больше уделять внимание своей духовной и культурной жизни, мы стали чаще наведываться в харьковские театры: музыкальной комедии, оперы и балета им. Н.В. Лысенко, академического русского драматического им. А.С. Пушкина и др. Не оставляли без внимания различные художественные выставки, философские семинары, случалось, и воскресные службы, проводимые в православных церквях и храмах. И, конечно же, с удовольствием продолжали «играть» в КВН.

В ходе проведения очередной репетиции к одному из его «заседаний» Саша подвел ко мне и познакомил с хрупкой блондинкой по имени Светлана (имя ей очень подходило) — она появилась в клубе академии с двумя подругами, которые, обладая музыкальным образованием и прекрасными голосами, уже неоднократно участвовали в наших выступлениях. Не скажу, что между нами со Светой сразу «проскочила искра», но по мере дальнейших встреч я понял, что это «наш человек». Правда, на одно из свиданий она пришла, как сейчас помню, в фиолетовом коротком пальто, белом берете и... в шокирующих меня белых гольфах! Вида я не подал, но гуляли мы с ней в тот раз по каким-то харьковским задворкам. Только позже я узнал, что был глубоко неправ — этот ее «прикид» был «писком» моды, а я просто безнадежно отстал от этого «писка» в своей казарме! В дальнейшей нашей совместной жизни я всегда полагался и полагаюсь до сих пор исключительно на ее вкус, знание моды и правил этикета.

Короче, после полугода наших встреч и свиданий в какой-то момент она проявила неосторожность (а, может быть, и находчивость), и из хороших друзей мы превратились сначала в близких друзей, а затем и в родных на всю жизнь людей. Мы с ней приняли окончательное решение об объединении наших судеб и подали заявление во Дворец бракосочетания (регистрация была назначена на 08 июля 1969 г.), и только после этого я позвонил проживающим в то время в Приозерске родителям и пригласил их на свадьбу — такая самостоятельность была, как мне кажется, привита их воспитанием.

*Во Дворце бракосочетания на ул. Сумской,
г. Харьков, 08.07.1969 г.*

Без слов... на всю жизнь!

Отец Светланы — Иван Трофимович Желтухин (1918 г. р.) — участник Великой Отечественной войны, подполковник-танкист, кавалер двух орденов, сразу после завершения войны принимал участие в обеспечении работы исторического Нюрнбергского трибунала. Своим автомобильным полком он обслуживал

*Иван Трофимович
Желтухин — участник
Великой Победы*

участников проходившего процесса. Далее ему пришлось послужить в Кенигсберге (ныне Калининград), затем в Латвийской ССР (г. Рига). Уволившись из армии, он вернулся на Украину в г. Харьков, где еще долго продолжал работать в различных организациях и на предприятиях по хозяйственной части.

*Процесс бракосочетания: за нами свидетели Саша и
Лидя, за ними Людя Кортавенко с Сергеем*

*Тамара Семеновна
Желтухина*

Ее мама — Тамара Семеновна Желтухина (Луговская, 1924 г. р.) — также фронтовичка, старший сержант-связист, награждена орденом Отечественной войны I степени и многими медалями за освобождение ряда городов европейских стран. До самой пенсии продолжала работать в различных НИИ.

Света с мамой в г. Кенигсберге, 1952 год

Светлана родилась 10 сентября 1948 года в Кенигсберге (такова запись в Свидетельстве о рождении), пожила с родителями в Риге, пошла в среднюю школу уже в Харькове и, окончив ее, поступила в Харьковский техникум советской торговли. Когда в начале 1969 года мы с ней познакомились, она была студенткой выпускного курса.

Одним словом, когда я почувствовал, что жить без нее не могу, и она этому великодушно поверила, мы (она — дипломированный товаровед промышленных товаров, и я — слушатель пятого курса военной академии) заключили брачный союз. Кстати, прошло после этого тридцать девять долгих лет, и вот в 2008 году в России был учрежден праздник «День семьи, любви и верности», которым стало... 08 июля! Наконец-то, думаю, справедливость восторжествовала! Мы со Светой сочли это добрым знаком от Создателя, по делам и мыслям нашим признавшего и одобrivшего эти узы Гименеи. Теперь никто из друзей и родных не забывает поздравить нас с очередной годовщиной свадьбы — если вдруг забудут, то добрые дикторы центрального телевидения с голубого экрана обязательно об этом напомнят!

После проведения ритуала во Дворце бракосочетания на ул. Сумской гостей, приглашенных на свадьбу, мы со Светой встречали на ступеньках ресторана «Динамо» в ПКиО им. М. Горького. С моей стороны были мама с сестрой (отец не смог приехать из-за проводимых на полигоне испытаний). При этом Людмила, только что окончившая в Приозерске среднюю

школу им. «50-летия Октября», воспользовалась этим приездом на свадьбу брата для поступления в ХИСИ. Кроме того, конечно же, была широко представлена наша «курсантская братия», не успевшая после завершения летней сессии разъехаться по родным городам и весям, а, может быть, и специально для участия в торжествах задержавшаяся с отъездом. Со стороны невесты гостей было больше (местные), и я только после свадьбы постепенно смог со всеми перезнакомиться и узнал, какие это были чудесные люди, родные, близкие и друзья Светланы и ее родителей. Свидетелями на нашей свадьбе были: со стороны жениха — Саша Шевырев, который до сих пор часто напоминает мне, кому я обязан своим счастьем (и познакомил нас, и «освидетельствовал» наш брак), а со стороны невесты — Лида Горбатенко (подруга Светы на тот период жизни). Конечно же, среди гостей был и Сергей Большаков — не смог пройти мимо утраты другом вожденной свободы!

Надо сказать, что на следующий же год ресторан «Динамо» сгорел дотла, что дало повод некоторым друзьям-шутникам задавать риторические вопросы, типа, а была ли свадьба вообще, и, может быть, стоит повторить ее заново. И только признание в 2008 году нашего брака Господом Богом и Российской властью (см. выше) расставило все точки над «і».

После свадьбы мы со Светой поехали «дикарями» в «свадебное путешествие» на Азовское море в г. Геническ и, сняв небольшую комнату в частном секторе, от души упивались свободой, морем и друг другом...

По возвращении я на правах зятя поселился в отчем доме Светланы. Сказать, что у меня не было сомнений по поводу правильности совершенного поворота в жизни, я не могу (наверное, через это прошла и моя жена), но, честно говоря, никаких поводов для этого не было, и я ни разу в жизни об этом не пожалел. Что касается изменений в образе жизни, то речь шла только о возвращении в домашнюю обстановку, что мне, выросшему в нормальной семье, по духу было значительно ближе. При этом Светлана устроилась на работу продавцом в Детский мир на пл. Тевелева, и мы часто возвращались домой вместе, заезжая друг за другом. Короче, в течение последнего года учебы в академии я в полной мере прочувствовал выражение: «аки сыр в масле катался»!

Однажды Сергей предупредил меня о том, что вечером в предстоящую субботу привезет к нам со Светой свою невесту — знакомиться. Гостеприимные родители Светы накрыли небольшой стол — нам был весьма интересен его выбор, о котором он до сих пор почему-то молчал. Когда раздался звонок над входной дверью, и мы ее распахнули..., удивлению моей супруги не было предела — Галя, так звали Серезину невесту, оказалась ее одноклассницей по средней школе! Ну, разве это не перст судьбы: одноклассники из Приозерска абсолютно независимо друг от друга женятся на одноклассницах из Харькова!

Познакомились они с Сергеем в академической библиотеке, куда Галя устроилась работать после окончания школы. Ее отец, подполковник Рогозин С.С., служил в

*На свадьбе у Сергея с Галей – я в роли свидетеля
этого священнодействия*

это время в учебном отделе академии. Конечно же, смотрины прошли «на Ура!», и выбор Сергея был поддержан двумя руками (моей и Светы) — через некоторое время они сыграли свадьбу. «Наше все» в русской поэзии по этому поводу написал: «И я там был, мёд–пиво пил, по усам текло, да в рот не попало!». Не могу согласиться, уважаемый Александр Сергеевич, и во имя торжества справедливости открою тайну полувековой давности: я был на этой свадьбе свидетелем со стороны жениха и Вас, простите, там не видел! А вот «мед» был действительно славный, и было его много, и с «пивом» мы «мед» по известной причине не мешали, и в рот попало, как всегда, вполне достаточно, ну, а в Приозерск по выпуску из академии мы приехали уже вчетвером. Вот так-то, глубокоуважаемый гений русской поэзии!

*Маршал артиллерии
Бажанов Ю.П. вручает мне
диплом, 1970 г.*

*Выпускник АРТА
лейтенант-инженер
Соколовский Л.К.*

Завершая рассказ о пяти, как я считаю, интереснейших годах учебы в академии и жизни в Харькове, с радостью отмечаю, что такова не только моя оценка. Вот уже около пятидесяти лет позади, а мы, выпускники АРТА 1970 года, продолжаем встречаться каждые пять лет и, не смотря на то, что становимся все «фигуристей», седеем, лысеем, обрастаем усами и бородами, с упоением продолжаем, как дети, радоваться этим нашим встречам, теплым воспоминаниям и старым фотографиям.

Каждую такую встречу мы начинаем с минуты молчания в память о наших однокашниках, ушедших из жизни за истекшие после окончания академии годы.

*«Последний звонок» в ресторане «Люкс»: Г. Шуклин,
В. Неугодов, Ю. Мазжухин, Энрико Карузо (я),
С. Сироткин и В. Слепнев*

Встреча через 45 лет! Москва, 2015 год

При этом перед глазами участников встречи под мелодию песни «Журавли» в исполнение Марка Бернеса проплывают до боли знакомые лица и сюжеты — к большому сожалению, «минута молчания» с каждой встречей неуклонно увеличивает свою продолжительность...

10 ГНИИП МО СССР

Говорят, дважды в одну и ту же реку вступить невозможно — полагаю, что мне сделать это тоже не удалось! И хотя я ранее уже жил в г. Приозерске с родителями, учился с шестого по одиннадцатый класс в средней школе, а затем, после ее окончания, набравшись «ума по лата» в академии, по собственному желанию снова вернулся в г. Приозерск, это была уже совершенно «другая река». Да и я, пройдя «кузницу кадров для полигона» АРТА войск ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. и получив диплом и свое первое офицерское звание «инженер-лейтенант», тоже уже был другим. Тем не менее, если иметь в виду, что в процессе учебы в академии и зимние каникулы, и летние отпуска (за исключением описанного выше) я проводил у родителей в г. Приозерске, то с допустимой натяжкой можно считать, что мой стаж самого тесного, неформального и многопланового общения с полигоном и г. Приозерском составил 18 лет: с 1959 по 1977 годы!

Уезжали мы с Сергеем из г. Приозерска после окончания школы вдвоем, а вернулись в 1970 г. уже вчетвером. Мало того, благодаря нашей агитации и присутствию в это время моего отца в составе Государственной

экзаменационной комиссии от полигона, служить в в/ч 03080 или в бригаде ЗРВ, выполняющей задачу противовоздушной обороны полигона, изъявили желание и поехали еще десятка два «инженеров-лейтенантов». В том числе: Александр Лариков, Анатолий Бычков, Виктор Данько, Вячеслав Петрухин, Володя Рускин, Александр Шевырев, Владимир Неугодов, Геннадий Шуклин, Виталий Слинько, Александр Лобанов, Геннадий Слипченко, Георгий Лобода, Николай Лебедев, Владимир Черемухин, Павел Москвичев, Виктор Мельников и др. (простите, если кого не вспомнил). Кстати, из Харькова в Приозерск (до ст. Сары-Шаган) мы на целую группу выпускников заказали общий контейнер, т. к. «нажить» мебель и домашнюю утварь еще не успели.

По прибытии в в/ч 03080, а некоторые уже были женаты, нас расселили по две-три семьи в 2-3-комнатные квартиры (в течение полугода все получили отдельные квартиры). Это, как вы сами понимаете, не коснулось

«Постпарадная» прогулка по улицам г. Приозерска, 1971 г.

нас со Светой — мы сразу оказались в объятиях моих родителей и были прописаны у них по адресу: ул. Октябрьская-9.

В плане службы, мы, как самые молодые, были «разбросаны» по разным площадкам полигона. Нас с Сергеем Большаковым

*Наш дом: ул. Октябрьская-9, первый подъезд —
здесь мы жили с родителями*

направили на 38-ю площадку (командир в/ч 06544 полковник Котов Р.Я.), расположенную на берегу озера Балхаш в 30-ти километрах от города. Там был развернут и готовился к испытаниям многоканальный стрельбовый комплекс «Аргунь» системы ПРО «Аврора» — недопетой, к большому сожалению, песни основоположника отечественной противоракетной обороны Григория Васильевича Кисунько. Здесь мы прослужили менее года и, хочется думать, не благодаря усилиям отцов, но в силу хорошей личной подготовки, были друг за другом переведены на 40-ю площадку в 1-е Управление полигона, в/ч 03080-Л — основное системное подразделение дважды орденоносного соединения, занимавшееся испытанием средств и комплексов противоракетной обороны.

Начальником 1-го Управления был фронтовик полковник Перфильев В.А. — добродушный, с богатой седой шевелюрой, но одновременно и весьма требовательный военачальник, обладающий веселым нравом и слабостью к игре в шахматы.

Первое место службы — 38-я пл.

Его заместителем — полковник Воскобойник М.А., человек, работающий сам «25 часов в сутки» и требующий такой же самоотдачи от своих подчиненных. В качестве ремарки: после перевода в Москву (в 4 ГУ МО) предыдущего начальника 1-го Управления полковника Скакальского М.А. встал вопрос о кандидатуре на замещение его должности. Выбор стоял между «ветераном» Перфильевым В.А. и «перспективным»

Второе место службы — 40-я пл.

Воскобойником М.А. При этом Владимир Александрович Перфильев, сначала не очень претендуя, по его словам, на эту должность, дал свое согласие стать начальником управления только под угрозой в противном случае попасть в число подчиненных Воскобойнику М.А. (см. выше). Кстати, уже на второй день своего пребывания в 1-м Управлении я был обескуражен неожиданным (во всяком случае, для меня) вопросом попавшегося навстречу Михаила Александровича — утверждены ли у меня тема и план-проспект кандидатской диссертации!

Начальниками отделов 1-го Управления были в основном ветераны, некоторые из них фронтовики, полковники: Левантовский Л.С., Соколовский К.А.,

Перфильев В.А. Воскобойник М.А. Белозерский Л.А.

Святов В.Л., Трухан М.И., Маврин А.И., Мاستюлин А.П., но были и молодые, только что «остепененные» (защитившие кандидатские диссертации) майор Батырь Г.С. и подполковник Белозерский Л.А.

О последнем, а именно к нему я попал в 9-й отдел, хочется рассказать подробнее. Сам чрезвычайно увлекающаяся натура и большая умница, он сумел создать вокруг себя уникальный коллектив единомышленников «с горящими глазами». Для него самого работа была, без преувеличения, только на третьем месте, т. к. первые два были безоговорочно отданы... работе! Попав на полигон во второй половине «пятидесятых», после окончания КВИРТУ, с первой волной «инженеро-лейтенантов», он и закончил воинскую службу здесь же, пройдя за эти годы целый ряд должностей, в том числе трех начальников разных управлений в/ч 03080. Посвятил полигону всю свою офицерскую службу и 28 лет самой активной части жизни! «Добрые» языки в шутку утверждали, что Леониду Анатольевичу, якобы,

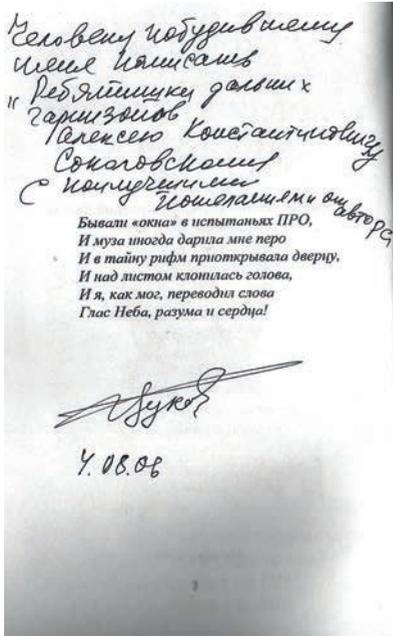
поступило предложение от местных властей изменить фамилию с «Белозерский» на «Приозерский» и стать первым почетным гражданином города.

Послужить же с отцом в одном управлении мне привелось менее года, после чего он был представлен к увольнению из рядов ВС СССР по возрасту. Когда отца провожали в конференц-зале 1-го Управления, один из сотрудников его отдела Цуков Ю.К. прочитал написанное им по этому случаю стихотворение «Ребятишки дальних гарнизонов», содержащее следующие трогательные строки:

Седина пробилась у висков,
Вот и вырос сын, надел пагоны...
Так идут дорогами отцов
Ребятишки дальних гарнизонов.

Конечно же, отец очень растрогался, глаза его повлажнели, и он, кивнув в мою сторону, заявил: «Принимайте, оставляю за себя...» (больше ничего сказать не смог из-за подкатившего к горлу комка) — вот так произошла передача эстафеты в нашей семейной офицерской династии.

Коллектив 9 отдела, подобно своему начальнику, был в то время молод и амбициозен, в хорошем смысле этого слова: Комаров И.П., Кондаков Э.В. Павлович В.Н., Грицовец А.А., Савин А.И., Высоцкий М.М., Давыдов В.И., Бортник Б.А., Романовский В.Н., Пименов В.А., Кологоров Ю.С., Трубников Ю.В., Уваров Ю.П., Елисеев Ю.И., Лазуренко А.А.,

Ранним утром, развея туманы,
 Ветер травы в степи ивевит.
 Сожжены возле старта тюльпаны,
 Чтоб цвели все тюльпаны Земли!

Цуков

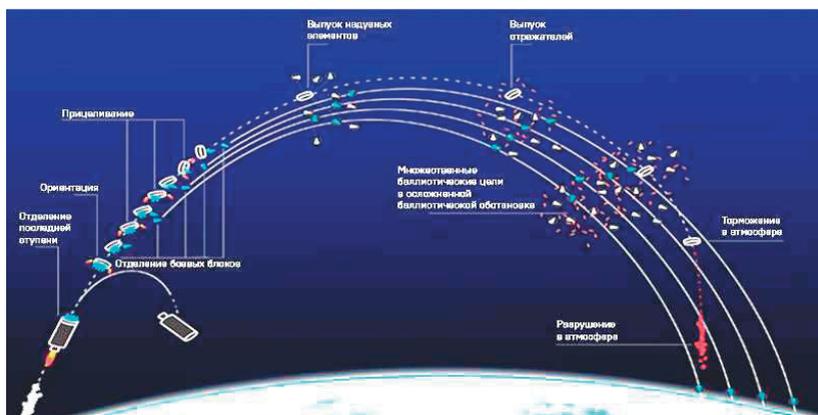
Цуков Ю.К. — автор стихотворения
 «Ребятишки дальних гарнизонов»

Большаков С.Б., Левков В.А., Сенюков Е.Н., Мищенко А.А., Файнгольд В.М., Марчуков Н.И., Маринцев Ю.С., Щеглов В.Н., Соколовский Л.К. и др. Примерно, в одни годы перечисленные офицеры прошли «школу Белозерского», многие из них в ходе работы сдавали кандидатские «минимумы», работали над диссертациями, учились заочно в Новосибирском государственном университете. Для справки: филиал математического факультета НГУ функционировал на полигоне «вахтовым» методом — очередная сессия и циклы занятий проводились одновременно один раз в год. Большинство из нас были активными участниками

«факультатива» по основным проблемам радиолокации, селекции и распознаванию образов, научно-методическому обеспечению испытаний и др. Организатором этого мероприятия, проводимого на добровольных началах по выходным дням, был, конечно же, Леонид Анатольевич. Некоторые из перечисленных офицеров достигли в своих карьерах достаточно значимого уровня, стали кандидатами и докторами наук, и до сих пор находятся, хоть и пребывая на пенсии, «в строю» и «на слуху».

Основной задачей отдела являлась задача летных испытаний комплексов средств преодоления (КСП) ПРО, которыми оснащались головные части принимаемых на вооружение РВСН межконтинентальных баллистических ракет. Вторая сторона этой задачи (кстати, не менее важная и более «родная» для полигона ПРО) — оценка функционирования измерительных средств полигона и эффективности алгоритмов селекции головных частей (ГЧ) на фоне ложных целей (ЛЦ). При этом ЛЦ — легкие надувные, квазитяжелые, плазменные, диполи и др. — использовали различные физические принципы имитации, сокрытия или искажения сигнальных и траекторных характеристик ГЧ.

Таким образом, отработка и проверка алгоритмов селекции, разрабатываемых нашей оборонной промышленностью и военной наукой и реализуемых в функциональном программном обеспечении радиолокационных средств ПРО и СПРН, также находилась в сфере ответственности нашего отдела. Задача комплексная и, как минимум, межвидовая — ее решение

Порядок формирования сложной баллистической цели (СБЦ)

находилось в сфере тесного взаимодействия большого количества военных и гражданских институтов, предприятий и организаций военно-промышленного комплекса и постоянного контроля со стороны Военно-промышленной Комиссии (ВПК) при Совмине СССР. Именно в ВПК регулярно направлялись шифротелеграммы с докладами о результатах работы средств полигона и КСП ПРО после проведения очередного испытательного пуска ракеты по внутренней (недоступной для иностранных разведок) трассе «полигон Капустин Яр — полигон в/ч 03080».

Каждая такая работа начиналась с оформления задания в «Журнале проведения работ по КСП ПРО», которое содержало информацию о привлекаемых к участию в работе средствах измерений из состава расположенных на полигоне. К ним относились: радиолокатор точного наблюдения (РТН, 1-я площадка), радиолокатор канала

цели (РКЦ) «Алдан» (6-я площадка), РКЦ «Аргунь» (38-я площадка), РКЦ «Азов» (35-я площадка), станция дальнего обнаружения (СДО) «Дунай 3-УП» (14-я площадка), оптические и телеметрические средства траекторных измерений измерительных пунктов. Кроме того, задание на работу содержало рассчитанные заранее целеуказания (ЦУ) для привлекаемых к измерениям средств. ЦУ представлялись в виде коэффициентов полиномов, аппроксимирующих траектории движения ракеты, корпуса первой ступени и элементов сложной баллистической цели в принятой, для каждого средства своей, системе координат.

Ответственным за каждую такую работу, отвечающим за весь комплекс подготовительных работ, назначался один из сотрудников нашего отдела. В его функции входило согласование задания на работу со всеми начальниками отделов управления, курирующих средства измерений, проведение экспресс-анализа полученной в работе информации, подготовка по его результатам и отправка в адрес ВПК шифр-телеграммы, оформление задания на вторичную обработку и, наконец, написание отчета по пуску и доклад на «разборе полетов». Он же во время предпусковой подготовки и проведения пуска находился на командном пункте системы (КП), «за спиной» у боевого расчета, руководимого одним из наиболее подготовленных офицеров 1-го отдела управления либо самим начальником отдела. При этом если боевой расчет осуществлял оперативное управление силами и средствами полигона и взаимодействие со «стартом» (Капустин-Яр) в реальном

масштабе времени, то наш ответственный должен был быть готовым дать ответ на любой вопрос, возникающий по ходу работы. Без всякого преувеличения, это была большая физическая нагрузка и психологическая ответственность! Во-первых, потому, что пуски проводились, как правило, поздним вечером на закате Солнца либо ночью (наиболее благоприятные условия наблюдения для «оптики») после рабочего дня. Более того, планируемое время «старта» часто и по несколько раз сдвигалось либо переносилось на следующие сутки «по погодным условиям» или «по готовности» средств старта или измерений. При этом не надо забывать, что это был наш отечественный полигон, т. е. без дежурных «джипов» для доставки обслуживающего персонала. В случае переноса времени старта многочисленные участники работы либо оставались «досыпать» на рабочих местах, либо в любую погоду (зимой до минус 30-ти с ветерком, а летом — до плюс 30-ти с пыльным скрежетом на зубах) пешком отправлялись по домам. Это, «во-первых», а во-вторых, каждый пуск в то время оценивался, примерно, стоимостью 20-ти автомобилей «Волга», и срыв работы или недополучение планируемых результатов, а особенно по вине «человеческого фактора», мягко говоря, не приветствовались — вплоть до отстранения от работы со всеми вытекающими последствиями. Справедливости ради, отмечу, что такие случаи были крайне редки. Отсюда и проведение значительного объема предпускового моделирования, так называемых, «прогонов» с использованием комплексных моделей и реальных средств полигона.

*Заместитель начальника
полигона по НИИР Грицак П.К.*

Отдельно хотелось бы остановиться на упомянутых «разборах полетов», т. е. совещаниях по результатам каждой работы, проводимых, как правило, на четвертый–пятый день после состоявшегося пуска в кабинете начальника управления. В этих совещаниях кроме военных — от заместителя начальника

Импровизированный «ансамбль струнных инструментов»

полигона по науке генерал-майора Грицака П.К. до ответственного за работу офицера нашего отдела — принимали участие главные конструкторы (или их представители) как испытываемых КСП ПРО, так и радиолокационных, оптических, внешнетраекторных и др. средств полигона. Особо хотел бы отметить ту деловую доброжелательную обстановку, которая царила на этих совещаниях: нам, молодым офицерам, было чрезвычайно лестно то внимание и уважение, с которыми воспринимались наши доклады, выслушивались наши мнения. Вполне нормально воспринимались споры по существу, например, между ответственным за работу старшим лейтенантом Мищенко А.А. и основателем ПРО СССР генерал-лейтенантом Кисунько Г.В. И ведь нередко «побеждали» точки зрения «младших товарищей», лучше владеющих деталями условий проведения работы и анализа результатов вторичной обработки сигнальной и траекторной информации! Что еще выгодно отличало технические совещания тех лет от проводимых ныне, так это полное отсутствие в разговорной речи ненормативной лексики: высокообразованным и воспитанным людям вполне хватало словарного запаса, чтобы выразить любую мысль или несогласие с чужой точкой зрения. Мне кажется, что засилье матерных слов в наши дни это проявление «воинствующей некомпетентности», т. е. попытка за напускной «матерной» бравадой скрыть слабость владения предметом обсуждения, неумение отстаивать свою точку зрения либо принять решение, взяв ответственность на себя.

Этот мощный и работоспособный коллектив разработчиков и испытателей прекрасно умел не только работать, но и отдыхать. Нередко после удачно прошедшей работы и проведенного экспресс-анализа случалось продолжение «совещания» в неформальной обстановке: иногда на берегу Балхаша, в гостинице Люкс-1 или Люкс-2, где останавливались наиболее уважаемые приезжие участники работ, иногда в апартаментах Григория Васильевича Кисунько. Не устаю восхищаться многогранностью талантов этих людей — интереснейшие и поучительные рассказы, откровенные «байки» и анекдоты, чтение стихов известных и «запрещенных» в ту пору поэтов, стихов собственного сочинения, душевные песни под гитару — вот что венчало неформальную часть совещаний в условиях нехитрого застолья.

*Отдел во главе с Белозерским Л.А.
с женами и детьми на «вылазке»*

*«Завтрак на траве» — отдел Белозерского
на заливе за 40-й площадкой*

Здесь же, в 9-м отделе 1-го Управления, в 1976 году я был принят сначала в кандидаты, а затем в члены Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), а перед этим, в течение 3-х лет возглавлял комсомольскую организацию управления, за что в звании старшего лейтенанта был «повешен» (имею в виду фотографию) на Доске почета перед кабинетом Перфильева В.А.

Для меня наш рабочий коллектив единомышленников прекрасно дополнялся коллективом «для души», сложившимся из состава упомянутых выше выпускников академии, съевших вместе ни один пуд соли и несколько километров хека. Для справки: хек — морская рыба, которой в жаренном состоянии кормили

«Москвичи» из нашего отдела на годовщине ухода из жизни Кондакова Э.В.: Уваров, Марчуков, Дубовец, Большаков, Котарев, Левков, Щеглов, Пименов, Елисеев, Кондаков (сын Эдуарда Валентиновича) Соколовский, 2004 г.

нас во время пребывания на казарменном положении ежедневно, а иногда и дважды в день. Если длину одной рыбки (15 см) умножить на 365 дней, а затем на три года казармы, получится по 500 м хека на каждого курсанта. В коллектив «для души» вошли: Сергей и Галина Большаковы, Александр и Альбина Шевыревы, Виталий и Тамара Слинко, Геннадий и Лариса Шуклины, Володя Неугодов, который, «потренировавшись» раньше многих, обрел свою «половинку» Галину значительно позже, и мы со Светой — все молодые и интересные, не обремененные никакими заботами (т. е. пока без детей). Мы в свободное от работы время

с завидным упоением занимались подготовкой и проведением теплых и интересных встреч «по поводу» и без всяких поводов, просто от непреодолимого желания видеть, слышать и ощущать присутствие друг друга — общих тем для общения было, как говорится, «выше крыши». Здесь мы устраивали костюмированные «балы-застолья» в малогабаритных квартирах, читали стихи популярных поэтов и «собственных» проб пера (наряду с Володей Неугодовым, среди нас обнаружили и другие небесталанные поэтические дел любители, писавшие свои первые стихи на салфетках), совершали вылазки на «дикий берег Балхаша», и еще много чего делали, так ныне близкого и дорогого сердцу каждого.

Постепенно наш коллектив стал «обрастать» детьми — забот, конечно же, прибавилось, но и тем для предметного заинтересованного обсуждения тоже: в шутку мы даже высказывали сомнения в том, у кого и чей растет ребенок и на кого с годами он больше становится похож. Надо сказать, что этим своим коллективом «для души» мы продолжаем дружить и поныне. Разъехавшись с полигона в разные стороны, мы все, тем не менее, завершили свою воинскую службу и обрели ПМЖ в Москве и рядом с ней, т. е. с учетом совместной учебы в академии вот уже более полувека мы не можем надоесть друг другу! Хотя, здесь я, может статься, не совсем прав — отвечать могу только за себя.

Говоря о нашей работе и службе на полигоне и жизни в Приозерске, было бы несправедливо не вспомнить о «боевых подругах» — наших женах. Все они,

практически, являлись заложницами трудной, но интереснейшей работы своих мужей. В большинстве своем они были лишены возможности работать по специальности и обречены на приготовление пищи из того, что «выбрасывалось» в малочисленных здешних магазинах. В условиях длительного отсутствия мужей они были вынуждены сами выполнять всю, даже мужскую, работу, вплоть до воспитания детей и ремонта квартир.

*Коллективное поздравление кого-то из «наших»
(слова моц, музыка... без музыкального сопровождения)*

В связи с хронической нехваткой зарабатываемых нами денег они вынуждены были «коробейничать», т. е. торговать получаемым и не снашиваемым нами военным обмундированием в ближайших населенных пунктах (ст. Сары-Шаган, ст. Маинты и др.), добираясь

до них на перекладных. И вместе с тем, многие из них находили в этом свое счастье — думаю, потому, что понимали наше предназначение в этой жизни, были прекрасно молоды, любили сами и были любимы.

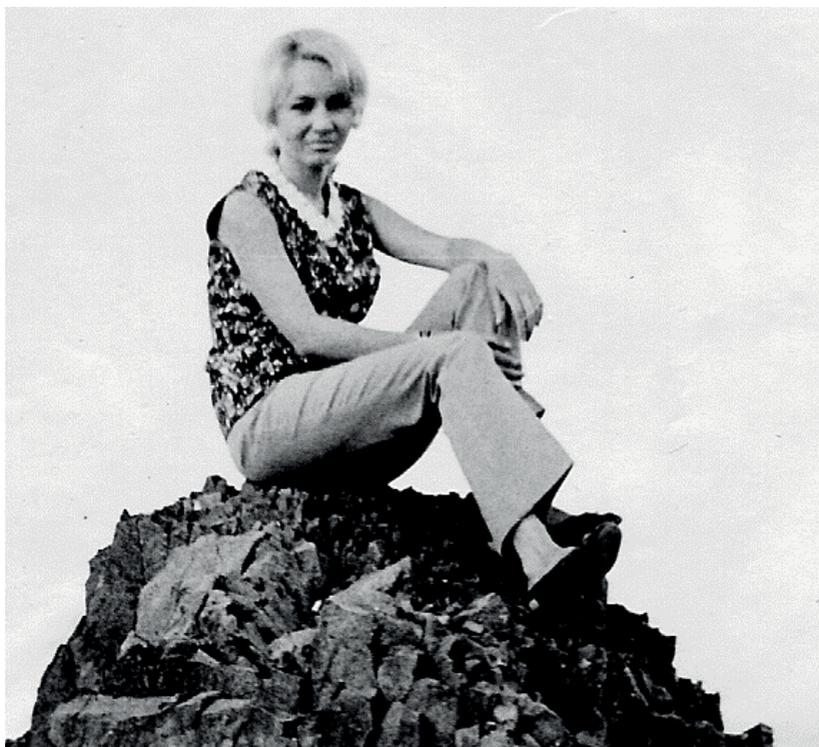
*Снегурочка, г. Приозерск
1971 г.*

*«Жена офицера» —
это особенная статья!*

Позволю несколько слов о Светлане: после средней школы, окончив в 1969 году Харьковский техникум советской торговли по специальности «товаровед промышленных товаров», она вышла замуж за будущего «инженера-испытателя» и уехала за ним... нет, не в Америку, куда ее «сватал» товарищ по учебе, а в казахскую степь Бетпак-Дала.

С 1970 по 1973 годы Света работала в промтоварном магазине на «полуострове» (площадка 4-В) обычным продавцом. Продавцом-то обычным, но вот товар в магазине, случалось, был дефицитным. Помните в те годы поголовного дефицита интермедию Аркадия

*«Декабристка», променявшая город Харьков
на «балхашский утес», 1970 г.*

Райкина об «уважаемых людях», мол, я не возражаю, пусть везде всего будет в достатке, но чтобы всегда оставался маленький дефицит. Я тебе один дефицит — ты меня уважаешь, ты мне другой дефицит — я тебя уважаю! Оба мы уважаемые люди! Так вот, Света у меня в те годы была уважаемым человеком. Дело в том, что местное руководство военной торговли реализовывало дефицитные вещи через этот небольшой расположенный на отшибе магазинчик, мол, нечего

устраивать ажиотаж в Центральном универмаге — все равно, на всех не хватит. Поэтому туда после очередного получения товара «частили» одна за одной служебные машины с женами все могущих лиц — это бросалось в глаза, когда мы, молодые офицеры, несли патрульную службу на «полуострове». Конечно же, нам со Светой и нашим друзьям кое-что тоже перепадало, скажем, к дням рождения или случающимся свадьбам.

Прикрыли мы эту «лавочку» через пару лет сами. Перед очередной проверкой (ревизией) заведующая секцией, симпатичная армяночка Марина Кесабабян, зная, что мы только что приобрели Светлане на день рождения уж больно понравившийся ей костюм-тройку розового цвета, попросила принести его «на всякий случай», мол, ревизия благополучно закончится, тогда и заберешь его обратно. Света (сама молодость и святая простота), «ничтоже сумняшеся», принесла еще ни разу не «одеванную» вещь в магазин — ревизия окончилась действительно без недостачи, но... с учетом стоимости нашего костюма! Когда Света обратилась к Марине, чтобы забрать его, получила ответ, мол, ничем помочь теперь не может.

Меня эта вопиющая несправедливость и горькие слезы жены возмутили до глубины души, а особенно понимание того, что по факту получается была реальная недостача, равная по величине стоимости нашего костюма, о которой ведала... только заведующая секцией! Но что-либо доказать я был бессилён, т. к. все происходило без какой-либо расписки, на чистом доверии — я, стиснув зубы, повторно выкупил этот костюм (все-таки, мой подарок) и настоял на том,

В гостях у Андрея и Татьяны Мищенко — на Свете тот самый «дважды купленный» костюм-тройка

чтобы Света уволилась из этой «гнилой» системы. К тому же, вскоре, в июне 1973 года, в родильном отделении гарнизонного госпиталя явился свету наш долгожданный (с 1969 года) первенец — дочь Ладушка, и мыслям о работе Светланы места в наших головах уже не осталось. Опять же, хорошо, что дефицитные детские товары: высокая коляска, перестраиваемая для зимы и лета, стол для пеленания, раскладывающийся стульчик со столиком и другие вещи, необходимые для новорожденного, — предусмотрительно были «заготовлены» Светой заранее.

На рождении Лады остановлюсь подробнее. Свете она досталась тяжело: и продолжительное лечение для того, чтобы стать мамой, и сильнейший токсикоз, и неоднократное пребывание в госпитале на сохранении..., но переносила она все эти невзгоды очень стойко! На планируемое время родов из Харькова к нам «на помощь» приехал, взяв отпуск, отец Светланы и по совместительству мой тесть Иван Трофимович, очень хозяйственный мужчина. Но Света так долго «терпела», что все мыслимые и немыслимые сроки отпуска у Ивана Трофимовича прошли — конечно же, он переживал и слал своему руководству душераздирающие телеграммы о необходимости его (отпуска) продления на неопределенный срок. И вот, 02 июня 1973 года произошло долгожданное событие — у нас со Светой родилась дочь, а у Ивана Трофимовича с Тамарой Семеновной и у моих родителей, проживающих в Калуге, — первая внучка. Мы с тестем и с примкнувшим к нам Сергеем не могли это событие традиционно не отметить, после чего мы с последним на своих мотоллерах, «Электрон» и «Вятка», поехали навестить Свету — не пустят, так хоть «поорем» под окнами. На выезде из города меня «тормознул» единственный на весь город Приозерск (!) «гаишник»-Костя, казах по национальности, ездивший всегда на мотоцикле в фуражке (без шлема!). Сергея, ехавшего впереди меня, эта участь миновала (проскочил). Короче, в тот день я в госпиталь попал, но... в сопровождении сотрудника ГАИ, и не в родильное отделение, а в приемный покой для медицинского освидетельствования.

Конечно, анализ крови был не на моей стороне, да, я особо и не сопротивлялся, уповая на понимание окружающих ситуации — человек впервые стал отцом (помните популярную песню в исполнении Эдуарда Хилия «Неужели па-па я?»)! Никакого понимания или снисхождения ни от кого я не нашел и не встретил — был лишен водительских прав на два года (максимальный в то время срок) и получил выговор от начальника полигона генерал-майора Маркова П.И. с указанием начальнику управления отправить меня служить на дальнюю площадку. Теперь я с полным основанием мог сказать, что Ладочка нам со Светой далась, ох, как нелегко!

Здесь мне опять повезло — в связи с тем, что Марков П.И. в это время сам находился «в опале» и планировался Москвой к скорой отставке, Владимир Александрович Перфильев, как он потом сам признался, взвесив все «за» и «против» относительно расставания с «рабочей лошадкой», не стал выполнять вторую часть указания начальника полигона, связанную с моей отправкой туда, где «Макар телят не пас». Зафиксированный же официально в приказе «выговор от начальника полигона» удалось «снять» по ходатайству начальника управления перед новым руководителем полигона (генерал-лейтенантом Спиридоновым Е.К.) только в 1977 году в связи с предстоящим моим поступлением на ФРИЗ в ВИРТА им. Л.А. Говорова.

Перед нашим со Светой приездом в Приозерск мои родители, проживавшие до этого в трехкомнатной квартире, специально поменялись в том же доме на

двухкомнатную квартиру, чтобы без проблем оставить ее нам после своего отъезда (детей у нас пока не было). Но сразу же после отъезда родителей в Калугу, эти проблемы неожиданно возникли. Однажды я был вызван к заместителю начальника полигона по тылу полковнику Колганову и по прибытии к нему обнаружил в кабинете несколько молодых мам с маленькими детьми. Таков был замысел: сначала с кивком головы в мою сторону Колганов заявил, что вот из-за таких несознательных «бездетных», занимающих двухкомнатные квартиры, они (присутствующие мамы) вынуждены с детьми ютиться в общежитиях. После молчаливо-неодобрительного ропота женщины с детьми были выставлены из кабинета, а мне было сказано буквально следующее: мол, выселить мы вас не можем, т. к. вы официально прописаны и платите за квартиру исправно, но вот найти вам другое место службы в границах полигона (намекая на площадки, расположенные за сотни километров от города) в наших силах. На том и расстались. Конечно же, я сразу решил доложить о разговоре и посоветоваться со своим начальником отдела — Леонид Анатольевич заявил, что «давить» на меня он не будет, но советует выполнить требование об освобождении данной жилплощади (о каком-то обещании постараться помочь речь, почему-то, не зашла). Поговорив со Светой, мы решили последовать этому «совету» и «добровольно» переехали в однокомнатную квартиру на ул. Ленина-11. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время я узнал, что в эту освобожденную нами двухкомнатную квартиру также

из двухкомнатной квартиры переехал... сотрудник нашего же управления!

При этом, я вполне мог бы понять и принять объяснение, что, мол, управлению не хотелось терять такую хорошую квартиру (эти дома по ул. Октябрьской отличались квартирами улучшенной планировки с большой кухней, отдельными комнатами и высокими потолками), но я не получил вообще никакого объяснения — действительно, кто я такой, чтобы передо мной оправдываться! Роль моего руководства предстала совершенно в ином свете. Ну, и Бог с ними — дела давно минувших дней. Кстати, чуть позже мы узнали, что в это время Светлана уже была в интересном положении — знать бы об этом чуть раньше, все могло бы сложиться по-другому.

*Света с долгожданной
Ладочкой, 1974 г.*

Удачный эксперимент с рождением первой дочери нам со Светой понравился, и уже на следующий год, 27 октября, наша семья пополнилась второй дочерью — Викторией! Да, не обидится она на меня, но ждал я, как, впрочем, и в первый раз, сына — вечное заблуждение молодых мужиков, говорящих о необходимости

обязательного рождения, так называемого, наследника. Жизнь показала, что дочери «привели» нам со Светой в семью прекрасных сыновей, Валеру и Владика, в которых мы больше всего ценим доброе и заботливое отношение к нашим дочерям и, что особенно важно, к нашим внукам Славику, Володе, Алеше и внучке Аленке. Вот только фамилию «Соколовский» жалко — красивая ведь фамилия пропадает!

Но, как бы там ни было, в то время я очень ждал сына, тем более, что Света, как говорили, «ходила» со второй беременностью совсем по-другому, чем с первой, да и ее «формы» были иными — явный признак того, что второй ребенок должен быть противоположного пола первому. Здесь произошел ужасный казус: когда я получил телеграмму о рождении второй дочери, а Света рожала ее в Харькове у мамы, и Лада была с ними, у нас в квартире мой товарищ Володя Неугодов, проживавший, как холостяк, в гостинице, отмечал со своим отделом присвоение очередного воинского звания «капитан-инженер». И вот, когда мне огласили текст телеграммы, не подумав, я пошутил (оказалось, ляпнул) что-то по поводу «гасите свет». Казалось бы, за столом были все «свои», но Свете об этой моей реакции стало известно — конечно же, сознаю, что этой своей выходкой я очень ее обидел. В дальнейшем свою вину я долго замаливал добрым отношением и искупал делами — хочется думать, замолил и полностью искупил.

Взяв очередной отпуск, я слетал в Харьков и привез в Приозерск Свету с Ладой, Тамару Семеновну и...

«конверт» с Викой! Приехали уже в новую двухкомнатную квартиру, которую я получил в соседнем доме по ул. Ленина-11 и, приведя ее в порядок, «перебрался» туда с помощью друзей. Когда я встретился со второй своей дочерью, восторгу моему не было предела — почувствовал, что на свет явилась принцесса, обладающая особым магнетизмом притяжения.

Наши красавицы доставлены в Приозерск, 1974 г.

По жизни оно так и случилось — отбоя от «вздыхателей» у Виктории («Победа!», англ.) не было, и от одного из них отбиться ей не удалось. По-видимому, и не очень хотелось!

В самое тяжелое для нас время, когда в местных продуктовых магазинах было «шаром покати», а если что-нибудь и «выбрасывалось» в продажу, то стояли

длиннющие хвосты многочасовых очередей, Света с двумя малышками вынуждена была по полдня стоять в этих очередях. При этом без очереди никого не пропускали, и малые дети, как правило, не являлись аргументом, т. к. состав очередей был, примерно, однороден — дети и мамы. Никогда не забуду «картину маслом», когда как-то зимой, вернувшись с работы и не застав никого дома, я пошел искать своих домочадцев по ближайшим магазинам (мобильников еще не было). Навстречу мне, тяжело упираясь, шла Света с Викторией

Всей семьей в гостях у родителей в Калуге, рядом с музеем Циолковского Э.К., 1976 г.

на руках и тащила за собой санки, в которых в обнимку сидели Ладочка и... туша замороженного сайгака! Ну, как можно было не любить, не ценить или обижать этих Господом Богом нам данных героинь!

Честно скажу, что меня жизнь в Приозерске и служба на полигоне полностью устраивали. Может быть, потому, что я здесь вырос, и работа у меня была на редкость интересная и внушающая самоуважение, и

окружали меня уважаемые люди и настоящие друзья, и, опять же, рыбалка была «на зависть» — одним словом, уезжать я никуда не собирался.

Вместе с тем, стал замечать, насколько этот приозерский быт и резко континентальный климат (нехватка кислорода в воздухе, жара летом с нередкими пыльными бурями и мороз зимой с ледяным пронизывающим ветром) стали тяготить Светлану с детьми. Хотя вида она не подавала, но все чаще у нас стали возникать разговоры о различных сторонах жизни наших родных и друзей в европейской части страны. К этому времени Саша Шевырев и Сергей Большаков уже перевелись с полигона в Подмоскowie. Короче, в 1975 году я предпринял попытку перевестись в подмосковное Дуброво (Центр контроля космического пространства) — там в это время уже служили и проживали с семьями и Сергей, и Саша. Сергей устроил мне встречу со своим начальником отдела, носящим странную фамилию «Ворона», и после продолжительного «собеседования» мы договорились об отправке на полигон запроса на мой перевод (на высылку личного дела). Увы, этот запрос «завис» в кадрах — даже письмо Перфильеву В.А. от моего отца с просьбой о моем переводе, переданное ему лично, «не сработало».

К этому времени руководство ВИРТА (бывшая АРТА) им. Говорова Л.А. вдруг осознало, что своим слушателям (в том числе и выпускникам 1970 года) академия, дав «высшее инженерное», не доложила «высшее военное» образование! В связи с этим с 1966 года был объявлен ежегодный набор офицеров

с высшим инженерным образованием на Факультет руководящего инженерного звена (ФРИЗ) с двухлетним сроком обучения в академии и пребывания в Харькове. Это ли не очередной подарок судьбы! В том числе, в течение, как минимум, двух лет снова пожить с родителями Светы, ставшими к этому времени заслуженными бабушкой и дедушкой! Из нашей компании «для души» в первый же год на учебу были отпущены Владимир Неугодов, Геннадий Шуклин и Виталий Слинько — мы со Светой остались в гордом одиночестве. На моем раппорте с просьбой отпустить на учебу начальником отдела полковником Белозерским Л.А. была наложена резолюция: «В виду тяжелого положения с подбором кадров считаю возможным отпустить в следующем году».

Так оно и случилось: в 1977 году, после сдачи вступительных экзаменов «выездной» комиссии из ВИРТА, работа которой была организована на полигоне, мы со Светой стали паковать чемоданы, коробки с книгами и пытаться распродать за бесценок нехитрую домашнюю утварь (холодильник, телевизор, трельяж и др.) и гараж с мотороллером «Электрон». Кстати, последний вместе с гаражом приобрел выпускник АРТА 1968 г. из курсантов Слава Шевченко. Таким образом, теперь уже надолго я простился со своим городом детства с «голубыми глазами приборя»...

Снова Харьков, ВИРТА и ФРИЗ

По приезду в Харьков я, как отец многодетного семейства, получил комнату в семейном академическом общежитии на ул. «23-го Августа» (район Павлово поле). Отказываться от нее не стал, хотя мы и планировали жить с родителями. Упомянутую выше домашнюю утварь и прочие вещи распродать перед отъездом из Приозерска так и не удалось, поэтому, чтобы не загромождать родительскую квартиру, мы завезли их в эту выделенную нам комнату. По-видимому, погорячились: к исходу второго месяца учебы я был приглашен к начальнику факультета генерал-майору Грицаку Петру Климентьевичу. Вы не ошиблись, заместитель начальника полигона по НИИР генерал-майор Грицак П.К. к тому времени был переведен в Харьковскую академию начальником факультета. Кстати, как рассказал сам Петр Климентьевич, его «купили», предложив «равную должность» — он согласился, считая, что это должность «заместителя начальника академии по науке». На поверку оказалось, что «равная» по званию, т. е. генеральская — видите, уважаемый читатель, какие казусы случаются даже с генералами! Так вот, Петр Климентьевич, показав мне жалобу от кого-то из «доброжелательных» соседей по

общежитию (мол, не проживают, а комнату занимают), попросил меня об освобождении комнаты в течение недели, чтобы не давать ход этой жалобе. Казалось бы, общими местами, кухней и туалетом, не пользуемся, и коридор не загромождаем колясками, лыжами и велосипедами — все равно плохо! Ничего не поделаешь, пришлось «уплотнить» наши условия проживания у родителей.

*Учебная группа ФРИЗ 2-го факультета ВИРТА
им. Маршала Советского Союза Л.А. Говорова,
г. Харьков, 1978 год (я во втором ряду второй слева)*

Обучение на «двухлетке», конечно же, не сравнить с первой учебой в академии. Во-первых, в группах было по 10—12 человек, т. е. за «учебную пару» (два «академических часа» по 50 минут) каждый по несколько раз подвергался опросу, что исключало даже надежду «отсидеться» и заставляло добросовестно готовиться к занятиям. Во-вторых, состав учебной

группы (обремененные семьями, опытом службы и работы «капитаны» и «майоры» из войск) сам по себе предполагал, что обучаемые будут усердно «грызть гранит науки». Тем более, что некоторым из нас в течение двух лет обучения «светило» получение очередных воинских званий, а в условиях академии это событие всегда ставилось в зависимость от получаемых в сессию баллов. В-третьих, проводимая сначала в обязательном порядке самоподготовка после первой же сессии была также поставлена в зависимость от качества учебы: получаешь высокие баллы — можешь самостоятельно решать, нужна ли она тебе вообще.

Без ложной скромности, скажу, что был я в группе не на последнем счету, даже консультировал других по целому ряду вопросов — по-видимому, сказалась служба на научно-исследовательском испытательном полигоне. Содержание и качество проводимой в в/ч 03080 «командирской подготовки», многофункциональная работа в отделе Белозерского Л.А., участие в проводимых им «факультативах» выходного дня и тесное общение с представителями предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса не могли не сыграть свою положительную роль. Во всяком случае, до предпоследней сессии я «шел» на диплом с «отличием», но...

Приехав в академию для сдачи очередного экзамена (по предмету «Тактика высших соединений»), я обнаружил, что оставил дома очки. Времени, чтобы съездить за ними, не оставалось, и я решил уповать на везение. Дело в том, что в составе экзаменационных

билетов были такие, которые предполагали отвечать у большой карты с указкой в руках. Эти билеты (их было совсем немного) считались нами даже выигрышными, т. к. большое количество надписей и обозначений на карте, а также названий населенных пунктов, рек и озер включали твою моторную память и представляли собой прекрасные «легальные» подсказки. Но это справедливо лишь в случае хорошего зрения!

Конечно же, мне «повезло» — достался именно один из этих билетов! Теоретическую часть я доложил бойко, но вот когда был приглашен к карте, простите, «поплыл». Причем, сам чувствовал, что говорю все правильно, а вот «тычу» указкой не «в ту степь»! Принимающий экзамен преподаватель в звании «полковник» (фамилии уже не помню) мог бы и промолчать — у меня даже мелькнула мысль, зачем ему меня «топить», ведь между кафедрами также велась борьба за качество обучения, т. е. за нашу «успеваемость». Но... он начал задавать вопросы, типа, покажите то, покажите другое, почему говорите одно, а показываете другое. Красный как рак, получив заслуженную оценку «удовлетворительно» (единственная за два года учебы!), с мыслью о «красном» дипломе мне пришлось расстаться. Хорошо, что к этому времени свое очередное воинское звание «майор-инженер» я уже получил, иначе могла бы быть задержка с представлением.

Кстати, заговорив о «красном» дипломе, вспомнил, как после первого года обучения, во время летнего отпуска, я ездил в Москву в 45 ЦНИИ Минобороны (45 ЦНИИ МО) по вопросу своего дальнейшего

«трудоустройства». В связи с тем, что во время приема нас на ФРИЗ руководство академии обещало «золотые горы» при распределении, а приличных должностей, как правило, на всех выпускников не хватало, нам официально был дан «карт-бланш» на самостоятельное «трудоустройство» — мол, организуете на себя «запрос», направляем без проблем. Надо сказать, что перед поступлением на ФРИЗ, подумав заранее о возможном месте приложения своих сил после окончания учебы, я предварительно переговорил с Кононенко Г.В., который в то время служил начальником отдела в 45 ЦНИИ МО. Мы были знакомы через Белозерского Л.А. по совместным научно-исследовательским работам института и полигона, в том числе, при участии в комплексной НИР «Селекция» и при проведении испытаний отечественных комплексов средств преодоления ПРО.

Так вот, при упомянутой выше поездке в 45 ЦНИИ МО я планировал попросить Григория Васильевича об «организации» запроса на меня к моменту окончания учебы. Наш с ним разговор, проходивший в Бюро пропусков института, с первых слов как-то не заладился, но когда на с трудом давшийся Григорию Васильевичу вопрос о моих успехах в учебе я ответил, что пока являюсь кандидатом на диплом с «отличием», напряженность спала, и далее все стало ясно. А дело было в следующем: в связи с тем, что в институт берут, как правило, выпускников с «отличными» или «хорошими» дипломами, Григорий Васильевич попросил полковника Семенихина Г.Г., ехавшего в академию по

своим делам, узнать о моих успехах в учебе. Тот по возвращении доложил, что, как ему сообщили в учебном отделе академии, учусь я на сплошные «тройки». Теперь стало понятно напряженное начало нашего разговора. Оказалось, что Семенихину Г.Г. выдали информацию о моем однофамильце, учившемся в это же время на «четырёхлетке» совсем на другом факультете академии! Забегая вперед, скажу, что запрос на меня пришел в академию вовремя, и по окончании ФРИЗ я получил назначение в 45 ЦНИИ МО, причем сразу на должность «старший научный сотрудник» (категория «подполковника»), но об этом ниже. Вот так, роковая случайность могла изменить мою дальнейшую судьбу!

Однажды, а случилось это в субботу 23 марта 1978 года, мои друзья устроили мне на день рождения царский подарок: завершался учебный день занятиями по физической подготовке, которая в этот раз проводилась на уютном академическом стадионе по адресу ул. Ленина-22. Мы с товарищами по учебе, облаченные в спортивную форму, «накручивали» круги по беговой дорожке стадиона. Пробегая мимо одной из трибун, я услышал (сначала решил, что показалось), что кто-то из малочисленных зрителей окликнул меня по имени.

Каково было мое удивление, переходящее в «телячий» восторг, когда я увидел на трибуне Сергея с Галей и Сашу с Альбиной! Оказалось, что они, проживавшие в это время в подмосковном Дуброво, решили устроить нам на мой день рождения сюрприз, и ранним утром выехали на «пятерке», управляя по очереди, из Подмосковья в г. Харьков (более 700 км)! К обеду они уже

*Лауреат Государственной
премии Кононенко Г.В.*

*Выпускник ФРИЗ 1978 года
Соколовский Л.К.*

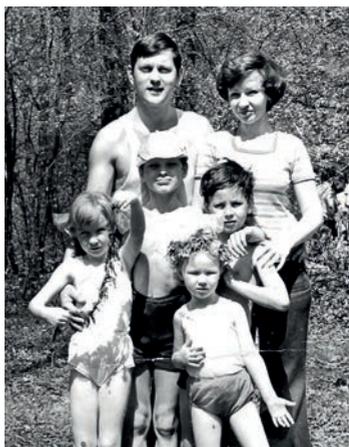
были на месте и «сняли» меня с занятий по физподготовке — сами понимаете, что в этот день у нас на ул. Новгородская-38/44 состоялся замечательный вечер поздравлений и воспоминаний, а мне в кругу самых близких друзей «стукнул» 31 год! Проводили мы их обратно в Москву уже ближе к обеду следующего дня. Казалось бы, небольшой штришок к нашей дружбе, но такие штришки в нашей жизни дорогого стоят.

Когда мы в группе пригляделись друг к другу и поняли, что и от кого можно ожидать, между нами начали появляться уже чисто человеческие симпатии и складываться вне учебные отношения. Последовали коллективные выходы с женами в театры, выезды семьями на пикники в лесопарк или на Северский Донец,

приглашения друг друга в гости и др. Не последнее место в нашем общении занимали и случавшиеся после занятий в субботу перед предстоящим выходным днем «походы» на Павловский базар, который уж больно славился широким ассортиментом вкусного прохладного пива и большим выбором в меру соленой «тюльки», воблы или леща.

*«Композиция с мячом»
в ПКиО им. Горького*

*Света и А.Матюшенко
с нашими и его
детьми: в первом ряду
Лада и Вика*

Расставались мы по окончании учебы друзьями, даже договаривались раз в год встречаться по очереди у каждого, но... мы предполагаем, а жизнь располагает — редкие встречи с некоторыми из однокурсников по «двухлетке» на сегодняшний день прекратились совсем.

«МОСКВА! Как много в этом звуке...»

К моменту моего окончания факультета руководящего инженерного звена (ФРИЗ) ВИРТА им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. и получения диплома по специальности «офицер с высшим оперативно-тактическим образованием» мои друзья, Сергей Большаков и Александр Шевырев, уже расстались с подмосковным Дуброво и перебрались в 45 ЦНИИ МО. Сергей работал над диссертацией и возглавлял научно-исследовательскую лабораторию, Александр завершал учебу в очной адъюнктуре института и работу над кандидатской диссертацией. Не знаю, кто из них больше, но они помогли Григорию Васильевичу Кононенко оформить на меня запрос и направить его в академию. Впереди замаячили золотые купола и рубиновые звезды...

В 45 ЦНИИ МО

Летом 1979 года я в звании «майор-инженер» прибыл в 45 ЦНИИ МО и был назначен старшим научным сотрудником в только что созданный 39-й

(самостоятельный) отдел, возглавляемый ветераном полигона, кандидатом технических наук и настоящим «одесситом», полковником Теребенниковым В.А. Его заместителями были: сначала ветеран полигона, кандидат технических наук, полковник Засов Г.Ф., а после его ухода на пенсию — кандидат технических наук, полковник Дворников Ф.А.

Теребенников В.А.

Засов Г.Ф.

В это время начальником института (командиром в/ч 03425) был ветеран полигона, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант Ерохин Ю.Г. (кстати, по жизни они дружили с Засовым Г.Ф.), его заместителем по науке — также ветеран полигона, кандидат технических наук, генерал-майор Перфильев В.А., что весьма «грело» душу — все-таки «не чужие» люди!

39-й отдел, подчиняющийся напрямую начальнику института, был создан для решения таких задач, как научно-техническое сопровождение разработки и программно-методическое обеспечение и руководство испытаниями уникальной системы «Коралл», расположенной на корабле «Титан».

Ерохин Ю.Г.

Дворников Ф.А.

Система «Коралл» представляла собой большую информационную систему разнородных технических комплексов и средств, предназначенную для разведки (получения информации о траекторных, сигнальных и технических характеристиках) американского ракетно-космического оружия, испытываемого на атолле Кваджалейн. В связи с этим сопровождать разработку и руководить испытаниями такой системы

было поручено 45 ЦНИИ МО, «съевшему собаку» в вопросах создания такого рода больших систем (ПРО, ПКО, СПРН, СККП и др.). Опытно-теоретический метод оценки характеристик таких систем в ходе их испытаний был разработан и освоен именно в стенах этого уважаемого военного института!

Считаю, что здесь мне снова крупно повезло: во-первых, тематика была предельно интересная и для всех сотрудников отдела абсолютно новая, что создавало равные стартовые условия. Во-вторых, для соблюдения при пребывании на корабле «Титан» требований противодействия иностранной технической разведке (ПДИТР) стоял вопрос о переодевании офицеров нашего отдела в морскую форму!

Корабль Титан с системой Коралл

Особенно по этому поводу радовался за меня Сергей (наверное, надеялся, что я дам ему ее поносить), т. к. сам он родился в колыбели Черноморского флота

городе-Герое Севастополе и отец его, окончивший в свое время училище береговой артиллерии, носил форму морского офицера.

39-й «морской» отдел Терebenникова В.А.: в первом ряду А. Загорский, А. Дубовец, В. Лобыцын, А. Халецкий, В. Мартынов; второй ряд Н. Михеев, Ф. Дворников, Б. Урывин, В. Шкурко; третий ряд С. Кучерявый, Л. Соколовский, В. Романовский

В отделе было две лаборатории. Первая («системщики») занималась сопровождением разработки и оценкой соответствия заданным требованиям характеристик Центрального командно-вычислительного пункта и системы «Коралл» в целом. Возглавлял ее молодой кандидат технических наук, позже защитивший и докторскую диссертацию, выпускник АРТА 1969 года «из курсантов», подполковник Халецкий

Александр Константинович. Вторая — сопровождением разработки и оценкой характеристик входивших в состав системы технических средств: многоканального радиолокатора (МКР) «Атолл», оптико-электронного комплекса «Лебедь», комплекса телеметрических средств «Стрелец», комплекса средств радиотехнического наблюдения «Рак» и комплекса средств радионаблюдения «Телец». Начальником второй лаборатории был кандидат технических наук, подполковник Лобыцын В.В. Именно он стал инициатором и решил вопрос с переводом офицеров нашего отдела на полное обеспечение (снабжение) формой одежды по нормам ВМФ, включая и получение в качестве атрибута парадной формы офицерского морского кортика — несбывшейся мечты многих наших мальчишек. При этом он проявил недюжинные пробивные способности, «прорвавшись» на прием к самому Главнокомандующему ВМФ Адмиралу Флота СССР Горшкову С.Г.

Я, попав в первую лабораторию, сразу был озадачен разработкой и согласованием Положения о взаимодействии при испытаниях системы «Коралл» на корабле «Титан». В связи с тем, что испытания системы «Коралл» проводились на этапах создания его носителя (океанского корабля с двумя ядерными установками), то и весь объем испытаний проводился по непривычным для стационарных систем этапам. Таковыми стали «швартовые» испытания у стенки Балтийского завода и «ходовые» испытания в акватории Балтийского моря. Заключительная часть испытаний проводилась на переходе корабля в порт приписки Тихоокеанского

Флота Владивосток. На каждом из названных этапов испытаний были задействованы свои средства их обеспечения (СОИ). От математических и физических моделей и макетов, до стартующих зенитных управляемых ракет различного базирования, самолетов и вертолетов на различных участках трасс их полета, и ИСЗ различного назначения на траекториях их движения. СОИ принадлежали большому числу организаций, ведомств и министерств. Так вот, Положение о взаимодействии предполагало не только согласование объема испытаний с перечисленными структурами, но и включало в себя определение порядка обмена информацией между принимающими участие в конкретной работе техническими средствами и комплексами в реальном масштабе времени. В результате работы над столь всеобъемлющим Положением о взаимодействии, позволившим провести без существенных сбоев все этапы испытаний, заметно были расширены диапазоны знаний и опыта наших сотрудников, а также спектр взаимодействующих с нами (отделом и институтом) партнеров в самых, казалось бы, неожиданных сферах деятельности, что помогало и в дальнейшей нашей службе и работе.

Чем мой новый непосредственный начальник Халецкий А.К. отличался от окружающих, так это своей «похожестью» на Воскобойника М.А. в части работоспособности — ему было мало самому работать «за троих», но он еще и мастерски умел привлечь и заинтересовать ею (конкретной работой) подчиненных. Обладая широким кругозором, он на любые

*На лыжной прогулке: Романовский, Мартынов,
Гнатюк, Соколовский и Лобыцын*

явления или события имел свой (порой отличный от окружающего большинства) необычный взгляд, имел свое мнение, обладал удивительными способностями убедить оппонента в своей правоте. И все это он делал без каких-либо усилий над собой и оппонентом с обезоруживающей доброжелательной улыбкой и обращением к любому исключительно на «Вы». Меня последнее сначала весьма тяготило, т. к. мы были, считай, ровесниками и вчерашними курсантами, и я часто непреднамеренно обращался к нему на «ты» — он ни разу не проявил даже легкого недовольствия, но сам продолжал «выкать». Вскоре я привык к этому и тоже перешел на «Вы».

Только что «защитившись» сам, он выбрал меня в качестве первого кандидата для включения в свою «научную школу». Дело в том, что у него уже был хороший задел для докторской диссертации, а непременным условием присвоения степени доктора технических наук, наряду с требуемым количеством научных трудов и, собственно, удачной защитой, являлось наличие у соискателя своей научной школы, т. е. специалистов, ставших «остепененными» учеными под его руководством.

Своим согласием поработать над диссертацией я обязан, конечно же, убедительности Александра Константиновича, но и не только... Дело в том, что буквально через пару недель после моего назначения старшим научным сотрудником в 39-й отдел я был приглашен к заместителю начальника института по науке, и Владимир Александрович обратился ко мне с необычной просьбой — «временно» уступить свою должность «СНС». Он объяснил это тем, что на тот момент ряд сотрудников института в званиях «майор-инженер» уже защитили диссертации, но не могли получить свои очередные воинские звания «подполковник-инженер» из-за отсутствия соответствующих этому званию должностей. Я «вошел в положение» и «услышал» просьбу Перфильева В.А. — несколько потеряв в должностном окладе, стал «младшим научным сотрудником» (МНС). Кстати, потребовалось официальное мое согласие, т. к. назначен я был приказом Министра обороны. Впереди до срока получения очередного воинского звания был двухлетний запас, и

я посчитал что, чтобы помочь руководству института вернуть мне «взятую в займы» должность, надо постараться ей соответствовать. Поэтому предложение Александра Константиновича сделать из меня «ученого» я принял с благодарностью, хоть и прекрасно понимал трудности работы над диссертацией в качестве соискателя, по уши загруженного своей основной текущей работой.

Таким образом, под руководством кандидата технических наук подполковника Халецкого А.К., работающего над докторской диссертацией (что мне весьма помогло, но об этом ниже), я стал соискателем степени кандидата технических наук. Хочу отметить, что Перфильев В.А. выполнил свое обещание — после утверждения Ученым Советом института темы моей диссертации и рассмотрения с положительным результатом расширенного плана-проспекта диссертационной работы на научно-техническом совете отдела я был переведен на должность старшего научного сотрудника и свое очередное воинское звание «инженер-подполковник» получил вовремя.

Правда, описанным событиям предшествовал другой мимолетный эпизод моей биографии: буквально через месяц после назначения в 45 ЦНИИ МО я получил предложение перейти на работу в 4 ГУ МО на должность «старшего офицера». Дело в том, что служивший в то время на этой должности в отделе полковника Щеголева Г.И. хорошо знакомый мне по службе на полигоне Сушин Ю.В. получил заманчивое предложение о прикомандировании к Министерству радиопромышленности

(МРП). При этом Геннадий Иванович поставил перед Юрием Витальевичем условие найти себе равноценную замену. Выбор пал на меня, т. к. я только что закончил ФРИЗ, получив высшее военное оперативно-тактическое образование, и к тому же начинал свою службу в в/ч 03080 и работу на полигоне с многоканального стрельбового комплекса «Аргунь», а именно его создание курировал в 4 ГУ МО Сушин Ю.В. Я был приглашен к Щеголеву Г.И. на собеседование — не зря говорят, что «жизнь полна неожиданностей». Оказалось, что Геннадий Иванович учился и дружил с моим отцом в харьковской академии с 1951 по 1956 годы (правда, я давно был в курсе их дружбы — по фотографиям в выпускном фотоальбоме отца, но вида не подал). Основным аргументом моего перевода прозвучало то, что нет необходимости для получения очередных званий «подполковник» и даже «полковник» «корячиться» над диссертацией с непредсказуемым результатом. Короче, я, в то время уже «ставший» младшим научным сотрудником, дал согласие, а разговор с руководством института Щеголев Г.И. взял на себя. Каково же было его удивление (по его рассказу, это случилось впервые), когда Ерохин Ю.Г. и Перфильев В.А., к которым он обратился в перерыве проводимого в Главке совещания, категорически отказали ему в просьбе отпустить меня для дальнейшего прохождения службы в 4 ГУ МО. Казалось бы, мой перевод освободил бы Владимира Александровича от обещания вернуть мне «взятую в займы» должность, но... случилось то, что случилось, и в дальнейшем я ни разу об этом не пожалел.

Началась долгая (более восьми лет!) и интересная служба и работа в одном из самых уважаемых в стране НИИ Министерства обороны — в 45 Центральном научно-исследовательском институте МО. При этом первые два года мы со Светой и дочерьми проживали в снимаемой двухкомнатной квартире невдалеке от института на ул. Стартовая-21. Света устроилась работать администратором Бабушкинского филиала Московского Детского мира (квартплата требовала заработков), девочки ходили в институтский детский сад (я их отводил утром по дороге на работу). Как говорится, жизнь налаживалась.

С получением в 1981 году уже своей трехкомнатной квартиры на юго-востоке Москвы, на ул. Генерала Белова, распорядок жизни изменился. Мне приходилось ежедневно вставать в 6.00 утра, тратить на дорогу в институт и обратно с двумя пересадками более трех часов, а, оставаясь после рабочего дня поработать над диссертацией, возвращаться домой уже ближе к полуночи. Кроме того довольно часто и подолгу приходилось пребывать в командировках, либо в КБ системного программирования (г. Гомель), либо на строящемся на верфях Балтийского завода корабле ССВ-33 (г. Ленинград). В этих условиях Светлане пришлось уволиться с работы и целиком посвятить себя домашним заботам. Хотя, работая в Детском мире, она снова почувствовала себя «уважаемым человеком», т. к. и в Москве «дефицит» никто не отменял — круг ее знакомств расширился за счет представителей многоликой московской «богеми» и даже космонавтов.

Наши дочери, расставшись с детским садом, пошли в среднюю школу, и Светлане снова пришлось «сесть за парту», что, кстати, у нее прекрасно получилось — в целом успешная учеба и, если не примерное, то вполне сносное поведение Лады с Витой стали тому свидетельством и целиком ее заслугой.

Что касается моей работы в институте, то здесь ее «генератором» в отделе был, конечно же, Александр Константинович. Мало того, что он имел уже солидный опыт работы по научно-методическому сопровождению разработки и испытаний больших информационных систем и аппаратно-программных комплексов, так он еще и отличался большой инициативой и обладал, как я уже говорил, удивительной «круглосуточной» работоспособностью. Положим, в конце рабочего дня мы обговорили какую-то проблему, и я на следующий день планирую ею предметно заняться, а наутро он уже предлагает свое решение, изложенное на бумаге и обоснованное математическими выкладками.

С разработкой программно-методического обеспечения испытаний вопрос решался Александром Константиновичем до гениальности просто. Дело в том, что на этап предварительных (ведомственных) испытаний программно-методическое обеспечение должен разрабатывать Разработчик (главный конструктор) и согласовывать с НИУ Заказчика, т. е. с 45 ЦНИИ МО, а на этап государственных (приемочных) испытаний наоборот — разрабатывает НИУ Заказчика и согласовывает с Главным конструктором. Так вот, в ходе работы над созданием самого изделия Разработчику,

как правило, не до написания программ и методик испытаний, и мы, пользуясь моментом, предлагаем ему свои услуги, мотивируя тем, что все равно придется их согласовывать с нами — Разработчик соглашается. Мы в ходе разработки закладываем в эти программы и методики критерии, отвечающие нашим представлениям о соответствии оцениваемых характеристик требованиям Тактико-технического задания на разработку, которые должны быть проверены на этапе государственных (приемочных) испытаний. Они, как правило, жестче, чем на предварительных испытаниях. Согласовываем разработанные документы с Главным конструктором. Помню, заместитель главного конструктора Родионов Н.Н. неоднократно то ли в шутку, то ли всерьез, обращаясь к Александру Константиновичу, восклицал: «Саша, прошу тебя, слезь с моей шеи!», имея в виду настойчивость последнего в вопросе согласования методик. Согласованные в таком виде главным конструктором программа и методики испытаний, во-первых, проверяются и отрабатываются на этапе предварительных (ведомственных) испытаний, а во-вторых, «легким движением руки» (заменой согласующих и утверждающих подписей на титульных листах) превращаются в программы и методики государственных (приемочных) испытаний, за разработку которых отвечает уже 45 ЦНИИ МО. Таким образом, разрабатывая документы за Разработчика, мы «убивали» сразу двух зайцев!

В институте я крепко усвоил, что порученная работа должна быть выполнена, не смотря ни на какие, даже

объективные, обстоятельства. По пятницам (институт находился уже на «пятидневке») начальник отдела Терebenников В.А. собирал отдел на подведение итогов за прошедшую неделю. Каждый отчитывался за порученный ему пункт плана работы отдела, утверждаемого нам, как «самостоятельному» отделу, начальником института либо его заместителем по научной работе. Мне, как отвечающему за разработку «Положения о взаимодействии...», этим планом была поручена разработка очередного раздела, которая предполагала поездку в командировку на один из морских полигонов. Командировка на прошедшей неделе не состоялась по объективным причинам, т. к. была другая срочная работа, с которой мы блестяще справились. Мне казалось, что такое объяснение полностью оправдывает невыполнение порученного мне пункта плана работы отдела. Ан, нет — Вадим Александрович, в свойственной «одесситу» манере, разъяснил мне, что это (невыполнение плана работ) будет первый случай в истории института, поэтому, мол, вот есть время до понедельника — утром материал должен лежать у меня на столе. В течение субботы и воскресенья, воспользовавшись полученными в академии знаниями и опытом работы на полигоне, я такой материал в качестве проекта раздела «Положения о взаимодействии...» подготовил и в понедельник представил на суд Терebenникову В.А. Результат был им одобрен, и в плане работы отдела напротив моей фамилии в графе «отметка о выполнении» появилось короткое «Вып.» с его автографом. Конечно же, после

реально состоявшейся командировки данный раздел был мной существенно доработан с использованием привезенной с полигона «фактуры», но урок, полученный от Вадима Александровича, я усвоил.

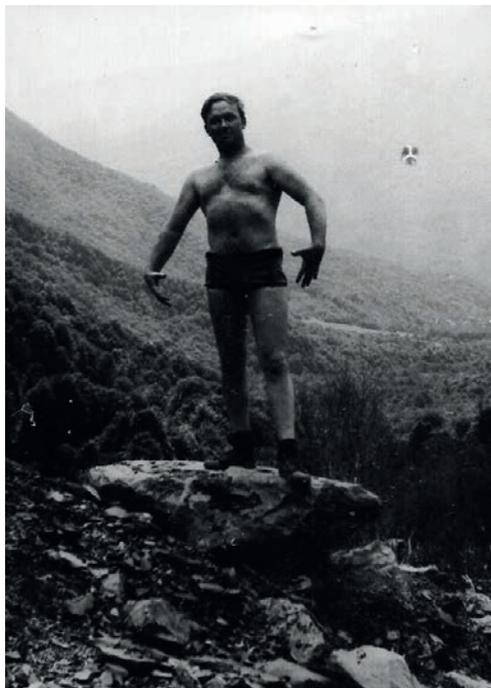
К этому же этапу жизни и работы в 45 ЦНИИ МО относится и моя попытка, в плане радикальной борьбы с ежегодными ангинами, расстаться с гландами. Определился я для этого в профилакторий летного состава ВВС в Фуниках (Москва), но в процессе подготовки к операции во время проведения рентгена у меня в легких было обнаружено нечто, весьма «возбуждающее» руководство профилактория. На черной «Волге» начальника медучреждения меня срочно перевезли в 114-й Окружной военный госпиталь Московского округа ПВО (г. Красногорск). Дежурный по госпиталю полковник м/с Кукушкин Е.В., просмотрев мои снимки, заявил, что я его пациент, и отправил меня... в туберкулезное отделение — двухэтажный домик, огороженный кирпичным забором с колючей проволокой и запирающийся на ключ калиткой. Представляете мое морально-психологическое состояние! Не буду держать вас в напряжении — туберкулеза у меня не было. Диагноз звучал, как «Саркоидоз Бека — воспалительное заболевание, при котором поражены лимфатические узлы в легких, характеризующееся образованием в поражённых тканях гранулём. Причина заболевания неизвестна. Не относится к инфекционным заболеваниям и не передается окружающим. В лечение используются, в основном, глюкокортикоидные гормоны (преднизолон)».

Последовали два месяца двухразового в день приема гормональных препаратов с еженедельным рентгеновским контролем хода лечения, приема «анти-туберкулезных» таблеток, чтобы не заразиться туберкулезом от окружающих, и усиленного питания, в том числе, ежедневное двухразовое поглощение бутербродов с красной икрой. Отсюда катастрофический рост собственного веса (доходило до 100 кг) — боролся ежедневными утренними и вечерними получасовыми пробежками по территории госпиталя. Был выписан из госпиталя с приговором «Саркоидоз Бека в стадии ремиссии». В течение последовавших пяти лет два раза в год ездил в госпиталь на контрольный осмотр. Сейчас, вот уже лет двадцать, «нахожусь» в стадии «длительной ремиссии». Что меня еще поразило при лечении в туберкулезном отделении госпиталя, так это то, что, начиная с начальника отделения полковника м/с Кукушкина Е.В., и до последнего больного туберкулезом легкого солдатика... все курили, как «сапожники»! Я в их число не входил.

За лечением последовала поездка на Черное море. Правда, путевку мы получили не «санаторно-курортную», а туристическую, по маршруту «Красная Поляна — Кудепста». Отдохнули в кои веки всей семьей: жили сначала в гостинице (облака под тобой!), а затем, когда вышли на маршрут — в больших оборудованных палатках. Ходили в походы, фотографировались в облаках и на ледниках, готовили пищу, заступая по очереди дежурить «на кухню». Кроме того, устраивали импровизированные концерты художественной

самодеятельности для групп, идущих за нами (также, как группы, идущие перед нами, — для нас), проводили соревнования по волейболу и шахматам, а, спустившись к морю в Кудепсте, десять дней купались и загорали на ее пляжах. И все это вместе с нашими девочками, а Ладе еще и день рождения отметили в горах, подарив только что срезанные в горном селе-ние чайные розы с капельками россы — незабываемые впечатления!

Конечно же, туристический «комфорт» сближает

*«Орел, с отдаленной поднявшись
вершины, парит неподвижно со
мною наравне...»*

людей — «сблизи-лись» и мы с двумя приятными парами москвичей нашего возраста (Михаил и Марина Андреевы и Виктор и Наташа Марковы), с которыми продолжали какое-то время встречаться и по возвращении в Москву. Так как мы были с двумя детьми, то, спустившись из Красной Поляны к морю, получили двухкомнатный гостиничный номер.

*Красная Поляна: Светлана с Викой на леднике
(пытаются его растопить... сигаретой)*

Он стал постоянным местом наших общений после возвращения с морских мотионов.

Но вернемся к работе. На начальном этапе разработки Системы «Коралл» (главный конструктор контр-адмирал Архаров М.А.) мы, как было отмечено, чаще находились либо в местных командировках в НИИ Радиоприборостроения (Разработчик системы), либо в Гомельском КБ системного программирования (КБСП), которому была поручена разработка функционального программного обеспечения (ФПО). Когда же аппаратура и оборудование были смонтированы и корабль был спущен на воду у стенки Балтийского завода, его каюты, командно-вычислительный пункт, машинный зал и технологии

технических комплексов стали местами нашей повседневной работы.

При этом, если сначала мы останавливались в ленинградских гостиницах и утром по заводскому гудку плечом к плечу с рабочим классом города-Героя прибывали на Балтийский завод, то после спуска корабля на воду, стали селиться в выделяемые нам командиром корабля офицерские каюты (по два человека) — работа кипела круглосуточно. Случалось, по несколько суток не выходили на палубу за «глотком свежего морского воздуха» и не ведали ни о прогнозе погоды, ни о внутреннем или международном положении.

На палубе корабля: Соколовский, Загорский, Терebenников, Романовский, Дубовец, Сныткин и Кучерявый

Корабль «Титан», позже переименованный в ССВ-33 «Урал» (главный конструктор Тарасов В.К.), строился по последнему слову техники. Мало того, что он был сплошь напичкан уникальной аппаратурой Системы «Коралл» и входящих в ее состав технических средств, так еще и все системы жизнеобеспечения корабля создавались из расчета на продолжительное (до полугода) автономное (две независимые ядерные установки) плавание. Большинство помещений корабля, в том числе командный пункт, кают-компания, каюты офицеров и мичманов и все переходы, были облицованы пластиком под светлое дерево и оборудованы деревянными перилами (помощь во время качки), кондиционерами, лампами дневного света и люстрами. «Видавшие виды» морские офицеры из сформированной команды корабля называли его «круизным лайнером», на котором достаточно сменить вывеску и можно запускать на борт «коммерсантов с девочками» и зарабатывать на «кругосветках».

Корабль водоизмещением 34 тысячи тонн действительно производил сильное впечатление своей элегантностью: 270 метров в длину и 30 метров в ширину, он развивал крейсерскую скорость до 22 узлов, т. е. до 40 километров в час. Во время ходовых испытаний в нейтральных водах Балтики он легко уходил от кораблей-разведчиков наших сегодняшних «партнеров»! Высота надводной части составляла от 10 метров до нижней палубы и до 40 метров относительно самых высоких надстроек и антенн. Вечерний «променад» на открытом воздухе представлял собой два-три круга по

нижней палубе, если море не штормило или не шел типичный для Балтики дождь — этого вполне хватало.

Однажды в ходе испытаний наш корабль стал предметом пристального внимания двух кораблей-разведчиков стран НАТО, а вдоль и поперек курса корабля постоянно барражировали немецкие и шведские самолеты. Командир корабля связался со штабом Балтийского Флота, и вскоре в метрах двухстах от нас показалась рубка, а затем всплыла подводная лодка с серпом и молотом — надводных и воздушных участников нашего «почетного эскорта» будто «ветром сдуло»! С этого момента корабль часто сопровождался нашей субмариной.

Как-то привелось в штормовую погоду буксиром возвращаться на корабль, который был специально развернут таким образом, чтобы мы подошли к борту с подветренной стороны. От ветра мы были защищены корпусом корабля, но вот пришвартоваться (пристать к кораблю) как обычно, с помощью швартовых «концов» (канатов), из-за волнения моря не представлялось возможным, и с палубы корабля на буксир нам был сброшен шторм-трапп (веревочная лестница).

При этом буксир относительно борта корабля «гулял» на волне то вверх, то вниз на 5—6 метров. И вот представьте себе, когда буксир уходит вниз и шторм-трапп натягивается, необходимо быстро сделать 2—3 шага по натянутой веревочной лестнице и «закрепиться», вцепившись в нее руками, ногами и, если сможешь, даже зубами, т. к. в следующий момент буксир уходит резко вверх, и шторм-трапп провисает.

*На переднем плане буксир,
доставляющий людей на корабль*

Висишь вниз головой над клокочущей бездной (мысль одна — только бы не сорваться) до следующего натяжения веревочной лестницы. И так повторяется подряд 5—6 раз пока с десятков крепких матросских рук швартовой команды не втащат тебя «за шкуру» на борт корабля. Конечно, в ходе этой экзекуции ты обвязан страховочным концом (тросом), но болтаться на нем над морской пучиной, сорвавшись со шторм-траппа, тоже удовольствие «ниже среднего» — я был свидетелем только одного такого случая. А вот когда в море летели фуражки, наручные часы, сигареты, зажигалки, ключи и прочая карманная мелочь висящего вниз головой бедолаги, видел неоднократно. Все это происходило на глазах и под ободряющие крики многочисленных «советчиков» и визг от ужаса нескольких десятков зрителей (свободных от работы сотрудников и сотрудниц предприятий промышленности), облепивших перила

палубы — великолепное зрелище! И, конечно же, свято соблюдалась традиция: для снятия пережитого стресса каждому «экстремалу», прибывшему на корабль таким экзотическим образом, сразу наливался стакан водки или «шиллы» (спирт, морск.) — отказавшихся я не видел и сам не отказывался, т. к. «мандраж» ощущался каждой клеточкой тела, да и водка в таком состоянии, как правило, «не брала».

Почему припомнился последний случай — наверное, пришла в голову мысль, что за такую «экзотику» и зрелище, будь то коммерческий круиз, также можно было бы брать с пассажиров хорошие «бабки».

В декабре 1987 года заводские (ходовые) испытания Корабля «Урал» с системой «Коралл» завершились.

У меня в каюте А. Дубовец, В. Романовский и Ю. Сныткин

Через год были закончены и государственные (приемочные) испытания. После подписания членами государственной комиссии приемочного акта и непродолжительной подготовки корабля с командой к длительному переходу «Урал» со своей командой и небольшой группой разработчиков и испытателей отправился, как говорили, в «кругосветку» — «южным путем» через многочисленные проливы к месту приписки во Владивосток. Но мне уже не пришлось в этом участвовать, т. к. события развивались калейдоскопически быстро — об этом расскажу ниже.

Но сначала вернусь к работе над диссертацией. Как вы понимаете, времени на нее «отпускалось»... по «остаточному принципу» — после рабочего дня, если не было срочной работы, плюс субботний вечер и воскресенье. Признаюсь, и в рабочее время мысли о ней (а, следовательно, и практические к ней обращения) не оставляли ни на минуту — на то он и «соискатель»: вроде как работаешь по основному месту приложения сил, но при этом постоянно думаешь («соищешь»), что можно «отфильтровать» для диссертации.

Тема моей диссертации звучала так: «Оптимизация планирования испытаний сложных автоматизированных систем на основе моделей роста надежности входящих в их состав технических средств». Фактически же, работа касалась оптимизации планирования испытаний системы «Коралл» на основе моделей роста надежности комплексов «Атолл», «Лебедь», «Рак», «Стрелец» и «Телец». При этом под оптимизацией понималось определение соотношения между

минимально необходимым числом разнообразных и дорогостоящих реальных экспериментов и практически неограниченным объемом менее затратного моделирования, т. е. соотношения, отвечающего заданному значению критерия «эффективность функционирования / стоимость». Вы абсолютно правы, уважаемый читатель, это пример прикладного развития опытно-теоретического метода оценки характеристик за счет его сочетания с методом оптимизации планирования испытаний!

Механизм оптимизации планирования состоял в текущем анализе роста вероятности правильного функционирования системы на основе моделей роста надежности входящих в состав системы технических средств с последующим выбором для практической реализации именно тех экспериментов, которые должны привести к максимальному росту указанной вероятности. Основным посылом к такой постановке было то, что кривая роста вероятности правильного функционирования системы (по мере выявления ошибок в функциональном программном обеспечении) аналогична кривым роста надежности входящих в состав системы технических средств (по мере постепенного «выгорания» наименее надежных элементов или ошибочных схемных решений). И в том и в другом случае эта кривая со временем по экспоненте стремится к единице, практически никогда ее не достигая, т. к. в больших программах и системах всегда остается место для ошибки, проявляющейся лишь при неправдоподобном (маловероятном) сочетании исходных данных и характеристик объектов

наблюдения. Оптимизация планирования и состояла в подборе такого набора натуральных экспериментов и циклов моделирования, которые максимально быстро «приближали» бы значение указанной вероятности правильного функционирования к требуемому значению, заданному Тактико-техническим заданием (ТТЗ) на разработку системы (например, как у нас — 0,995).

Сразу скажу, что мало того, что основные результаты моей работы по должности, благодаря умелому руководству Александра Константиновича, нашли место в диссертационной работе. Так еще и его «искрометный» стиль работы, когда он в течение двух-трех суток мог так «отработать» представленную ему очередную главу (раздел) диссертации, что оставалось только «развести руками и снять шляпу» (настолько все было логично и обоснованно) во многом помогал выдерживать установленные планом сроки. Более того, написанные в соавторстве с ним (читай, с львиной долей его участия) и опубликованные в уважаемых журналах научные статьи он «позволял» (настойчиво рекомендовал) использовать при работе над диссертацией. Наслышавшись от других соискателей ученых степеней (например, адъюнкта, а затем старшего научного сотрудника Александра Шевырева) о принципах руководства иных руководителей, я благодарил судьбу за то, что она свела меня именно с Александром Константиновичем Халецким. Правда, забегаю вперед, скажу, что, может быть, именно эта самостоятельность в научной работе, на которую Сашу обрек его руководитель, позволила моему другу

стать в дальнейшем и доктором наук, и профессором, и Заслуженным деятелем науки России, и, наконец, возглавить наш институт.

Весьма тяжелым в психологическом плане стал этап предзащиты, и речь идет не о рассмотрении диссертации на научно-технических советах отдела и управления, здесь все были в курсе моей работы и практического использования ее результатов при проведении испытаний. Речь идет о поочередном «прохождении» членов Ученого Совета института — маститых ученых, каждый из которых обладал мировой известностью в своей области знаний. Дело в том, что постоянная их занятость создавала большую проблему с представлением своей работы. Некоторые из них у тебя на глазах отправляли представленную работу в свой сейф, назначая дату и время следующей встречи. Другие, отведя для разговора с тобой определенное время, старались на основе твоих ответов на свои многочисленные вопросы составить полное представление о содержании, новизне и актуальности работы и подготовленности ее автора — порой это было трудно сделать за отведенное для встречи время, и диссертанту предлагалось прийти повторно. Первые же из упомянутых членов Совета, случалось, доставали твою диссертацию из своего сейфа, «стряхнув с нее пыль», лишь с твоим приходом в заранее установленное время, и... начинался упомянутый выше процесс «собеседования» в реальном масштабе времени. Конечно же, были и такие (например, доктор технических наук, профессор и академик генерал-майор Железнов И.Г.), которые находили

время для ознакомления с представленной работой и подготовки целого ряда вопросов по существу и своих предложений, направленных на улучшение работы — с ними встречаться было и интересней, и полезней.

По меткому замечанию моего руководителя, диссертант на этом этапе предзащиты должен уметь «благодарить и кланяться, снова благодарить и снова кланяться, но ни в коем случае не возражать или, тем более, спорить». Вот в чем заключались «психологические» трудности этого этапа — попробуй удержаться от спора, если считаешь, что в своей работе разбираешься лучше всех. Кстати, Игорь Григорьевич, будучи в это время уже заместителем начальника 46 ЦНИИ МО по науке, по просьбе Александра Константиновича дал свое согласие и был официальным оппонентом моей диссертации во время ее защиты на Ученом Совете 45 ЦНИИ МО.

Говоря о «прохождении» членов Ученого Совета, не могу не рассказать о встрече с в то время уже научным консультантом 45 ЦНИИ МО, основоположником отечественной ПРО, Григорием Васильевичем Кисунько. И не потому, что разговор состоялся очень конструктивным, и я получил от него с десятков дельных и до гениальности простых рекомендаций — меня в очередной раз поразила простота и доступность этого человека (уж больно велика была между нами разница). А начался разговор с того, что я, стараясь обосновать актуальность, новизну и значимость своей работы, аргументировал это сложившейся международной обстановкой, возросшими возможностями вероятного

противника, появлением новых технологий и элементной базы и пр. Он мягко с улыбкой остановил меня словами, что, мол, дело не в приведенных аргументах, хотя они сами по себе для защиты подойдут, но актуальность и значимость моей работы заключается, по его мнению, в том, что подросла новая плеяда молодых амбициозных ученых — в этом и состоит значение моей работы для страны. Не правда ли, неожиданный поворот — конечно же, на защите таким аргументом я не воспользовался.

*Григорий Васильевич
Кисунько*

комиссией для рассмотрения — в эффектной морской форме и уже в пагонах подполковника я предстал перед ними. Был ли страх? Без сомнения, но это был не парализующий мысли человека ужас, а, предстартовое состояние спортсмена, стимулирующее и настраивающее на борьбу. Когда же пошел уважительный спокойный

Надо сказать, что самой защите предшествовало следующее волнительное событие: в то время, когда моя диссертация уже была представлена к защите, деятельность 45 ЦНИИ МО и его Ученого Совета приехала проверять комиссия из Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Совете Министров СССР. Моя диссертация была отобрана ком-

разговор о моей учебе и службе, предшествующим назначению в институт, и далее по существу рассматриваемой диссертации, я совсем успокоился, т. к. лучше самого диссертанта вряд ли кто смог бы ответить на поставленные вопросы. Насколько комиссия была удовлетворена беседой со мной, можно судить по выводу, сделанному Председателем Ученого Совета института генерал-лейтенантом Ерохиным Ю.Г. при представлении меня членам Совета перед защитой: «... не посрамил Леонид Константинович наш институт перед комиссией ВАК!». К большому сожалению, Юрий Гаврилович, давно и тяжело болевший, вскоре после этого заседания Совета ушел из жизни...

Завершая затянувшийся рассказ о своей диссертации (это и понятно: большой кусок жизни и достойный результат), хочется отметить, что сама защита прошла гладко. Результат тайного голосования членов Ученого Совета института 21: 0 в мою пользу, т. е. «черных» шаров не было. Банкет (дружеский обед) по этому поводу, не считая фуршета для членов Совета, состоялся «для своих» в домашних условиях на ул. Гастелло-9, и на нем присутствовали, кроме Светы и Ивана Трофимовича, мои сослуживцы по «морскому» отделу и друзья по жизни — Сергей Большаков и Александр Шевырев. Что касается полученного чуть позже диплома кандидата технических наук, то в дальнейшей моей службе и работе он неоднократно играл свою благоприятную роль — встречаются-то у нас «по одежке», т. е. по документам, а уж далее... как сам себя покажешь.

**ДИПЛОМ
КАНДИДАТА НАУК**

ТН № 114655

Москва 16 ноября 1988 г.

Решением
Совета в войсковой части 03425
от 22 июня 1988 г. (протокол № 11с)

Соколовскому Леониду Константиновичу

**ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ
КАНДИДАТА
ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК**

Председатель совета

Ученый секретарь совета

В институте бытовала поговорка: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом стать обязан!»

Уместен вопрос, почему, получив квартиру на ул. Генерала Белова, банкет прошел «...в домашних условиях на ул. Н. Гастелло»? Дело в том, что к этому времени нам абсолютно случайно удалось поменять свою трехкомнатную квартиру в Орехово-Борисово на «трешку-распашонку» в Сокольниках. Во-первых, это не сравнимые (по близости к метро, насыщенности культурно-торгово-злачными заведениями и, если хотите, престижности) районы Москвы. А во-вторых, вспомните, в ЗАГСе какого района города Москвы в 1944 году был зарегистрирован брак моих родителей? Конечно же, Сокольнического — поэтому считаю этот обмен еще и приближением к своим истокам! Кроме того, если честно, за эти годы «...устал я ездить... по четыре часа...».

Коль речь зашла о квартирном обмене, на этом моем «увлечение» остановлюсь подробнее. В 1987 году в г. Харькове ушла из жизни мама Светланы — фронтовичка, мудрая женщина и прекрасная бабушка наших дочерей, светлой памяти Тамара Семеновна... Когда мы со Светой были на ее похоронах, то за поминальным столом договорились с Иваном Трофимовичем о переезде в Москву. Хотя и оставалось сомнение, сможет ли он «оторваться» от могилы жены и проживающих в Харькове родственников. Смог, и встал вопрос об обмене харьковской малогабаритной «трешки» на квартиру в столице нашей Родины. Бюро обмена в Банном переулке Москвы стало моим «вторым домом» по выходным дням, еженедельные бюллетени с предложениями жилищных обменов — основным

моим «художественным» чтивом. Предприняв массу усилий, удалось решить проблему путем тройного междугороднего обмена Харьков-Сумы-Москва. Взамен харьковской «трешки» получили однокомнатную квартиру в районе Филевского парка Москвы. Конечно же, Иван Трофимович продолжал жить с нами в Сокольниках (пять человек) — поэтому на семейном совете было принято решение об укрупнении квартиры. «Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается» — около года моих «риэлторских» усилий потребовалось на то, чтобы, отдав свою «трешку» и «однушку» Ивана Трофимовича, мы въехали в четырехкомнатную квартиру (все комнаты отдельные, высокие потолки, общая площадь 104,5 кв. м.) в кирпичном «сталинском» доме по Рижскому проезду — 9 в районе метро Алексеевская. Смею заметить, без единого рубля денег, чистый обмен — уже тогда мне было присвоено друзьями почетное звание «Заслуженный риэлтор СССР»!

Но чтобы эту тему закрыть окончательно, поведаю о последней своей акции на этом поприще. Когда наши дочери, выйдя замуж, разъехались «по своим мужьям», и мы проводили в последний путь Ивана Трофимовича (урна с его прахом установлена на Алексеевском кладбище Москвы), нам со Светой стало трудно находить друг друга в такой большой квартире «на Риге», как ее называли наши дети и внуки. Опять же на семейном совете мы решили ее продать (к этому моменту квартира была приватизирована на пятерых) и, приобретя квартиру поменьше, добавить

Ладе для расширения ее жилых апартаментов до трех комнат. Так и поступили — опять пришлось вернуться к забытому ремеслу риэлтора, но уже с учетом новых требований действующего в России жилищного законодательства. Результат превзошел наши ожидания: и Лада живет ныне в полчаса езды от нас в хорошей трехкомнатной квартире в Мытищах, и мы приобрели на троих с Витой приличную квартиру площадью 84 кв. м. в Ярославском районе Москвы (наше дачное направление), и я с нетерпением жду от своих друзей присвоения почетного звания уже Народного риэлтора России!

Хотелось бы чуть вернуться к нашему прощанию с Тамарой Семеновной. После приезда нас со Светой в Харьков, я с утра в день похорон отправился в родную академию с надеждой на помощь в обеспечении похорон фрагментом оркестра. На центральном входе в академию столкнулся с дежурным — им оказался наш бывший курсант, а теперь полковник Рыжов. Он сопроводил меня к заместителю начальника академии по тылу, ведающему этими вопросами. Когда я вошел в кабинет, передо мной предстал... полковник Стативко Б.С., который служил ранее на Балхашском полигоне с моим отцом, и мы знали друг друга уже по совместной службе на 38-й площадке. Когда я начал рассказывать ему о цели своего прихода, он, не дослушав, схватил телефонную трубку и, позвонив в полк обеспечения на Юрьевскую, распорядился «выделить подполковнику Соколовскому для похорон его отца — участника Великой Отечественной войны, кавалера

четырёх боевых орденов, полковника в отставке — два автобуса, оркестр и взвод почетного караула». Видимо, он так меня понял — я не стал его разубеждать в невольном заблуждении, тем более, что отец к этому времени уже ушел из жизни и не мог осудить эту небольшую... неправду. Поехал на Юрьевскую, получил в свое распоряжение все, что было указано, и вернулся к нашему дому на ул. Новгородская-38/44. Прощание с Тamarой Семеновной для большого числа родных, друзей и соседей (она прожила в этом доме около 40 лет!) было организовано перед домом по всем традициям Министерства обороны — с прохождением почетного караула под музыку траурного марша в исполнении военного оркестра. Люди все восприняли как должное, ведь хоронили участника Великой Отечественной войны, награжденного многими боевыми медалями (они находились тут же на красных бархатных подушечках). Все повторилось на городском кладбище при погребении, завершившемся разрывающими тишину сухими залпами карабинеров почетного караула.

Возвращаюсь к событиям, произошедшим в институте, которые я чуть выше назвал «калейдоскопически быстрыми». По завершении заводских (ходовых) испытаний корабля «Урал» с системой «Коралл» в нашем отделе сложилась ситуация, когда практически одновременно начальник отдела Тербенников В.А. и его заместитель Дворников Ф.А. по выслуге срока службы были представлены к увольнению из рядов ВС СССР. По всем критериям (Халецкий А.К. уже защитил докторскую

диссертацию) и по делу их должны были заменить, соответственно, Халецкий А.К. и я. Но к этому моменту произошли изменения в руководстве института, и на должность заместителя начальника 45 ЦНИИ МО по науке пришел в недавнем прошлом начальник одного из управлений (в которое, кстати, на правах «падчерицы» был включен и наш ранее «самостоятельный» морской отдел) доктор технических наук, профессор Козлов Н.Н. Большой ученый и замечательный человек, он обладал незаурядными познаниями и талантами во многих, порой самых неожиданных, областях — например, знал большое количество и любил декламировать наизусть, как правило, к месту, стихи многих наших поэтов прошлого и настоящего. Однако, все это не помешало ему поставить на освободившиеся в нашем отделе «клетки» своих людей, т. е. своих бывших учеников и подчиненных, с которыми он работал перед уходом «вверх». Процесс был достаточно болезненным, если не сказать больше: дело в том, что при назначении на должность офицер должен был получить «партийное благословение» от своей парторганизации, а так как его (Козлова Н.Н.) кандидаты к этому времени уже находились в составе нашего отдела, то речь шла об утверждении нашим партсобранием «представлений» на них. И все было бы ничего, если бы секретарем парторганизации отдела на тот момент не был «борец за справедливость» подполковник Соколовский Л.К. Скажу честно, за себя бы я так не бился, но Александр Константинович своим

вкладом в работу и авторитет отдела, без сомнения, заслуживал право его возглавить.

Надо же было такому случиться, что совершенно случайно у нас состоялась встреча и доверительный разговор с полковником Левковым В.А., бывшим моим сослуживцем по полигону в отделе Белозерского Л.А. Владимир Антонович на тот момент возглавлял 201 Военное представительство Министерства обороны СССР, аккредитованное при НПК «НИИ Дальней радиосвязи». Он, оценив тщетность моего сопротивления Козлову Н.Н., заявил, что вот если бы я был кандидатом наук, то он бы взял меня к себе заместителем. Я, потупив взор, признался в «остепененности» — ему отступить было некуда, и он взялся за мой перевод.

Козлов Н.Н.

Левков В.А.

В какой-то момент продолжавшегося «противостояния», узнав по своим каналам, что я «намылился» к Левкову В.А. в 201 ВП МО, Николай Николаевич заявил мне словами из классики (помните его страсть к литературе): «Имейте в виду — руки у нас длинные, достанем и в НИИДАРе!». К счастью для меня, это оказалось только угрозой, а, скорее всего, не доброй, но все-таки шуткой. Значительно позже, после моего увольнения из Вооруженных Сил России по возрасту, когда я уже работал заместителем Генерального директора ООО ЦТО «ГИРАС», дороги наши вновь пересеклись, и мы с Николаем Николаевичем к обоюдному удовольствию прекрасно сотрудничали, вспоминая иногда за дружеским столом (с выражением уважения к твердости позиций друг друга) подробности того непростого периода службы и жизни.

В 201 ВП МО СССР и РФ

Моему назначению заместителем начальника 201 ВП МО СССР предшествовало собеседование у начальника отдела ГУВ Войск ПВО полковника Дворникова В.А., в чьем подчинении по работе находилось военное представительство, контролирующее его (ГУВ Войск ПВО) заказы, выполняемые Научно производственным комплексом «НИИ Дальней радиосвязи». Не знаю, может быть, в разговоре, протекающем в очень конструктивном ключе, он почувствовал чрезмерность моей гордости полученной ученой степенью (хотя, мужик-то

я скромный), но завершил Вадим Арсеньевич наш разговор словами, что, мол, я ему подхожу, но т. к. в московском кусте военных представительств «кандидат технических наук» всего один, не стоит об этом вообще вспоминать. Думаю, я его понял — отношения с подчиненными, а среди них были «варяги» старше меня по возрасту, которые сами претендовали на эту должность, у меня в целом сложились. Это подтвердила и дальнейшая наша совместная работа и служба в пользующемся большим авторитетом коллективе. 201 военное представительство на тот момент насчитывало в своем составе более пятидесяти человек, в том числе, двадцать семь офицеров, да и среди гражданских специалистов добрая половина была из отставных военных, имеющих не только офицерские, но и генеральские звания. Кстати, с последними работалось легче — они умели не только командовать, но и подчиняться.

Дворников В.А.

Левков В.А. для начала поручил мне направление деятельности представительства, связанное с контролем работ предприятия по созданию наземных средств контроля космического пространства — РЛС «Крона» и «Крона-Н». При этом, что сегодня я считаю очень правильным, старался не вмешиваться в выделенный мне сектор работ.

*НПК «НИИ Дальней радиосвязи»
г. Москва, Преображенская площадь*

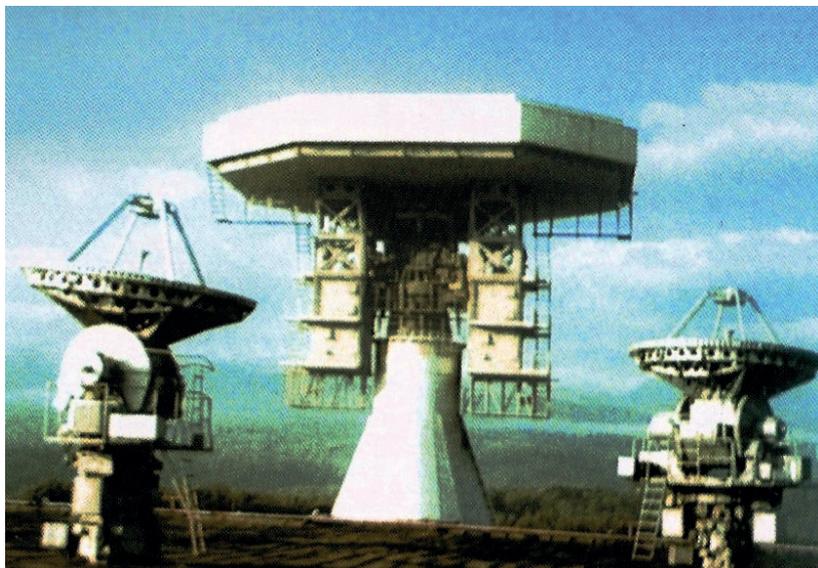
Мы с начальником группы подполковником Золотницким В.А. тесно работали с заместителем директора предприятия по науке Кузьминым А.А., легендой НПК «НИИ ДАР» и основоположником создания РЛС дальнего обнаружения целей Владимиром Пантелеймоновичем Сосульниковым и талантливым молодым конструктором Сорокиным В.А. Кстати, Золотницкий В.А. оказался сыном ветерана нашего полигона, завершившего свою службу на должности начальника автомобильной службы в/ч 03080. Практически все планы создания указанных изделий и сроки выполнения соответствующих контрактов и договоров соблюдались. Написал и... засомневался: ведь не совсем «всегда»! Да, были случаи невыполнения первоначально установленных сроков по объективным причинам, но при этом они заранее переносились по согласованию с Заказчиком (ГУВ Войск ПВО, позже ЦНПО «ВЫМПЕЛ»).

Работали над созданием радиооптических комплексов «Крона» (Северный Кавказ) и «Крона-Н» (Таджикистан, район Нурекской ГЭС). При этом участвовали не только в процессе разработки изделий и согласования конструкторской документации, но и контролировали ход изготовления оборудования и аппаратуры на Опытном заводе НПК «НИИ ДАР», для чего в 201-м ВП специально была образована «заводская» группа. Кроме того, и это главное, осуществляли приемку этой аппаратуры и оборудования, контролировали их упаковку и отгрузку на объекты монтажа, а по завершении объектовых монтажно-настроечных работ участвовали в испытаниях изделий на всех этапах их проведения — автономные проверки, предварительные испытания главного конструктора и, наконец, государственные испытания, проводимые государственной комиссией, назначенной Советом Министров. В связи с тем, что объект для размещения первого комплекса в интересах повышения эффективности его применения был максимально приближен к нашим южным границам (ближе к экватору) и поднят над уровнем моря, работа была сопряжена, в том числе, с командировками на Северный Кавказ. «Этот район отличается особо прозрачной атмосферой, что обеспечивает наиболее эффективную работу оптического канала и позволяет передавать достоверные данные на ЦККП. Развернутый здесь комплекс должен был также следить за американскими «Шаттлами», стартовавшими с мыса Канаверал» — пишет Михаил Первов в своей книге «Системы РКО России создавались так»,

М. АВИАРУС-XXI 2003. Кстати, настоятельно рекомендую почитать эту книгу, готовящуюся в 2019 году к переизданию. Командировки в Карачаево-Черкессию оставили в памяти не только напряженность круглосуточных работ, но и неизгладимые впечатления от окружающей природы — утреннего тумана и облаков под ногами, ручейков талой ледяной воды, бегущих из под белых шапок ледников, и чистейшего горного воздуха Приэльбрусья.

С увольнением полковника Левкова В.А. из Вооруженных Сил РФ по сроку службы (50 лет) я был представлен к назначению на освобожденную им должность. Момент был весьма напряженным, т. к. по возрасту между нами с Володей было ровно пять лет, и возможная задержка с моим назначением и получением очередного воинского звания «полковник» автоматически приводила бы к достижению мною предельного возраста службы для подполковника (45 лет) и, как следствие, увольнению из рядов Вооруженных сил России по возрасту.

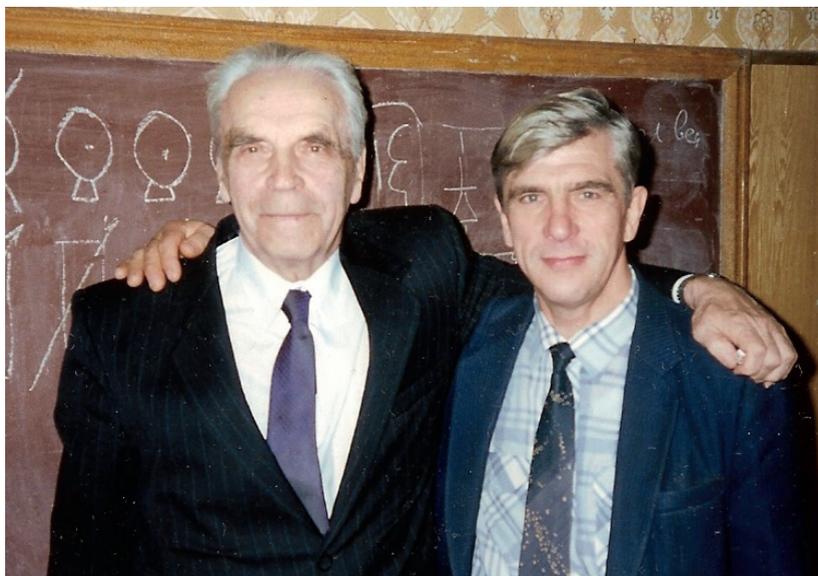
Хочется думать, что в этой ситуации помог мне в то время начальник ГУВ Войск ПВО генерал-лейтенант Московский А.М., к которому я сходил на прием и рассказал о складывающемся для меня «цейтноте». В пределах месяца оба события, т. е. назначение на должность и присвоение очередного воинского звания, состоялись! Было ли это простым совпадением или результатом его помощи, не знаю, но вопрос был решен, и в душе «моей благодарности не было пределов».

Радиооптический комплекс «Крона»

Московский А.М., 1992 г.

*Сосульников В.П. (гл. констр. РЛС «Крона»
и Самусев А.С. (гл. констр. РЛС ДО «Волга»)*

Открою небольшую тайну: мы с Алексеем Михайловичем в 1970 году лейтенантами (я из Харькова после ВИРТА, он из Киева после КВИРТУ) прибыли для дальнейшего прохождения воинской службы на полигон. Начинали службу одновременно (я на 38-й, он на 35-й площадках), какое-то время даже дружили, собираясь упомянутым выше нашим «приозерским» коллективом. Продолжали периодически встречаться семьями и в Москве — до сих пор, накачивая резиновую лодку перед поездкой на рыбалку, я с благодарностью вспоминаю, что подарил мне ее на 45-летие Алексей, приехав с Лидой в столовую 45 ЦНИИ МО, где «по-семейному» был организован банкет. Его головокружительный карьерный взлет, до «генерала

армии» по званию и «Начальника вооружения Вооруженных сил России — заместителя Министра обороны Российской Федерации» по должности, наложил на нашу дружбу свой отпечаток. Тем не менее, мы «со товарищи» продолжали очень гордиться в наших армейских кругах дружбой с чиновником такого высокого ранга! Встречи становились все реже и, наконец, прекратились совсем. Чувствую в этом и свою вину, т. к. однажды, будучи приглашенным Алексеем Михайловичем на «обмывание» полученного им звания «генерал-полковник», я не смог приехать — видимо, он обиделся. Хорошо зная Алексея, думаю, что ему помогли «обидеться» в ходе «прополки» поля прежних знакомств. Сегодня, случайно столкнувшись на каких-либо ветеранских мероприятиях, мы, как у нас принято, обнимаемся и, обменявшись дежурными фразами о доме и здоровье, расходимся до следующей случайной встречи. Но тогда, в 1992 году, думается, он мне здорово помог.

Назначение меня руководителем такого большого и «разношерстного» коллектива (правда, коллектив я уже хорошо знал), решающего задачи по контролю разработки и производства аппаратуры и оборудования уникальных комплексов и систем оборонительных вооружений, значительно изменило характер и увеличило объем и ответственность моей работы. Круг решаемых задач и спектр этих решений расширились «донельзя»: от участия в проводимых на высоком уровне совещаниях с подписанием судьбоносных для Вооруженных сил документов до назначения своих

сотрудников на должности, представления их к очередным воинским званиям или выполнения функций «рефери» в их «разборках» с женами (мужьями) — случалось, в выделенные для приема по личным вопросам дни и часы они приходили целыми семьями. Последовали пять лет такой напряженной работы, о которой можно написать отдельную книгу, но, скорее всего, она написана не будет, т. к. связь с подавляющим числом потенциальных ее читателей («действующих лиц и исполнителей») утрачена навсегда: как говорится, иных уж нет, а те далече...

Сосульников В.П.

У Знамени Победы

Остановлюсь лишь на одном фрагменте этого весьма непростого этапа службы. Советование с руководителями заказывающих управлений и военных

представительств проводил Первый заместитель Министра обороны — статс-секретарь Кокошин А.А. в конференц-зале своего Управления на Москворецкой набережной. Речь на совещании должна была идти об оптимизации службы и работы военных представительств, играющих значительную роль в выполнении государственного оборонного заказа (ГОЗ). Выйдя из «подземки» на Китайгородский проезд, я попал под страшный ливень (вода «стояла стеной», от зонта не было никакого прока), а был я экипирован, как в насмешку, в морскую форму одежды. До места совещания оставалось метров пятьсот, но «водопад» не стихал — пришлось минут десять-пятнадцать переждать в укрытии. Когда я появился у дверей конференц-зала, совещание уже началось, и со вступительным словом выступал Андрей Афанасьевич — я решил по завершении его выступления тихонько проникнуть в зал. Так и сделал, но Кокошин А.А. из президиума совещания меня заметил и первым слово для выступления предоставил, по его выражению, «опоздавшему моряку». К выступлению я был готов, и в течение десяти минут, как показалось, достаточно убедительно обосновал с десяток предложений по повестке дня. Андрей Афанасьевич остался доволен прозвучавшей «конкретикой», о чем не преминул сказать при подведении итогов. Практически все озвученные мной предложения вошли в решение совещания. Кстати, такая оценка выступления, сделанная Первым заместителем Министра обороны, заметно приглушила «скрежет зубов» присутствующего в зале

моего непосредственного руководства из ГУВ Войск ПВО по поводу опоздания.

Но не все было так гладко. За окном правили бал «лихие девяностые», средств, выделяемых на оборону, становилось все меньше, планируемые сроки создания ожидаемых в войсках изделий трещали по швам, государство расплачивалось с предприятиями за уже выполненную работу с большими задержками. В этих условиях предприятиям «оборонки» был даден карт-бланш на самостоятельные поиски заказчиков и освоение новых производств изделий, так называемого, «двойного назначения». Помню, как-то пригласил меня к себе Генеральный директор «НПК «НИИ ДАР» Трухманов А.А., а накануне я передал ему претензии со стороны представительства Заказчика. В них речь шла о срыве сроков отгрузки на наши объекты готовой продукции из-за отсутствия качественной древесины, требуемой для изготовления тары. Когда я к нему зашел, Александр Александрович, пожав мне руку, молча открыл передо мной дверцу своего сейфа со словами: «Вы, как Заказчик (читай, Минобороны, интересы которого я представлял), мне не интересны — вот настоящий заказчик!» — сейф был на треть заполнен колодами денег в банковских упаковках. Оказалось, что предприятие, заключив контракт с Китаем на разработку РЛС контроля космоса, получило и обналичило первый аванс.

Не знаю, это ли сыграло решающую роль, но когда в 1997 году завершалась моя воинская служба, и Александр Александрович предложил мне в НПК «НИИ

«Китайский» заказ

ДАР» должность заместителя главного конструктора по «китайскому» заказу, я, не раздумывая, дал «добро». Не использовав положенный мне перед увольнением «медвежий» отпуск, приступил к своей новой работе в специально для этого отремонтированном кабинете. Мой месячный заработок по сравнению с денежным довольствием, получаемым на должности начальника военного представительства, вырос вдвое.

Правда, проработал я на этой должности сравнительно недолго. Примерно, через полгода я снова абсолютно случайно встретил... кого бы вы думали? Конечно же, Владимира Антоновича Левкова, работающего на тот момент начальником отдела в Департаменте телекоммуникаций Центрального банка Российской Федерации. Как и десять лет назад, выслушав мой, на

этот раз восторженный, рассказ о своей новой работе, Владимир Антонович задал мне резонный вопрос, мол, закончится «китайский» контракт (2 года), а что дальше — Гособоронзаказ в загоне! И предложил свести меня для беседы с недавно назначенным начальником формируемого в Административном департаменте Банка России Управления экспертно-правовой работы (УЭПР) — детища «Бороды» (так уважительно за глаза называли Председателя правления ЦБ Дубинина С.К.). УЭПР был создан для экономии расходования банком получаемой прибыли. Дело в том, что для реализации развернутого по всей стране строительства зданий для региональных управлений ЦБ и принятого решения о создании телекоммуникационной спутниковой системы связи между территориально разнесенными подразделениями банка требовались большие деньги. Кстати, созданием телекоммуникационной системы связи на основе закупаемых в Японии спутниковых станций и разработанного предприятием НПО им. С.А. Лавочкина по заказу ЦБ РФ космического аппарата «Купон» занимался Департамент телекоммуникаций, в котором и работал Левков В.А.

Предложение Владимира Антоновича, как и в первый раз, было своевременным, т. к. действительно разработка РЛС космического контроля для Китая начала «пробуксовывать». К тому же, в полном смысле, «исчез» главный ее конструктор Рафалович Л.С. Слухи ходили о том, что он «рванул» за океан, да еще и прихватил с собой... (не знаю — не считал), но повторяю, достоверной информации не

было, а Трухманов А.А. молчал, как «рыба об лед». Конечно же, меня убедили и следующие аргументы Левкова В.А.: во-первых, «в Центральный банк труднее попасть, чем быть из него уволенным», т. е. работа «на всю оставшуюся жизнь»; во-вторых, «стабильные заработки в Банке России не ниже, чем на «китайском заказе»; в-третьих, «в этом уникальном учреждении федерального значения существует своя дополнительная пенсионная система, и в зависимости от стажа работы твоя (моя) сегодняшняя военная пенсия может оказаться зряшной». Я сдался — таким образом были завершены 10 лет моей работы, предполагающей практически ежедневный приезд по утрам на Преображенскую площадь в Научно-производственный комплекс «НИИ Дальней радиосвязи».

В Банке России (ЦБ РФ)

Собеседование с начальником УЭПР оставило двойное впечатление: с одной стороны, его вполне устраивал мой послужной список (кстати, очередной раз «сработал» диплом кандидата наук), с другой — смущало какое-то ощущение бесперспективности происходящего (позже я понял, в чем «собака порылась»). Тем не менее, через неделю я приступил к работе ведущим экспертом отдела экспертизы договоров Экспертно-правового управления Административного департамента Банка России — не правда ли, звучит!

Главный эксперт Управления экспертно-правовой работы Банка России (1997—1998 годы)

Управление экспертно-правовой работы, включавшее в себя три отдела (юридический, экспертизы строительства и экспертизы договоров), имело прямой выход на Председателя правления ЦБ Сергея Константиновича Дубинина либо, в отсутствии последнего, на его заместителя Алексашенко С.В. Более того, в обсаженном голубыми елями здании Банка России «на Неглинке» мы располагались на втором этаже прямо напротив массивных дверей кабинета Председателя. Не скажу, что я был частым гостем этого кабинета, но несколько раз «по делу» побывал за этими дверями, а вот здоровались мы с ним кивком головы при встрече регулярно — наверное, это происходило одинаково со всеми. Основной задачей управления была экспертиза заключаемых ЦБ РФ с большим числом «прикормленных» подрядных

организаций договоров. Фактически, экспертиза проводилась на предмет закладываемых в цену «излишек», которые, скорее всего, затем превращались в «откаты». Здесь нашими помощниками были и действующее в России законодательство, и отраслевые СНИПы, и нормативно-правовая база самого Банка России, и разработанное нами на основе большого статистического материала прошлых лет «Положение о порядке оценки плановой трудоемкости...», и, наконец (и это главное), собственные знания, опыт и полное отсутствие ангажированности. Результаты работы УЭПР приносили Банку России ощутимые цифры реальной экономии в рублях и в валюте, о чем не раз с удовлетворением

*Дубинин С.К. —
Председатель правления
с 1995 по 1998 годы*

*Геращенко В.В. —
Председатель правления
с 1998 по 2002 годы*

отмечал на совещаниях Дубинин С.К. Сами понимаете, что и «заклятых друзей» у нас тоже появилось предостаточно — мы мешали привычно работать и многим подразделениям банка, и многочисленным «прилипалим», особенно в области строительства, где показная роскошь, порой, зашкаливала.

Поэтому пока Банком России руководил Сергей Константинович Дубинин, УЭПР был в фаворе, и я за год вырос до «главного эксперта». Когда же на смену «Бороде» пришел высококвалифицированный, но «главбух Геракл» (Геращенко Виктор Владимирович), отношение к УЭПР резко изменилось — думаю, что мы оказались неудобны новому руководству Центрального Банка РФ. Но убрать УЭПР было очень непросто — уж больно правильным и убедительным в свое время оказалось обоснование необходимости его создания. «Геракл» пошел другим, в высшей степени «иезуитским», путем: выведя УЭПР из непосредственного подчинения руководству банка, он включил его в состав... Главного Управления недвижимости (ГУН), как раз и курирующего вопросы банковского строительства! Таким образом подчинив УЭПР подразделению ЦБ, с которым у нас было больше всего «трений» при заключении договоров и контрактов. Вот откуда было ощущение бесперспективности происходящего в кабинете начальника УЭПР — видимо, он уже тогда что-то знал о готовящихся переменах или ощущал «подковерную возню».

Когда через некоторое время стала абсолютно ясна судьба управления (состоялся приказ Председателя

правления ЦБ), опять, как и в школьные годы, на пике эмоций от творящейся несправедливости проявились мои досель дремлющие «способности», и сотрудники УЭПР обнаружили на своих столах следующие строки обращения к «Гераклу» на мотив песни «Малиновка» (слова — мои, музыка — Э. Ханка):

Читаешь упомянутый приказ –
И возникает жуткое сомнение:
А все ль в порядке с головой у Вас,
Кем рождено такое вот решение?

Прошу тебя, внимательней
Приказ свой вновь прочти:
Как много несуразностей
Сумеешь в нем найти!

Заставить Щуку нянчить Карася,
Козла поставить охранять Капусту,
Попробуй честно высечь сам себя!
Поверь, что результат получишь грустный...

Прошу тебя, подумай вслух:
Кто сам себе в укор
(Пусть даже «признанный лопух»)
Подпишет приговор?

УЭПР в опеку ГУНу передать –
Сродни, пожалуй, скакуна стреножить!
Грядущий «век свободы не видать» -

В неволе Экспертиза жить не сможет!

Мы требуем решительно
Приказ свой отменить —
УЭПРу независимость
Былую сохранить!

Сразу вспомнились слова Левкова В.А. о том, что «...в ЦБ труднее попасть, чем из него «вылететь» — увы, мне удалось. УЭПР под благовидным предлогом «неукоснительного выполнения требований Правительства РФ о необходимости радикального сокращения численности аппарата Банка России» был расформирован, и к увольнению были представлены все его сотрудники, обладающие, как было написано в приказе, «социальной защищенностью», т. е. уже имеющие пенсии. А таковых в управлении оказалось подавляющее большинство и среди них — главный эксперт Отдела экспертизы договоров и контрактов полковник в запасе Соколовский Л.К. (правда, положенные при увольнении «по организационно-штатным мероприятиям» три оклада выплатили). Одновременно зародилось второе «жуткое сомнение»: а может быть, надо было «вовремя промолчать»? Глядишь, и остался бы в ЦБ — помните интермедию про попугая из раннего творчества Геннадия Хазанова «...Тигру мяса не докладывают!».

Так бесславно закончился мой поход в «святая святых» властной элиты России, в ее банковский сектор. Но гордость за самоотверженную, честную и, хочется

*Центральный Банк Российской Федерации (Банк России)
Г. Москва, ул. Неглинная*

думать, полезную работу в течение двух лет в главном банке страны осталась.

Не могу не порадоваться за свой организм — даже за этот короткий срок пребывания в Центральном Банке России он ухитрился кое-что себе прихватить. Дело в том, что в последние годы я стал катастрофически терять слух на левое ухо, даже свой рабочий стол переставлял таким образом, чтобы находиться к посетителям правым боком, не говоря уже о том, что даже в компании старался находиться к собеседнику нужной стороной. Непрерывное и однообразное лечение в военных поликлиниках с использованием распространенного метода «продувания» типа «па-ро-о-о-ход!» (кто это проходил, меня поймет) не приносило никаких результатов, и врачи дружно выносили приговор об отмирании нервных окончаний, т. е. об «уходящем поезде». Поэтому для меня стало большой неожиданностью и вселило надежду

предложение об операции, последовавшее в ходе проведения первой же диспансеризации, состоявшейся в поликлинике Банка России. Операция прошла в одном из специализированных медицинских учреждений (название, к сожалению, не помню), с которым у ЦБ был заключен контракт на обслуживание. Оперировала доктор медицинских наук, большой и известный специалист-отоларинголог, как сейчас помню, женщина 82-х лет по имени Ольга Михайловна. Операция «на среднем ухе» продолжалась более двух часов под «не помню, каким» наркозом, т. к. периодически я проваливался, «долбежка» меня будила, ощущалась боль не только в виске, но и в левой ноге и... опять проваливался, слыша приглушенные голоса без понимания, о чем идет речь. На поверку оказалось (как рассказала Ольга Михайловна), что у меня были полностью разрушены из-за солевых отложений «молоточек» и «наковаленка», которые ей пришлось заменить, изготовив их из материала (вены), вырезанного с подъема стопы левой ноги. Операция прошла успешно, и уже через несколько дней за мной приехала Светлана, и я был просто шокирован обрушившимися на меня в московском метрополитене лязгающими, свистящими и шипящими звуками. Обретение слуха стало, может быть, самым большим моим приобретением во время короткой службы в ЦБ РФ.

В Центре технологического обеспечения «ГИРАС»

Неожиданно подкрался конец XX века и переход человечества в третье тысячелетие от Рождества Христова! Уволенный из ЦБ РФ я оставался безработным недолго: по рекомендации Александра Шевырева наш общий друг по службе на Балхашском полигоне и работе в 45 ЦНИИ МО Владимир Дронов пригласил меня к себе заместителем. Он работал на тот момент

Дронов Владимир Александрович

начальником отдела специальных систем в ООО «Научно-производственный центр (НПЦ) «Интелком», г. Юбилейный Московской области.

Дронов В.А. — кандидат технических наук и полковник, до 1997 года был начальником 3-его Управления 45 ЦНИИ МО РФ, занимавшегося проблемами,

средствами и системой контроля космического пространства — после увольнения в запас возглавил в ООО «НПЦ «Интелком» отдел, созданный для выполнения работ по договорам с Минобороны. Являясь с Александром Шевыревым соучредителями предприятия, руководимого их хорошим знакомым «из гражданских» Карповым С.Н., они вполне могли себе позволить поддержать уволенного с государственной службы «в никуда» друга. Территориально отдел спецсистем находился в 45 ЦНИИ МО, где Карпов С.Н. арендовал для нас помещение. Приличный объем заказов, выдаваемых организациями и предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК) «под Дронова», которого там хорошо знали по предыдущей работе, натолкнул Владимира Александровича на мысль о возможности открытия «собственного дела». Я его поддержал, тем более, что в ООО «НПЦ «Интелком» «лежала на боку» фирма, учрежденная им (Интелкомом) для проверки кассовых аппаратов при создании локальных сетей в банковских структурах. Мы выкупили ее с долгами (регистрация нового предприятия стоила бы дороже) и вдохнули в нее новую жизнь. Став учредителями, зарегистрировали новый Устав, новые виды деятельности, новый договор аренды нежилого помещения с Минобороны России, даже название отредактировали под планируемую деятельность — ООО Центр технологического обеспечения «ГИРАС». При этом после долгих и глубоких размышлений я расшифровал имя следующим образом: «Глобальные (сфера применения проектируемых изделий)

Информационные (направленность применения) Радиолокационные (область технической реализации изделий) Автоматизированные (степень автоматизации, управление с участием человека-оператора) Системы (большие сложные системы с единым управляющим центром)». Надо сказать, что Саша Шевырев, также ставший соучредителем предприятия, нередко претендует на авторство этой расшифровки, но каждый раз повторить ее без ошибок у него не получается.

Предприятие за два десятилетия сменило четырех Генеральных директоров (сейчас работает пятый), и все двадцать лет должность заместителя Генерального директора привелось исполнять мне. Неоднократно, при очередной смене руководителя, собранием Учредителей мне предлагалось занять должность Генерального директора, но неритмичность заключения с нами договоров по ГОЗ и значительные задержки в окончательных расчетах за выполненную работу удерживали меня от такого решения. Не хотел я брать на себя ответственность перед людьми (а за ними стоят их семьи) за ставшие регулярными задержки в выплате заработной платы. Скажете, «чистоплюйство» — думаю, нет! Просто, зная свои обязательность и достаточно тонкую внутреннюю «прошивку», я не хотел и не хочу приносить себя в жертву существующей и ничем не оправданной неповоротливости государственной (и не только) системы.

О работе ООО ЦТО «ГИРАС», жизни и деятельности его коллектива, состоящего в своем большинстве из отставных офицеров космических НИИ, кандидатов

и докторов технических наук, можно написать отдельную большую книгу — столько разных этапов и текущих трудностей пережило предприятие вместе со страной за прошедшие 20 лет своего существования на стыке двух веков и тысячелетий. Здесь же я постараюсь быть по возможности краток.

Из основных направлений нашей деятельности выделю два:

- проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) в области перспективных наукоемких и высоких технологий, в том числе, в сфере создания вооружения и военной техники, ракетно-космической техники и приборостроения;
- создание (разработка, изготовление, испытания и сдача в эксплуатацию) и авторское сопровождение функционального программного обеспечения, в том числе, для больших автоматизированных систем общего и специального назначения.

Свою деятельность, в связи с предстоящими на тот момент сменой веков и обнулением двух последних разрядов, обозначающих в больших программах значение текущего года, мы начали с решения этой проблемы для находящихся на вооружении больших систем. Точнее, с разработки и внедрения алгоритмической и программной поддержки перехода к новой форме представления времени в функциональном программном обеспечении значительного числа больших

автоматизированных систем, составляющих элитную часть оборонного потенциала страны.

Переход прошел достаточно безболезненно — войска даже не почувствовали смены века и миллениума, а мы получили нехилые премии.

В плане реализации первого направления наших работ на память приходят разработки методологии и программно-методического обеспечения испытаний сложных информационных автоматизированных систем и комплексов в рамках ОКР, проводимых по темам: «Опцион», «Гарант», «Стужа», «Молва», «Крона», «Окно», «Самолет-М», «30Ж6», «Селекция», «Моренос», «Оповещение» и многим другим.

Основной нашей работой во втором направлении деятельности предприятия явилась разработка стандартизированного автоматизированного рабочего места оператора расчета данных оповещения (АРМ РДО) о пролетах иностранных разведывательных космических аппаратов (ИРКА) и соответствующего функционального программного обеспечения (ФПО). При этом в рамках создания Системы оповещения о пролетах ИРКА (61Ж6) на более 30 объектах Минобороны России были установлены и до сих пор функционируют разработанные предприятием сертифицированные АРМ РДО. При этом ООО ЦТО «ГИРАС» озадачено регулярным техническим обслуживанием и доработками, улучшающими их возможности.

Для обеспечения указанных работ и жизнедеятельности предприятием были получены и регулярно продлеваются лицензии: для разработки вооружения

Мужская часть коллектива ООО ЦТО «ГИРАС»

и военной техники (ВиВТ), для осуществления космической деятельности, для работы с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну. А также многочисленные сертификаты качества разрабатываемых изделий и сертификат качества внедренной на предприятии Системы менеджмента качества. Кстати, Службу менеджмента качества ООО ЦТО «ГИРАС» возглавляет ныне... Сергей Большаков, также в свое время попавший под реорганизацию и сокраще-

Во время перерыва на предновогоднем корпоративе

ние в одном из дочерних предприятий Газпрома, где он возглавлял перед этим Управление стратегического развития. Со школьной скамьи вот уже около 60-ти лет мы продолжаем помогать друг другу.

Со временем стал замечать снижение резкости и желтизну цвета, воспринимаемого правым глазом — оказалось, что вызрела катаракта. Жить можно, но вот за рулем чувствовал себя неудобно. Прооперировали. Теперь правым глазом, благодаря замене рассыпавшегося «в пух и прах» родного хрусталика на искусственный, произведенный нашими заокеанскими партнерами, вижу маленькую стрекозу, севшую на мой поплавок во время рыбалки. Левым же глазом... жду вызревания катаракты.

Кстати, помните, как я лег в летный профилакторий вырезать гланды, а «загремел» в Красногорский госпиталь с «Саркоидозом Бека», так вот, от ангин я все-таки избавился. Будучи уже уволенным «на гражданку» и работая в ООО ЦТО «ГИРАС», прочитал в интернете рекламу об удалении «мягкого неба» радиоволновым скальпелем. А надо сказать, что на тот момент во время сна у меня стало кратковременно останавливаться дыхание (болезнь под названием «апноэ») — по несколько раз за ночь Света будила меня, чтобы вновь «запустить» дыхание. Утром болело все тело — думаю, от кислородного голодания. Одним словом, я рискнул на применение этого «ноу-хау».

Сама операция под местным наркозом продолжалась минут десять (неприятным было только обилие «отходов»), а вот затем хирург в течение пяти часов не мог остановить кровотечение. Представляете состояние Светы, находящейся все эти пять часов тут же в коридоре клиники! Привез он нас домой на своей машине (я полулежал на откинutom пассажирском

сиденье) около 23.00 и дал, на всякий случай, номера телефонов, куда необходимо позвонить, если вновь откроется кровотечение — не открылось. Конечно же, в течение последовавшей недели пришлось питаться жиденькими кашками, пюре и прочими «протертостями». Зато через несколько месяцев мой лечащий терапевт с удовлетворением отметил на ЭКГ «улучшение сердечной деятельности» — думаю, одно дру-

*«Снегурочки», составляющие женскую часть
нашего коллектива*

гого стоило. Хоть теперь глотка выглядит и необычно «пустоватой», но от ангин избавился, ночного храпа и остановок дыхания нет, и чувствую я себя заметно помолодевшим — настоятельно рекомендую!

«Ветераны полигона ПРО»

Если верить в теорию «раздвоения личности», то это раздвоение поразило меня в 2006 году с образованием Региональной общественной организации «Ветераны полигона ПРО», г. Москва — свое рабочее и личное время я стал делить между этими двумя уважаемыми организациями: ООО ЦТО «ГИРАС» и РОО «ВП ПРО» — причем, не всегда в пользу первой.

Решение о создании последней было принято летом 2006 года на встрече ветеранов, посвященной 50-летию полигона и состоявшейся в городе Приозерске на берегу славного озера Балхаш. Аргумент был один, но какой: «Мы не вечны, а если не мы, то кто!». Поэтому основными задачами Организации стали:

- сохранение памяти о великих делах и исторических победах при создании противоракетной обороны страны в середине XX века и о людях, вписавших эту страничку в историю нашего государства;
- патриотическое воспитание подрастающих поколений россиян на примерах героического труда разработчиков и испытателей в тяжелейших бытовых и климатических условиях пустыни Бетпак-Дала (Казахская ССР).

У истоков создания Организации стоял фронтовик, кавалер четырех орденов, доктор технических наук, профессор, полковник Кулаков А.Ф. На первом же заседании Совета Организации он был избран Председателем Совета, а я — его заместителем. В связи с тяжелой болезнью Александра Федоровича в 2009 году Председателем Совета был выбран я, заместителем — Сергей Большаков. В 2010 году Александра Федоровича не стало...

Для решения, в том числе, указанных выше двух основных задач нами в одной из школ г. Москвы по согласованию с ее администрацией был создан и успешно функционирует вот уже более 10-ти лет единственный в своем роде в России Музей истории создания ПРО «Звезды в пустыне». Он является не только местом

Кулаков А.Ф.

сбора и общения наших ветеранов, но и достойным местом проведения военно-патриотической работы с молодежью и школьниками.

Музей действительно уникален, хотя бы тем, что экспонаты для него собирались «всем миром» по просторам бывшего СССР, где проживают ныне наши ветераны полигона. Кроме того, с нашим музеем щедро

Логотип музея

поделиться Музей в/ч 03080, функционирующий на полигоне в ГДО и возглавляемый ныне полковником в отставке Накидалюком Э.А.

К слову сказать, последним значимым экспонатом нашего Музея «Звезды в пустыне» стал памятник экспериментальному комплексу ПРО «Система «А» в виде макета (масштаб 1:3) первой отечественной противоракеты В-1000, впервые в мире 04 марта 1961 года поразившей ГЧ баллистической ракеты в небе над Балхашским полигоном.

Музей истории создания ПРО «Звезды в пустыне»

С какими трудностями он «пробивался», создавался и устанавливался — это отдельная история длиной более двух лет. Своим опытом в этом плане мы щедро делимся с другими ветеранскими организациями.

*Памятник открывают ветераны полигона
Гаврилин Е.В. и Жадейко Е.В.*

Для лучшего понимания роли и места музея в нашей жизни не могу не привести здесь лишь два из сотен отзывов о нем двух абсолютно разных, но одинаково уважаемых россиян:

Владимир Неугодов — член Союза журналистов России:

«Музей «Звезды в пустыне» — это родной дом ветеранов полигона и большая университетская

аудитория для школьников и студентов, открывающих для себя неизвестные страницы истории создания ракетного щита великой державы. И уже в этом видится его безусловная значимость и необходимость. Но есть один существенный момент, который, уверен, делает данный музей и уникальным: он не просто располагается в одном из залов средней школы, но и во многом определяет ее жизнь, а также духовный и нравственный мир ее учеников. Видя, как они встречают ветеранов полигона, с каким интересом изучают экспозицию музея, с каким вниманием слушают выступления на систематических музейных мероприятиях и торжествах, невольно приходишь к выводу: эту школу, этих учеников и этих педагогов уже нельзя называть обычными. А это значит, что, предоставив свои стены для музея, руководство школы и ее учителя продемонстрировали самые лучшие человеческие качества и глубочайшую педагогическую мудрость. Один из многих итогов — в сегодняшней Москве ученики именно 1051-ой (ныне 1430, ЛС) знают имя Генерального конструктора Г.В. Кисунько, только они знают, что на планируемом памятнике перед входом в их школу предстанет легендарная ракета В-1000, которой был осуществлен первый в мире перехват головной части БР, только они знают многое, что, возможно, определит их будущую жизнь.

Музей — хранилище истории. История — фундамент будущего. В этом музее и в этой школе будущее видится светлым».

Ирина Поздеева-Кисунько — доктор исторических наук, профессор МГУ:

«Важность и востребованность этого школьного музея трудно переоценить: во-первых, тематика музея не просто не устаревает, но, фактически, приобретает все большее значение и новое звучание; во-вторых, музей не просто воспитывает у школьников глубокий патриотизм, но и оправданную гордость достижениями отцов и дедов, впервые в мире осуществивших «перехват» («... ракета вышла на ракету»), что имело существенное значение для сдерживания тех, кто стремился развязать третью мировую войну, и создало реальные возможности ПВО страны обеспечить современный уровень нашей защиты; в-третьих, совершенно особое значение имеет единство исторической экспозиции музея и постоянное внимание Ветеранов ПВО, тех, кто совершил те деяния, которым посвящен музей, и их наследников; в-четвертых, музей рассказывает о создании и работе со сложнейшей техникой, постоянно модернизируемой, которой не могут не заинтересоваться сегодняшние школьники — дети «компьютерного века». Этот интерес не только приводит к истинному патриотизму, но может подсказать и дальнейший путь в жизни и творчестве. Небольшая экспозиция музея грамотно и профессионально оформлена, интересна любому — и специалисту и школьнику, знакомит и со сложнейшим

делом, и с людьми, на своих плечах поднявшими строительство полигона и города, объединившими многие десятки предприятий, ученых коллективов, и в этом труде сотен тысяч людей не было мелочей, результат не допускал безответственности. А это также одна из важнейших идей, которая призвана воспитать профессионала, гражданина и человека.

Музей ведет столь обширную, разнообразную и интересную работу, которая соответствовала бы не обычному школьному, а значительному государственному музею. Особенно обращает на себя внимание объем проводимой просветительской деятельности, что для школьного музея является обязательным, а вот работа музея в разделе «Исследовательская и перспективная деятельность» может и должна всемерно приветствоваться. Еще в качестве положительной стороны работы музея, несомненно, нужно назвать создание и постоянное функционирование его выставки-библиотеки, которая также, как и фонды, постоянно пополняется, о чем сообщается на сайте музея.

Музей школы, которая носит имя Г.В. Кисунько, всегда открыт и доступен, чем редко могут похвастаться школьные музеи. Музей стал и остается лицом и неотъемлемой частью жизни и работы школы. Громадное спасибо всем, кто помог создать экспозицию, руководству школы, Совету Ветеранов и, особенно, активному, вдумчивому и заботливому руководителю самого музея Анне Павловне Давидович.

Знамя Школы №1430 (бывшая 1051)

в испытаниях средств и систем ПВО, ПРО и ПКО, но и «...физическим и юридическим лицам, тесно сотрудничающим с Организацией, оказывающим ей помощь в работе». На сегодняшний день Памятным Знаком

*Памятный Знак
Организации*

награждены более семисот пятидесяти человек, в том числе четыре начальника полигона, двое командующих РВСН, два заместителя Министра обороны и другие военачальники, и двадцать пять предприятий и организаций, в том числе Корпорация ВКО «Алмаз-Антей», Московский машиностроительный завод «Авангард», Машиностроительное КБ «Факел», 45 ЦНИИ МО и др.

В интернете был открыт сайт «Ветераны полигона ПРО», пользующийся большой популярностью не только среди москвичей, но и среди ветеранов полигона, проживающих ныне во многих городах России, странах СНГ и дальнего зарубежья. На сайте регулярно размещается информация о работе Совета, отчеты о проведенных встречах и общих собраниях, сведения о новых поступлениях в музей «Звезды в пустыне» и библиотеку музея. Со страниц сайта мы поздравляем ветеранов со знаменательными датами в их жизни, сообщаем ветеранам о печальных событиях в жизни Организации. Сайт проявил себя не только как информатор, но и как объединитель — многие ветераны полигона «нашлись» благодаря этому сайту.

Совет Организации учредил свой печатный орган — Информационный бюллетень «ВETERАН Государственного научно-исследовательского испытательного полигона №10 МО СССР». Он выходит регулярно три раза в год к проводимым Организацией Общим Собраниям, а также в виде специальных выпусков по печальным событиям, связанным со смертью ветеранов. Его популярность и ожидаемость уже вышли далеко за пределы Москвы и России. Для того, чтобы лучше представить объем и содержание работы, сделанной нами за годы существования Организации, остановлюсь на свежем примере.

2018 год нашей Организацией совместно с администрацией школы был объявлен «Годом 100-летия Генерального конструктора первой боевой системы ПРО СССР Г.В. Кисунько». Подготовку к нему мы

начали за 2 года и первым делом обратились в Министерство связи России с ходатайством об издании почтовой марки «100 лет Г.В. Кисунько» — именно за два года там верстаются издательские планы. Минсвязь обратилось за экспертным заключением в Минобороны и ВПК — оттуда, с учетом того, что дело не было пущено на «самотек», пришли положительные заключения на нашу инициативу. Далее, мы наметили написание новых и переиздание уже изданных книг о Г.В. Кисунько и той деятельности, которой он посвятил свою жизнь. Поэтому к торжественным мероприятиям у нас было издано и переиздано четыре книги разных авторов из числа ветеранов нашей Организации общим тиражом более 1000 экземпляров. Затем мы определились с поручениями о написании статей в газеты и журналы, посвященных юбилею «Первого противоракетчика планеты Земля». В 2018 году такие статьи были опубликованы в журналах: «Успехи современной радиоэлектроники», «Антенны» и юбилейном выпуске «Вестник АН России». А также в общероссийских газетах: «Правда», «Советская Россия», «Завтра» и «Военно-промышленный курьер» — все они были приобретены в требуемом количестве заранее и распространялись среди участников и гостей на торжественных мероприятиях.

Конечно же, остро встал вопрос о финансирование планируемых мероприятий. Сначала мы попытались решить эту задачу сами, разослав руководителям оборонных предприятий, связанных с разработкой и производством РКО, более 15-ти приглашений,

сопровождаемых просьбой помочь. Отозвался лишь Московский машиностроительный завод «Авангард». Пришлось «давить сверху»: написали письма в Минобороны на имя С.К. Шойгу и в ВПК Д.О. Рогозину с предложением сформировать на федеральном уровне возможно широкую повестку торжественных мероприятий по указанному поводу и заявлением о нашей готовности львиную долю работ по подготовке взять на себя. Здесь же «всплакнули» по поводу отсутствия средств. Наши обращения были столь убедительны, что реакция не заставила себя долго ждать:

- из Минобороны был получен ответ о готовности оказать нам помощь помещением и организацией проведения Торжественного собрания в Доме офицеров МВО (ныне Киноконцертный зал «Юнармия») — по факту отработали они профессионально и ответственно;
- из Административного департамента ведомства Дмитрия Олеговича пришла копия поручения четырем предприятиям и организациям об оказании нашей ветеранской организации помощи. Корпорация ВКО «Алмаз-Антей», правильно поняв ситуацию (в поручении Рогозина Д.О. она значилась «крайней»), выделила нам требуемые деньги.

Далее мы согласовали со Школой №1430 (бывшая 1051) им. Героя Социалистического труда Г.В. Кисунько подробный План мероприятий, выложили его на специально оформленной на нашем сайте в Интернете главной странице, на которой в дальнейшем отражался

ход его выполнения и выкладывались отчеты о проведенных мероприятиях. Затем укрупненный План был разработан и согласован с Минобороны и с Корпорацией ВКО «Алмаз-Антей», как финансирующей организацией. В него были включены уже мероприятия отраслевого и федерального уровня. После этого мы «спустились на землю» — последовала длительная каждодневная работа по разработке и изготовлению Памятных медалей и Юбилейных значков, подготовке к изданию и переизданию книг, работа с издательствами и редакциями, работа с предприятием ООО «Марка» по изготовлению эскиза марки, конверта первого дня и сувенирного штемпеля для ее гашения, согласование, подготовка и участие в проведении целого ряда мероприятий по совместному со школой плану и т.д. и т.п.

Ну, и конечно, подготовка и проведение главных мероприятий года, из которых необходимо выде-

Большая Памятная медаль

литель следующие: Митинг на Троекуровском кладбище, где похоронен Григорий Васильевич; Торжественное собрание, проведенное непосредственно в день юбилея; Торжественное собрание под знаменами и руководством Минобороны

Юбилейный почтовый набор

России в Лефортово; Научно-техническая конференция «К 100-летию основателя ПРО СССР Г.В. Кисунько», проведенная в 45 ЦНИИ Минобороны России.

В связи с тем, что на сегодняшний день (2019 год) полигон по своей принадлежности относится к Ракетным войскам стратегического назначения (РВСН), а подавляющее большинство наших

ветеранов являются ветеранами Войск ПВО, к которым в те годы относилась и в/ч 03080, наша Организация входит одновременно в два Общественных Объединения: «Московская городская организация ветеранов РВСН» (руководитель генерал-майор Ососков В.П.) и «Межрегиональный Союз ветеранов Войск ПВО» (руководитель генерал-полковник Хюпенен А.И.).

Вы спросите, почему я в своей, казалось бы, автобиографической повести столь подробно остановился на работе указанной общественной Организации — объяснение будет очень простое: за каждой строкой приведенного выше «отчета», без ложной скромности, стоят инициатива, большой труд, затраченные нервы, личное время и, главное, душа автора книги.

На текущий момент, начиная с октября 2016 года, Председателем Совета Организации является Сергей Большаков, я — его заместителем. Так и работаем, по очереди помогая друг другу не только в работе ООО ЦТО «ГИРАС», но и в делах общественных. Сколько еще просуществует наша Организация, одному Господу Богу известно, но ее ряды заметно редуют, а приток «новой крови» практически отсутствует, т. к. полигон на арендуемой у Республики Казахстан территории на сегодняшний день «скукожился» до нескольких сот человек личного состава, и квартиры после окончания службы отставники получают, как правило, в Костроме или Подольске.

Руководители Организации, 2018 г.

Несколько слов о детях и внуках

«О детях и внуках» и вдруг всего «несколько слов»! Это ни есть мера моего к ним отношения, отнюдь — я их очень люблю и готов о них говорить много и долго! Проблема состоит в другом. О своем восприятии того, что было с тобой лично, можно вспоминать и рассказывать без особого опасения ошибиться — все в прошлом, и, в крайнем случае, если что-то совершь, то всегда можно «спрятаться» за склероз. Да, и особый вред такие ошибки «из прошлого», как правило, принести в сегодняшний день тебе уже не могут. Совсем другое дело писать о детях и внуках. Во-первых, нам трудно судить наверное о том, что было у них в головах в той или иной ситуации, при принятии того или другого решения — ошибиться здесь очень даже просто. Но цена такой ошибки, и это «во-вторых», может оказаться и для тебя, и особенно для них весьма высокой и значимой, ведь у них вся жизнь впереди! Таким образом, мое кредо в этом вопросе — *noli nocere* (не навреди, лат.). К тому же, повторюсь, я очень надеюсь на то, что они продолжат этот мой опыт семейного «жизнеописания», тем более, что старшая дочь Лада уже активно проявляет (и не без успеха) интерес к этому занятию.

Не буду повторять изложенные выше истории рождения наших со Светланой дочерей и их «мотания» вместе с нами по «Европам и Азиям», городам и поселкам, адресам проживания и школам обучения — полагаю, что это пошло им на пользу в плане общего развития и, в частности, развития адаптационных способностей. Поведаю лишь о своем видении их жизни с момента обретения Ладой и Витой полной самостоятельности.

Что касается Лады, поставленная задача решается весьма просто — ниже привожу (по согласованию с автором без сокращений) опубликованный ею в Интернете рассказ «Как я выходила замуж...»

«С моим будущим мужем мы прожили долгую и счастливую жизнь, лет десять, прежде, чем я решилась сделать ему предложение. Я ему так и сказала: меня от тебя тошнит (в медицинском смысле, авт.)! И мы поехали в ЗАГС. Там было очень много красивых зеркал. Я увидела в них себя, заплакала и передумала выходить замуж. И мы поехали... в Роддом. Чтобы не рассусоливать, вечером после ужина я подпрыгнула и побежала рожать, потому что, ну, сколько можно ждать... Это было очень весело. Там все кричали и плакали одновременно, наверное, от счастья. А я подходила к роженицам, которые кричали, гладила их руки, и напоминала, что мы, женщины, сильные, красивые и счастливые, и мы сейчас перетерпим эти боли и станем еще счастливее... на одного ребенка. А они смотрели на

меня ничего не понимающими глазами и... рычали на меня нечеловеческими голосами...

Лада и Вика Соколовские

А потом мне стало так больно, что я тоже сильно зарычала. Даже матом. Я кричала, чтобы мне срочно принесли листок бумаги и ручку, чтобы я подписала согласие на немедленный наркоз и Кесарево сечение! Что они все садисты! Что я никогда и ни за какие коврижки больше не стану беременной! Потом я кричала: «Режьте меня, суки... сволочи...!» и еще много плохих слов. На следующий день мне пришлось извиняться перед медицинским персоналом. Но они смеялись и шутили, и простили меня тут же.

Влад и Лада

Когда наша девочка Аленка впервые сказала «Папа!» и показала пальчиком на моего будущего мужа, я... очнулась и сделала ему предложение второй раз. И мы снова поехали в ЗАГС. Была назначена дата, мы заказали ресторанчик, пригласили своих самых близких друзей. На мне были черные кожаные обтягивающие ножку сапоги-чулки на шпильке, белоснежный костюм с юбкой-карандаш, подчеркивающей многомесячные тренировки и диету, приталенный жакет, ну, и красивые шелковые чулки с кружевом. Я чувствовала себя превосходно!»

Мне остается только добавить для ясности, что дружили Лада и Влад (чувствуете, даже имена Боженькой подобраны удивительно схожие!) со школы, гуляли в общих компаниях, продолжали дружбу и после того, как Лада стала студенткой Московского института управления им. Серго Орджоникидзе. Когда дружба между ними уступила место духовной и физической близости, не ведаю, но и мы со Светой непримиримыми противниками гражданских браков тоже не были, принимая во внимание тенденции к толерантности вступившего в третье тысячелетие человечества. Итак, 20 июля 2002 года у Лады с Владом, которые на тот момент уже проживали вместе с мамой последнего Валентиной Даниловной, появилась прелестница Аленка, а еще спустя три года, 01 июня 2005 года — сын Алексей.

Из Лады получилась не только добрая и заботливая дочь, невестка, жена и мама, но и удивительный везде и все успевающий «электровеник», успешно совмещающий в себе не только многочисленные функции и обязательства по перечисленным родственным «звеньям», но и работу в школьных родительских комитетах всех уровней и умение постоянно поддерживать теплые и бескорыстные отношения с многочисленными общими с Владом друзьями по жизни.

Аленка и Алешка Никоновы

Более того, она находит время, чтобы сохранять дружеские связи и каждый год встречаться в разных городах России с коллективом «случайных»

Валентина Даниловна

людей, объединившихся в интернете в группу по интересам «Колдра» и оказавшихся близкими ей по духу. К тому же в Ладе проявились, по-видимому, семейные слабости к «стихосложению» и «расказописанию» (пока я не говорю о поэзии и литературе) — недавно опубликованный в Интернете перечень и сборник ее «трудов» не

оставил мне на этой стезе никаких шансов.

Влад же на поверку оказался очень серьезным и обязательным человеком с врожденным чувством долга и трепетным отношением к своим родным и близким людям, от родной мамы (царствие ей небесное), жены и детей до тещи и тестя, включительно. При этом он проявляет искреннюю готовность оказать в любой момент требуемую помощь. Кстати, эта его готовность помочь высоко оценена не только родственниками и нашими со Светой друзьями, но и детьми наших друзей. Например, Наташа Шуклина, проживающая ныне с детьми во Франции, где неожиданно ушли из жизни и были похоронены ее родители и наши добрые друзья Гена с Ларисой, с помощью Влада решает многие возникающие в России проблемы, в том числе с оставшимся движимым и недвижимым имуществом отца и мамы.

Ну, а какой из него получился заботливый отец, можно только позавидовать — если Владик не занят работой, обеспечивающей семью материально, то это значит, что он занят детьми, особенно их «выгулом», играми или физической подготовкой. Получив под руководством мамы знания, опыт и юридическую практику, он с успехом занимается юридической работой в сфере регистрации новых и закрытия старых предприятий и организаций (юридических лиц), внесения изменений в учредительные документы и смены форм собственности, юридической поддержки гражданских актов дарения и наследования и пр.

И это при том, что с юного возраста он ощущает непреодолимую тягу к автомобилям, технически достаточно хорошо в них разбирается, владеет водительскими правами не любителя, но профессионала и прекрасно знает Москву. Более того, сегодня он, сменивший уже не одну свою машину, последнее время с завистью поглядывает в сторону профессиональных таксистов, занятых целый день своим любимым делом. К сожалению, бытующее пренебрежительное отношение к этой профессии (по-моему, абсолютно незаслуженное и только среди люмпенов и маргиналов) пока удерживает нашего Влада от принятия, на мой взгляд, правильного решения — поживем, увидим.

Аленка с Алешкой с детства души не чают в своих родителях, считая их в большей степени своими друзьями, чем родителями (хотя, родителями тоже). Детям с ними всегда интересно, есть возможность поговорить или пооткровенничать, и это, по-моему,

прекрасно. Добрыми и открытыми растут ребята, хорошо учатся, не пренебрегают занятиями спортом и посещением театров и пользуются среди своих друзей заслуженным уважением. Что еще можно желать!

Проводы Аленки и Алешки в школу, 1 сентября 2015 г.

Наша младшая дочь Виктория, казалось бы, росла с Ладой в одной семье, совершенно иная, более утонченная и легко ранимая — даже по образованию она ближе не к физикам, а к лирикам («специалист по ландшафтному дизайну»). Можете себе представить, сколько ее дельных советов было учтено при планировании и реализации нашего дачного ландшафта!

Мы со Светой (во всяком случае, я) как-то этого не замечали, а вот наши общие друзья часто отмечала привлекательность и некую «чертовщинку» во

Валера и Вика

внешности и характере нашей Вики, мол, растет гроза мужской части человечества. Как я уже рассказывал, они оказались правы: уже в 19 лет она, Виктория, «победила» взрослого мужчину черкесских кровей Валерия Кошева — коренного москвича, коммерсанта, познавшего, как говорится, на «собственной шкуре» все «прелести» смены экономических формаций и перехода к рыночной экономике в России.

Свадьба состоялась в ресторане «Виктория» и прошла с большим размахом — гостей было трудно сосчитать, но мы со Светой, наши родные (и «старые», и новые) и близкие друзья, которых представляли Слава и Таня Тихоновы, восседали за центральным столом.

Я, проникшись мыслью о состоявшемся расширении нашей семьи и росте моей за нее ответственности, как у нас принято, готовил проникновенную речь, но... сценарием вечера, на котором присутствовал целый ряд влиятельных людей и выступали многие популярные в стране исполнители шансона, такое мое действие не было предусмотрено. Как говорится, «в чужой монастырь со своим уставом...». Вскоре (девять месяцев точно не прошло), 05 мая 1994 г., у них родился первенец — сын Вячеслав, а через три года, 17 апреля 1997 г. — второй сын Владимир.

Конечно же, Валера, мечтавший о наследниках, был «на седьмом небе» от счастья! Считай, там же (на «7-м небе») он приобрел семье прекрасную трехкомнатную квартиру. Правда, до переезда в нее прошло несколько лет, т. к. Вике с маленьким сыном, а затем и с двумя сыновьями требовалась мамина помощь, и они жили с нами.

Валера (справа) с сыновьями и братом

Именно тогда открылся божественный дар Светланы, как бабушки, на всю жизнь привязавший к ней обоих внуков, трогательно о ней заботящихся и сегодня. К тому же за это время квартира, приобретенная до проведения отделочных работ, была Валерой «отделана», обустроена и меблирована по высшему европейскому классу. Здесь надо отметить, что по своим национальным традициям сам он всегда проживал и сейчас проживает отдельно, ежедневно приезжая и проводя с семьей заметное время. Позже они (точнее, Валера) построили дачу на Николиной горе, где нередко проводят часть лета всей семьей.

На попечении Валеры находятся проживающие в Москве две его родные сестры (одна из них имеет

троих детей). Отсюда, и работать за всех, и зарабатывать на всех по жизни ему досталось сполна. Более того, Валера с Викой и сыновьями (бывает, и с сестрами) ежегодно посещают г. Майкоп, где проживают многочисленные их родственники. Они (родственники) не только радушно и с большим уважением встречают дорогих гостей, но и с радостью принимают привезенные москвичами подарки и инвестиции. При этом стараются не оставаться в долгу — как правило, в течение года из Адыгеи в Москву часто присылаются экологически чистые (выращенные «для себя») продукты: мясо, птица, сыры, фрукты, овощи и др. Нередко эти кавказские дары достаются и нам со Светой, и Ладе с Владом — просто «небо и земля» на вкус по сравнению с покупаемыми на рынках и в московских магазинах аналогами!

Если наши младшие внуки, Алеша и Алена Никоновы, еще продолжают успешную борьбу со средним образованием (перешли в 11-й и 7-й классы, соответственно), то наши старшие внуки, Слава и Володя Кошевы, уже эту борьбу завершили в свою пользу. Слава после школы, проучившись в течение года на подготовительных курсах, поступил и в 2017 году окончил, получив диплом бакалавра, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. В настоящее время работает и одновременно завершает двухлетнее обучение в магистратуре МГИМО. Володя, отучившись некоторое время в Колледже МЧС России, в настоящее время продолжает учебу на втором курсе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

«Девочка» Вика со своими сыновьями, 2016 г.

Мне, как равнодушному отцу и деду, отрадно сознавать, что дети наши, сами прекрасно понимая роль высшего специального образования в обновляемой России, стараются его дать (и на деле дают) своим детям и нашим внукам — в этом смысле, мы со Светой за них спокойны.

Удачный ответ на дачный вопрос и не только

Редкий уважающий себя горожанин, проведя рабочую неделю в «каменных джунглях» города, не стремится отдохнуть душой и телом на природе, чтобы в понедельник уставшему телом, но довольному душой с удвоенной энергией вновь включиться в созидательный труд во благо своей страны и своего блага тоже. До определенного возраста душа в этом вопросе брала верх, а «обезжиренное» тело было неприхотливым и терпеливым. Это позволяло выезжать на выходные дни в полудикие места с рюкзаками и палатками, ночевать на «свежем воздухе», спать на надувных матрацах или на расстеленном на траве или песке брезенте под открытым звездным небом. С годами тело начало предъявлять душе весомые аргументы в пользу обеспечения возможно более комфортных условий такого отдыха. Рано или поздно на повестку дня ставится вопрос строительства или приобретения дачи — повторяю, не корысти или ложной престижности ради, но создания условий отдыха семье и своему «взрослеющему» телу для.

Первыми из нашего коллектива «для души» в конце 80-х годов прошлого столетия дачу построили Саша и Альбина Шевыревы. При этом был разобран дом в

«Наша» первая дача у Шевыревых

сносимой под Москвой деревне Челобитьево, пере-

*Мы со Светой здесь
в образе нищих*

везен и собран на приобретенном для этого в СНТ «Рассвет-4» участке в Пушкинском районе Подмосковья. Кстати, участок им удалось приобрести благодаря специальности Ляли — кооперативу по уставу был нужен собственный

врач! Здесь же в состав нашего коллектива влились соседи Шевыревых по даче – Люда и Костя Кутниковы, оказавшиеся «по духу» родственными нам душами.

Без всякого преувеличения, все значимые и надуманные события мы стали отмечать у них на даче, тем более, что мужская часть нашей компании приняла самое непосредственное участие в упомянутом выше «переезде дома». Здесь мы, Соколовские, в течение двух недель проживали всей семьей при подготовке Лады к поступлению в Московский институт управления (ныне Государственный университет управления) им. Серго Орджоникидзе. А также, «отсиделись» во время случившегося в эти дни «августовского путча». Поступила Ладочка без помощи каких-либо курсов или репетиторов, как говорится, с первого захода. Не пропал наш с ней скорбный труд и дум высокое стремленье!

Наконец встал такой «дачный вопрос» и перед нами со Светой. Когда я завершал службу в 201 ВП МО, аккредитованном в «НПК «НИИ Дальней радиосвязи», руководством предприятия был организован садово-огородный кооператив — каждому из его членов, практически, бесплатно был выделен участок земли размером 10 соток. Такой участок достался и мне. Территориально кооператив находился на краю Московской области под Рязанью, около 150-ти километров от Москвы. Конечно же, далековато, тем более, что машины у меня еще не было, а проживали мы уже в Северо-Восточном округе Москвы, т. е. к указанному расстоянию необходимо было добавить

еще 30 километров езды по городу. Съездили мы туда считанные разы, в том числе с Сашей (за рулем) и Альбиной на их «жигуленке» под русскую народную песню «Поедем, красотка, кататься — давно я тебя поджидал!». Как вдруг в один из этих приездов «на дачу» в глаза бросилось объявление на фанерке: «Меняю участок 10 соток в Ярославском направлении на 10 соток здесь!». Подарок судьбы — это же наше направление, т. е. 30 километров езды по Москве можно исключить! Короче, обмен состоялся. Под Переславлем Залесским в 10-ти километрах от Плещеева озера в сторону станции и деревни с одинаковым сказочным названием Берендеево (узнаете, любимые места М.М. Пришвина) в огромном, но пока еще чистом «картофельном» поле мы обрели те же 10 соток плодородной земли.

Станция Берендеево Александровской ж/д

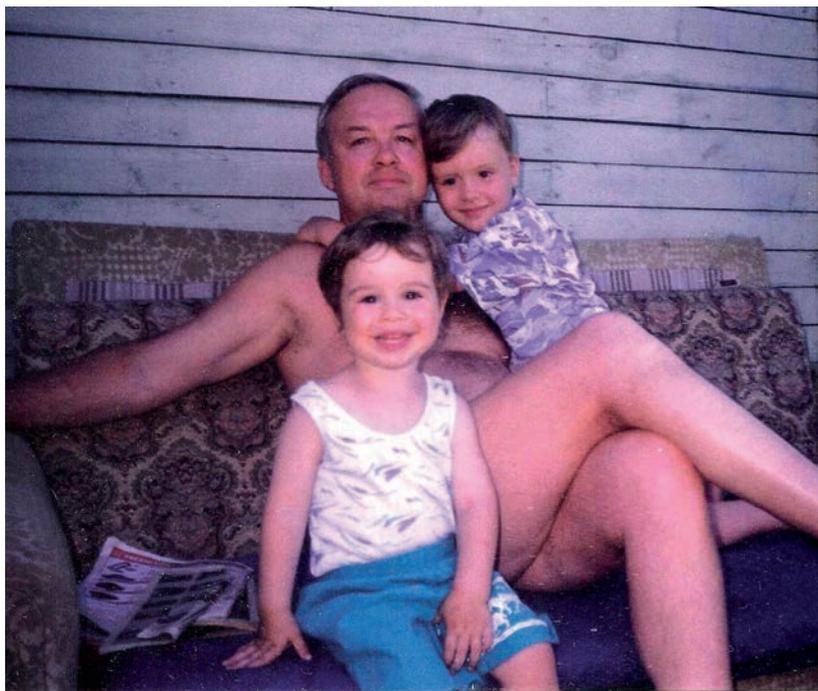
В первый же год сначала построили сарайчик, затем щитовой домик (5х3) с мансардой. Кстати, в строительстве домика мне эпизодически помогали Саша Шевырев и Слава Тихонов (муж Татьяны — названной сестры Светы), особенно при установке тяжелых стен-щитов типа «сэндвич» с прокладкой утеплителем и стропил для монтажа крыши. «На стройку» уезжал рано утром в субботу. Сначала электричкой до Александрова, затем другой электричкой до ст. Берендеево, далее 10 километров «на перекладных», как придется — на дорогу уходило 3,5—4 часа, а плечи «разворачивал» весомый мешок с инструментом (оставлять инструмент в «чистом поле» не рисковал). Ночевал в сарае, а с рассветом снова начинал пилить и стучать молотком. Вечером в воскресенье тем же путем в обратном порядке возвращался в Москву. Иногда, «пролетая» с последней электричкой в Берендеево, ночевал на скамейке в здании станции и приезжал домой утром, чтобы переодеться и ехать на работу.

Однажды, «успев» на последнюю электричку, вскочил на подножку последнего вагона. Поезд набирал ход и вдруг я с ужасом обнаружил, что дверь в тамбур закрыта! Мои крики и стук в дверь остались без ответа, а перспектива ехать в течение часа до следующей станции на подножке, причем зацепившись за поручень под углом к поезду, меня как-то не соблазнила, и я спрыгнул... уже за пределами станции. Набранная электричкой скорость и тяжелый заплечный мешок с инструментами сделали свое гнусное дело — меня несколько раз перевернуло и «остановило»... в

нескольких метрах от какой-то железобетонной конструкции. Полежав несколько минут, чтобы прийти в себя и осознать, что могло бы случиться, поблагодарил Господа Бога за спасение и побрел обратно к станции — кости остались целы, а ссадины быстро прошли (в те годы все заживало, как на собаке).

Жизнь заставила приобрести машину. Первой моей «движимостью» стал бывший в употреблении (б/у) с приличным пробегом вишневый «Москвич-2141», через пару лет — также б/у черный «Святогор». Начали регулярно по субботам (иногда удавалось «удрать» и в пятницу, во второй половине дня) ездить «на дачу» — по спидометру от подъезда дома в Москве до дачи было 150 километров. Но и сама двух-четырех часовая езда за рулем (в зависимости от «пробок») также была в те времена «любо». Света рядом работала «штурманом» и живым регистратором моих ошибок, случалось, и «толкачом» — толкала железного коня с горки, чтобы его «завести». Пару новых бензонасосов, стартер и целый ряд других «запчастей» приходилось всегда возить с собой — не зря говорили, что наш «москвич» это конструктор для взрослых. Компанию нам чаще составляли проживающие в г. Видное Московской области и не имеющие на тот момент своей «отдушины» Таня со Славой — оба заядлые «грибники», а Слава еще, как и я, большой любитель рыбалки! Начали прихватывать с собой и внуков — Славик до сих пор вспоминает нашу «голубую дачу», на которой он однажды «планировал» с перевернувшегося кресла в мангал с горящими углями и был нежным движением ноги отброшен (спасен) своим старшим тезкой.

Как-то побывала здесь и Вика — ей повезло набрести на полянку с таким небывалым урожаем подосиновиков (большие оранжевые шляпки на мощных ножках тут и там торчали из высокой травы), что было очень трудно утащить ее с этой полянки, и потом она долго об этом всем рассказывала. Кстати, действительно, ни «до», ни «после» я таких урожаев благородных грибов не встречал. Посетили эту дачку и наши родные из Черкасс. Людмила с сыновьями приезжала в гости к нам в Москву, и мы свозили их в Берендеево. Сходили с сестрой в лес за грибами, а с племянниками съездили

С Вовчиком и Славушкой на закате трудного дня

за карасями, после чего отведали наших традиционных шашлычков и куриных окорочков, приготовленных на мангале — все получили большое удовольствие.

Со временем Тихоновым удалось совершить безрассудный поступок, т. е. приобрести участок рядом с нами. Дело в том, что подъездные дороги, свет и воду власти Переславля Залесского согласно местному законодательству обещали централизованно проложить и подвести к участкам только тогда, когда будет застроено 30 % участков, т. е. Ни-ко-гда! Так как наш кооператив состоял в основном из аборигенов («переславльзалессцев»), получавших дармовую землю исключительно для выращивания картофеля и других овощей — «строиться» они здесь и не планировали. При этом нам приходилось воду для поливки возить в бочках из расположенного по соседству пруда, а при малейшем намеке на дождь «выгонять» своих железных коней на дорогу с твердым покрытием (за 500 метров), иначе из «картофельного» поля не выбраться. Ну, а если дождь все-таки заставал нас неожиданно или шел ночью, то нередко приходилось ходить в деревню за трактором и будить часто «невменяемого» тракториста. Когда мы поняли бесперспективность сложившейся ситуации (проходят годы, а мы отдыхаем и жарим шашлыки, практически, в чистом поле), начали поиск альтернативы.

Закончилась наша «цыганская» жизнь приобретением в этом же районе на двоих с Тихоновыми дачи в старом садово-огородном кооперативе. Кстати, продавцами оказались пожилые муж с женой, проживающие

На даче в старом кооперативе: Тихоновы и мы с Ладой

в Москве, через три дома от нас, на Рижском проезде — воистину, мир тесен! Мой расчет с ними тоже претендует на отдельный рассказ. Заключили мы договор купли-продажи в долларах, когда курс был $1\$ = 6$ рублей. Тихоновы за свою половину расплатились сразу, а я не успел — через месяц случился «дефолт» 1998 года, и курс подскочил до $1\$ = 26$ руб. и продолжал «рость»! Я, собрав всю свою наличность, в том числе разовое пособие, выплаченное мне при увольнении из Вооруженных Сил, пришел к Чайкиным (фамилия хозяев дачи) и заявил, мол, либо берите то, что собрал, либо расторгаем договор в связи с форс-мажорными

обстоятельствами. Взяли, и даже с большим удовольствием, т. к. мне удалось рассчитаться по «договорному» курсу 1\$= 20 руб. Чайкины, как люди нормальные, с трудом верили в свое везение — не ожидали, по их выражению, такого «денежного дождя» (они в связи с переездом в Краснодарский край по такому же алгоритму продали и машину, и квартиру).

Здесь на новой для нас старой даче началась уже совершенно иная цивилизованная жизнь: хоть и не очень надежная, но круглогодичная охрана, свет, вода для полива, всепогодные подъездные дороги, плодоносящие яблони, сливы, малина, красная и черная смородина, банька типа «сауна», теплица с помидорами, огурцами и перцами и т.д. Мы со Славой разобрали и перевезли с картофельного поля «голубой» домик и сделали из него красивую пристройку к дому, устроив в ней просторную кухню-столовую. В этих и последующих работах, проводимых нашим тандемом на даче, бригадиром и основным исполнителем выступал «деревянных дел мастер» Слава, я же выполнял роль хоть и толкового, но подмастерья. Перестроили и утеплили туалет и баньку, установили новую просторную и светлую теплицу, посадили новые фруктовые деревья и ягодные кусты. Проложили с использованием тротуарной плитки и метростроевской прорезиненной ленты дорожки по всему участку, привели в порядок небольшой натуральный прудик и пр. И это при постоянно отвлекающей от работы «клевой» рыбалки в многочисленных здешних прудах и всегда успешной грибной охоты в «берендеевских» лесах — одним словом, мы, порой, сами себе завидовали!

Заядлые грибники Таня и Слава Тихоновы на своей даче

Однажды в эти края забрели и Саша с Альбиной. Дело было так: мы пребывали в двухнедельном отпуске и проводили его на даче. Света неожиданно приболела, причем из-за «непонятности» диагноза вопрос стоял даже о вызове «скорой помощи». На следующее утро Таня со Славой остались со Светой и на хозяйстве, а я поехал в Переславль Залесский на рынок за продуктами. В толпе покупателей у прилавков я вдруг обнаружил знакомое лицо... Альбины Шевыревой! Сначала даже глазам не поверил — что ей здесь за 150 км от Москвы делать? Оказалось, что они с Александром просто решили нас навестить — помните такое же неожиданное их появление с Большаковыми в Харькове за 700 км от Москвы, а здесь всего-то 150 километров! Тут уж нашей фантазии не было предела. Альбина надела белый халат врача, взлохматила волосы, нацепила роговые очки, и мы с ней (Саша остался сидеть в машине) зашли в дом, где лежала Света, и я сообщил, что по дороге на рынок встретил машину «скорой помощи» и оформил вызов. И Света,

и Таня со Славой в течение долгих минут пятнадцати принимали все за чистую монету — настолько хорошо Альбина играла свою роль врача. Она, как вы помните, действительно врач по специальности — отсюда и белый халат в машине. Когда же подвох открылся, всеобщему веселью не было конца — к вечеру Света почувствовала себя значительно лучше и, как Вы понимаете, не только от квалифицированной помощи подруги.

А в это время в дачном кооперативе, в котором состояли Саша и Альбина Шевыревы (в Пушкинском районе, 30 километров от Москвы), появились... Гена и Лариса Шуклины!

Они по счастливому случаю и не без участия Шевыревых приобрели по соседству с ними оригинально спланированную и с любовью отстроенную «фазенду». Как оказалось, ее хозяином был участник исторического штурма дворца Амина в Кабуле.

Теперь «прессовать» нас со Светой они начали уже вчетвером — в ход шли аргументы, типа: от квартиры до дачи 30 минут, а не 3,5—4 часа; наступит время, когда придется расстаться с «рулем»; там вас четверо, а здесь «наших» будет уже шестеро; подумайте о своих детях и внуках — так далеко ездить они не будут, и т.д., и т.п. Мы, как могли, «держались» за Берендеево — «прикипели», жалко было расставаться. Но когда Лариса нашла нам заманчивый вариант (пожилая пара, не имеющая наследников, сравнительно недорого продавала участок с небольшим летним домиком), а на наше «нет денег» предложила дать займы на «любой разумный срок», крыть нам стало нечем.

На даче у Шуклиных: «Пока мужчины в поте лица, их жены... предаются праздности!» — картина маслом

Началась «великая стройка» — мы замахнулись и осилили в течение четырех лет строительство двухэтажного дома из бруса, обложенного снаружи кирпичом. Дом с большими прихожей, кухней и комнатой на первом этаже и тремя спальнями на втором получился на загляденье! Строили «по уму» мужики (отец с зятем) из-под Ростова, проживая здесь же в летнем домике с апреля по октябрь — действительно придраться было не к чему, да и мы их не обижали, помогали, чем могли, а главное, не мешали. По окончании строительства расстались друзьями, и они уехали в Ростов на моем черном «Святогоре» — «подарок», конечно же, в счет окончательного расчета за работу.

Мы же пересели на иномарку — «корейнку» Киа-Рио, которая, прослужив нам верой и правдой пять лет, была заменена на своего сородича Хундай Туксон. Через четыре года езды последний, став семейным автомобилем Лады, был заменен уже на «японца» питерской сборки Ниссан-Х-трейл. Приобрели мы именно его по рекомендации Сергея Большакова — у него такой же. Самое для меня главное то, что в машину при откинутах пассажирском сиденье легко входит накаченная резиновая лодка, как вы помните, подаренная мне на 45-летие целым заместителем Министра обороны России Лешей Московским. Думаю, что это последняя наша со Светой машина, т. к. она нас всесторонне устраивает, ежегодно проходит квалифицированное техобслуживание в родном салоне и ездим мы сравнительно немного — только на дачу, по магазинам да на рыбалку.

К слову сказать, в качестве «платы» ребятам (Тихоновым) за свое «предательство» мы со Светой нашли возможность принадлежащие нам половину дома и участка в «берендеевских» краях подарить Тане со Славой. На добрую память о совместном ведение дачного хозяйства и интересно, к общему удовольствию, прожитых единой дружной семьей годах. Они и сейчас, уже со своими внуками, с апреля по октябрь пребывают в этих сказочных местах. Более того, помогли сестре Славы с детьми приобрести дачу рядом, и теперь проживают там большим дружным коллективом.

Конечно же, наша новая подмосковная дача с мая по сентябрь включительно стала основным местом встреч, как с друзьями, так и семьей в полном составе — с учетом планировки дома и возможностей летнего домика спальных мест для ночевки хватает всем. В первые годы мы со Светой еще что-то сажали, строили грядки, устанавливали теплички — со временем пришли к выводу, что, если хотим вырастить что-нибудь путное, необходимо здесь находиться постоянно, а мы приезжаем только на выходные.

На сегодняшний день наш участок, не считая стоянки для машин, беседки и небольшого искусственного прудика для карасей, сразу не попавших на сковородку, представляет собой следующее. Две высоченные ели при въезде, березку, рябинку и дубок, принесенные из окружающего кооператив леса, «черезполосье» газонов и «плиточных» дорожек, цветов, растущих на клумбе и в отдельных горшках, и с десятков кустов смородины и крыжовника, посаженных вдоль забора. Это все не

*Дом, беседка и летний домик —
наша нынешняя «фазенда»*

требует к себе ежедневного внимания и общается с хозяевами только в случае крайней необходимости или хорошего их (хозяев) расположения духа. Чуть не забыл, в прошлом году, как-то находясь именно в таком расположении духа, я рядом с мангалом построил «высокую» (60 см над землей, чтобы не нагибаться) П-образную грядку и высадил в нее пятнадцать кустиков клубники — первый год собрал... полную кружку ягод, в этом году ожидаю немереный урожай.

Конечно же, расположение дачи в тридцати минутах от дома это есть великое благо, в том числе и в плане общения с детьми и внуками, интенсивность которого возросла на порядок. Что же касается моих увлечений рыбалкой и грибной охотой, то их «уловы» стали заметно меньше и реже, но и сил с годами, почему-то, тоже не добавляется — так что, все в этой жизни находится в динамическом равновесии.

Коль скоро речь зашла об обретении нами окружающего относительного комфорта, думаю, пора

*«Все внуки в гости будут
к нам...!»*

То, что всегда радует глаз и греет душу... надеждой!

поделиться и информацией об изменениях, произошедших в духовной сфере моего бытия. Если на банкете по случаю своего 50-летия я, объявив, что бросаю курить, демонстративно смял последнюю пачку сигарет и, надо сказать, вот уже 23 года не курю, то в 60 лет я — атеист по происхождению, воспитанию в семье и образованию в советских школах и академиях — принял полноценный обряд православного крещения!

Таинство это было совершено с соблюдением всех его канонов: с наречением имени своего Святого (небесного покровителя), с получением благословения и защиты через возложенную мне на голову руку священнослужителя, олицетворяющую собой Божью руку, с пением молебна, с освящением елея и воды, с помазанием воды и меня елеем, с троекратным моим окунанием (погружением с головой) в освященную воду, с произнесением молебных речей от священника — такой обряд запоминается надолго! Таким образом, я, получивший «второе рождение», прощенный Всевышним и оберегаемый Ангелом Хранителем, стараюсь вот уже более десяти лет полученную во время таинства благодать бережно нести по жизни, не расплескав и преумножая делами не великими, но, думается, праведными.

Не готов однозначно объяснить побудительный мотив этого своего решения, но смею утверждать, что ни дани светской постперестроечной моде, ни капли конъюнктурных соображений в этом не было. Вполне приличные, на мой взгляд, карьеры (офицерская, служебная и научная), в целом состоявшаяся жизнь и свойственные моему

*«...В этот день Господь
послал им целую корзину
«белых» грибов!»*

характеру (может быть, порой избыточные) самостоятельность и независимость никак не могли явиться его источником. Могу предположить, что не последнюю роль здесь сыграли постоянные просьбы об этом моей в меру верующей супруги Светланы и глубоко верующей сестры Людмилы. Возможно, постепенное осознание того, что человеку с годами мало продолжать верить исключительно

в себя (вера в «партию и правительство» растворилась с позорной капитуляцией первой и ничем не оправданным распадом Великой страны) тоже внесло свою лепту. Не исключаю, что и регулярно адресуемые мне в след слова «Да, благослови Вас Господь! Здоровья Вам!» также могут быть причастны к этому решению. Слова эти принадлежат старушке («божьему одуванчику»), часто просящей милостыню на мосту через Ярославскую ж/д (ст. Лось) — выгребаю ей из кармана всю металлическую наличность. Не знаю, и объяснить пока не берусь, но вот какое-то ощущение легкости на душе появилось, это точно. Хочется думать, что это и есть ощущение той самой сошедшей на меня благодати.

Хорошее отношение к рифме

Завершить же свою автобиографическую повесть мне хотелось бы расстановкой точек над «і» в своих «отношениях с поэзией». Надо сказать, что к настоящей поэзии я всегда относился с трепетом (любил стихи, учил их и декламировал, многие помню и сегодня), к своим же потугам в области, как я называю, «стихосложения» — достаточно равнодушно. Хотя и нравилось, порой, «блеснуть» среди своих друзей, особенно на званых мероприятиях, заранее зарифмованными мыслями вслух. Пришла на память небольшая «юмореска» (дословно не помню, но фабула такова). В редакцию приходит очередной непризнанный поэт и вручает редактору свою гениальную «поэму» на злобу дня под названием «Я не согласен!». Начиналась она словами «Я не поэт, но силу слова чту...». Редактор в очень тактичной форме и весьма убедительно, начиная с конца произведения, разбирает по косточкам представленную «поэму», постоянно сокращая текст, — автор под напором интеллекта, профессионализма и убедительности редактора со всеми правками соглашается. Когда в «поэме» остались лишь первые три слова, редактор восхищенно воскликнул: «Прекрасно! Осталось только запятую заменить восклицательным

знаком и убрать из названия союз «не» — и можно запускать в печать!».

Так вот, уважаемый читатель, я не поэт, но силу слова чту — поэтом себя никогда не считал и не считаю, к рифме отношусь с уважением, хотя и не всегда пользуюсь взаимностью. Как вы помните, первые мои «пробы пера» относились к годам школьным и были связаны с душевными переживаниями «на изломе» — скорее всего, здесь я не оригинален, многие это проходили. В дальнейшей жизни я иногда прибегал к этой своей слабости исключительно по случаю. Причем, всегда лучше «складывалось», когда адресатом был человек, способный по достоинству оценить или навести незлую критику на твои непрофессиональные усилия. Например, к 45-летию проживающего в Твери Володи Неугодова (член Союза журналистов России и поэт, автор трехтомника произведений «Времена жизни») получилось следующее поздравление (подражание В.В. Маяковскому):

Когда мы итожим то, что ты прожил,
И роемся в днях — ярчайший где,
Мы вспоминаем одно и то же:
Июнь 46-го, семнадцатый день!¹

От страсти Владимира к прекрасной Полине
Чудесный ребенок в результате вышел:
Крупноголовый, глаза голубые,
Губы — подобны спелым вишням!

¹ День рождения Неугодова В.В.

Любовь материнская обречена на вечность –
Лобзала мамаша ребенка голь...
От нее унаследовал сыновнюю нежность
И способность чувствовать чужую боль!

Отец — офицер, вспоминая нетленное,
Страдал ностальгией по былым строгостям –
Его воспитание, военно-ременное,
Сохранило в тебе достаток совести!

Когда ты вырос чуть толще полена,
От жизни ключи не получил на блюде –
Тебя изящным движеньем колена
Проводили в Харьков, чтоб вышел в люди!²

Много ль благ нужно курсанту?
Банка икры да булка «французская»,
Семь ровно дышащих друзей вповалку
И своя кровать «панцыреузкая».

Жизнь подобна разврата пасти –
Иные дрогнули и навек затихли...
А наш Герой, вопреки напастям,
Предался страсти — писать стихи!

Как будто обладателя Божьего имени
Долгожданный в дверь услышал стук –
Припали критики, словно к вымени,
К стихам твоим, по десять штук!

² В АРТА им. Л.А. Говорова (г. Харьков)

Случится, в местной газетке появится
Мысль, как велик Маяковский В.В. –
Товарищ, не верь! Нам это не нравится –
Неугодов В.В. прославил Тверь!

И в заключение, в Юбиляра честь
(Протрите глаза от сигарной гари) –
Имя Владимира было и есть,
И вовеки будет... на портсигаре!³

Или, к примеру, вот такое посвящение Ларисе Шуклиной, супруге нашего друга Геннадия и страстной любительнице преферанса (тому, кто знаком с этой игрой, будет понятно, о чем идет речь):

Познав в ХИСИ⁴ азы науки
О том, как строить «акведуки»⁵,
Ты доводила нас до «транса»
Глубоким знаньем ... преферанса!
Всегда мила, чуток игрива,
Чертовски каждый раз красива,
Ты просто вводишь нас в экстаз
Своей игрою в преферанс!

³ На 45-летие мы ему подарили мельхиоровый портсигар с именной гравировкой

⁴ Харьковский инженерно-строительный институт

⁵ Сооружение над рекой для проведения воды по каналу или трубе в древнем Риме

Приходишь к Генке пообщаться,
Чуть пригубить, но не «надраться»,
Короче, хочешь друга видеть –
Успеешь только рюмку выпить,
Звучит призывный клич всегда:
«На стол «колоду», господа!»
И в это действие втянут, кстати,
Не только Генка, но и Татик!⁶

Сдавать⁷, что наобум жениться
(Сдающий может ошибиться) –
Хозяйка тут с него «не слезет»:
«Из «принципу», пусть в гору⁸ лезет!»
Когда ж играютя «распасы»⁹
(В такой игре нюансов масса),
Она отвлечь всех норовит
(сама на прикупе¹⁰ сидит!).

Когда без взятки вдруг садится,
Нельзя сказать, что «веселится»!
Но, если кто-то сел без взятки,
Все хорошо, все взятки гладки!

⁶ Так в детстве звучало имя «Наташа» в исполнении самой Наташи

⁷ Раздавать карты

⁸ Запись «в гору» — чистый проигрыш

⁹ Не брать взяток

¹⁰ Две карты, которыми можно заменить две самые худшие, «сидеть на прикупе» — это раздать карты всем кроме себя и самому в игре не участвовать

Ее на мизере¹¹ поймать,
Век после воли не видать!
Зато с «восьмеркою»¹² проскочит,
От счастья, что дитя, хохочет!

Бывает, карта «не идет»¹³,
Всяк терпеливо карту ждет.
Тебе ж такое не по нраву –
Играешь в темную¹⁴ по праву,
Садисься¹⁵ раз, садисься два –
Глядишь, и вновь пошла игра!
Тут радости тебе не скрыть –
Такую развиваешь прыть,
Что «помогаешь всем закрыться»¹⁶,
(При этом впору... утопиться!).

Что ж в заключение пожелать?
Одно лишь только: «Так играть!»

¹¹ «Мизер» это игра — «не брать взятки»

¹² Бывают такие расклады карт, что, как правило, ловленная «восьмерка» остается не ловленной, а мизер считается сыгранным

¹³ Идет, но очень плохая (мелкая)

¹⁴ Торгуешься, не заглядывая в свои карты

¹⁵ Остаешься без взяток и «лезешь в гору»

¹⁶ Списав свою гору, помогаешь списывать чужие горы — чистый выигрыш в вистах

И «взятки брать»¹⁷ как можно чаще,
Других «сажать»¹⁸ — нет чувства слаще!,
А в прикупе держать тузов!
Знать прикуп (этот трюк не нов,
Помог он многим заработать),
Знать прикуп — можно не работать!

И последний пример — посвящение Владимиру Козлову (заместителю начальника отдела УЭПР¹⁹ ЦБ РФ), озвученное на его 40-летию:

Медведям двум в одной берлоге
Не жить и дня! И это многих
(А чаще личностей крутых,
Талантливых и молодых)
Заставило сменить уют,
Семейный быт, привычный труд...
Но главное — прослыть в народе
Оригиналом, в своем роде!

Владимир был рожден для славы
И был бы род его прославлен,
Когда бы Славой нарекли —
На жизнь во Славу обрекли!
Но в том же доме, дверь направо,

¹⁷ Смысл игры (кроме «мизера») — как можно больше взять взяток

¹⁸ Оставлять других без взяток

¹⁹ Управление экспертно-правовой работы ЦБ РФ

Жил сукин сын по кличке «Слава».
Перебежал путь пес соседский –
Пришлось стать «Вовой» в жизни светской.

Себе Владимир знает цену:
Украсил бы Большого сцену
(Ему ли занимать талантов?),
Но там уже блистал Атлантов!
В эстраду также не попал
(И голос есть, и рост не мал,
И нравом он весьма не хмур) –
Другой кумир там — Винокур!

Он в Думе заседать хотел -
Там, в Думе, много важных дел
(Тел пышных, кстати, тоже много),
Но не прошел и, слава Богу!
В Охотный ряд он не попал
Ни потому, что «проиграл» -
Вы помните: «...в одной берлоге...» -
Там «сын юриста»²⁰ правит бал!

Как тонкий юмор — нить репризы,
Нашел себя он в Экспертизе!
Прошу взглянуть на факт такой:
«Владимир» есть у нас другой?
Нет. и не будет! В том разгадка
(Напомню только для порядка):

²⁰ - Владимир Жириновский

Личагин²¹ в детстве наречен
Был... Вовой! Тем был обречен!

PS: Вот так, порою, пес безродный
Судьбой жонглирует народной!

Вот привел три примера своего «стихосложения» и засомневался, а стоило ли вообще об этом рассказывать. Подумав, решил оставить исключительно под защитой жанра книги — автобиографическая повесть. Повторяю, я не отношусь серьезно к этому занятию и не считаю свое эпизодическое действие «по случаю» поэзией. Одновременно полагаю, что вполне способен оценить настоящее творчество знакомых поэтов, прошедших в разное время рядом со мной по жизни: Саши Скрибченко, знакомы по учебе в академии, Юлия Цукова и Г. Васильченко — по полигону и институту, Володи Неугодова и Альбины Шевыревой — по учебе, полигону и коллективу «для души», наконец, Инны Конюшенко — по общественной организации ветеранов полигона. Восторгаюсь, периодически перечитываю и при случае декламирую или ссылаюсь на отдельные строки из их стихов.

Здесь же, может быть, и не совсем уместно, но расскажу о том, что мне тоже весьма дорого — о своем отношении к книге Апсита Е.А. «Судьба с названием Полигон. Исповедь испытателя» (Тверь, «Триада»,

²¹ Владимир Личагин был уволен из УЭПР по профнепригодности

2013). С этой книгой и ее рождением у меня связаны особенно теплые воспоминания — далее поймете почему.

Евгений Александрович Апсит прослужил на полигоне, начиная с легендарной «шестерки» (6-я стартовая площадка), более 18-ти лет. В 1971 году он заменил моего отца на должности начальника 5-го отдела 1-го Управления (в/ч 03080-Л). Человеку, прошедшему «все тернии» начального этапа создания отечественной противоракетной обороны, хорошо знавшему лично и тесно поработавшему с Генеральным конструктором первой боевой системы ПРО Москвы (Система «А-35»), думаю, было, что рассказать потомкам. В связи с этим я, надо сказать, не сразу, но уговорил Евгения Александровича взяться за написание своих воспоминаний. В течение двух лет Евгений Александрович, проживающий в Минске, Республика Беларусь, написал мне ровно 50 (!) писем, причем от руки, т. к. компьютером не владел (возраст приближался к 80-ти годам). Конечно же, были в них и повторы, и неточности, и противоречия, и непонятные места, и чересчур резкие оценки событий и поступков — короче, было в этих письмах все! Тем не менее, я с готовностью взялся подготовить его воспоминания к изданию в форме автобиографической повести «Судьба с названием Полигон. Исповедь испытателя» — обращаю внимание на аналогию с книгой Григория Васильевича «Секретная зона. Исповедь генерального конструктора». Более того, целая глава книги посвящена встречам и работе с Григорием Васильевичем — по-моему, лучшего

названия для этой главы, чем «Незавидная всем на зависть судьба», трудно было придумать. Люди, знакомые с биографией и судьбой Кисунько Г.В., меня поймут.

Работа над редактированием книги шла трудно, в том числе из-за того, что многочисленные письма были исполнены от руки человеком преклонных лет, имеющим право на различное самочувствие, и, порой, «расшифровывались» с трудом. Огромную помощь на завершающем этапе работы оказал мне (еще не известно, кто кому) Володя Неугодов, работавший в то время в редакции «Тверская жизнь». Мы с ним общались по переписке, пользуясь электронной почтой — спешили издать книгу к 80-летию Апсита Е.А. Я отправлял ему очередную версию раздела, главы или всей книги — он мне передавал массу ценных замечаний, вопросов, рекомендаций, целых «причесанных» абзацев. При этом каждый раз подчеркивая, что последнее слово остается за мной, как за человеком, хорошо знавшим автора и его сферу деятельности. Наверное, это было очень правильно, т. к. даже по указанному выше названию главы о Г.В. Кисунько у нас с Володией состоялся диспут. Кстати, материалы нашей переписки легли в основу «ненапечатанного рассказа» сугубо для своих, т. к. не только выражений, но и обсуждаемых вопросов мы в переписке особо не выбирали. Рассказа под логичным названием «Как не поссорились Владимир Владимирович с Леонидом Константиновичем».

Когда Володя почувствовал, что книга уже «вырисовывается», он приехал из Твери в Москву, и мы в

течение суток подробно «отработали» полный ее текст вместе с селекцией подобранного богатого фотоматериала. Света при этом периодически подкармливала нас бутербродами с кофе, чтобы мы не заснули. Начинался заключительный этап работы — подготовка книги к изданию, и Володя взялся завершить эту работу и отпечатать требуемое число экземпляров в знакомой ему тверской типографии.

По получении книги из типографии мы с Геннадием Шуклиным посетили Тверь, тепло пообщались с Владимиром (он, конечно же, «наметал» стол, мне показалось, со стерлядью и запотевшей водочкой — дань тверскому гостеприимству). Расплатившись, в том числе парой экземпляров книги на добрую память о совместной работе, забрали тираж в Москву. По предварительной договоренности он был поделен между автором (для родных и близких) и ветеранами полигона, знавшими и служившими вместе с Евгением Александровичем в в/ч 03080.

Как я уже говорил, мы старались успеть к 80-летию автора. Успели... не совсем: Евгений Александрович последнее перед кончиной время тяжело болел, почти потерял зрение.

Когда сын вручил ему полученную книгу, он дрожащими руками взял ее, погладил по обложке, но прочитать уже не смог... Через несколько дней, за два месяца до своего 80-летия, он ушел из жизни — хочется думать, со спокойной душой и чувством исполненного долга. Связь с его сыном Владимиром и супругой Лилией Александровной продолжаю поддерживать.

Испытатель и его исповедь «Судьба с названием Полигон»

Таким образом, уважаемый читатель, все, о чем я хотел рассказать, рассказано, может быть, даже чуть больше, чем хотел — не обессудь! Пора переходить к эпилогу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послесловие к настоящей книге мне хочется начать с выражения искренней благодарности своим друзьям и их Господом Богом данным подругам, хотя бы только за то, что они были, есть и останутся в моей жизни и памяти до скончания отпущенного мне века. И в первую очередь, Сергею и Гале Большаковым, Саше и Альбине Шевыревым, Володе Неугодову и его Галоньке (царствие ей небесное), Гене и Ларисе Шуклиным (пусть земля Пятой Республики будет им пухом), Славе и Тане Тихоновым, Виталику и Тамаре Слинько, Константину и Людмиле Кутниковым, а также и другим однокашникам по школе и по академии, соратникам по военному и гражданскому делу и друзьям по жизни, ставшим самыми дорогими самоцветами в бесценном ожерелье окружавших меня волею судьбы современников.

Признаюсь, был у меня соблазн назвать книгу «История моей болезни», имея в виду, что, если собрать воедино все фрагменты книги, коснувшиеся состояния здоровья (или нездоровья) автора, и добавить «свежие» результаты известных анализов, то вполне может получиться пухлая медицинская книжка. Друзья отговорили, назвав мою предполагаемую шутку «черным и не всем понятным юмором». Отдельное спасибо Володе

Ее, мою желанную, не зря зовут СВЕДЛЯНЮЮ!

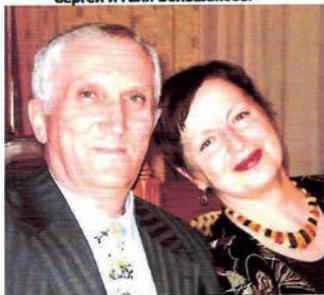
Геннадий и Лариса Шуклины

Сергей и Галя Большаковы

Александр и Альбина Шевыревы

Виталий и Тамара Слинко

Володя и Галя Неугодовы

Таня и Слава Тихоновы

Люда и Костя Кутниковы

*Спасибо Вам всем за то, что Вы были
«... в моей маленькой, но все-таки судьбе»!*

Неугодову — его внимательное прочтение текста будущей книги и большое число советов и рекомендаций, учтенных и не совсем, позволяют надеяться на ее приближение к «шедевр в отрасли». Очень хотелось, чтобы при ее прочтении вами ощущалось хорошее настроение автора — отсюда большое количество «уточняющих» скобок и «закавыченных» слов.

Ну, а если серьезно, то мне хотелось на своем примере поделиться мыслью о том, что жизнь любого человека с первых же шагов состоит в преодолении многочисленных трудностей — это, если хотите, философия или, как сейчас стало модным говорить, парадигма человеческой жизни. При этом борьба, осознанная или интуитивно рефлексорная на подсознательном уровне, предполагает главное: не пасовать перед трудностями при преодолении подготовленного Создателем лично тебе поля жизни и борьбы. Вот откуда родилось название книги «Жизнь прожить и поле перейти».

Неожиданно пришла на память концовка слов Павки Корчагина о жизни: «... и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!». Прав был Николай Островский, но подумалось, что, скорее всего, человек, «бесцельно проживший свои годы», уже не способен на глубокие чувства и «мучительную душевную боль» по этому поводу! Поэтому считаю, что постановка перед собой цели и стремление к ее достижению — вот те, казалось бы, простые истины, составляющие содержание человеческой жизни в отличие от жизни братьев наших меньших. И здесь, как это ни печально, неважно, какова эта цель и каковы средства

ее достижения — от этого зависит лишь «добрый» или «злой», «умный» или «не очень», «хороший» или «плохой» человек перед вами. Но ведь и само понимание «добра и зла» и «что такое хорошо, а что такое плохо» у каждого из нас свое, и закладывается, как правило, с детства в семье, затем проходит испытание под прессом бытия, слегка или заметно деформируясь в процессе жизни. Отсюда и сосуществуют в мире самые разные люди: от добрых, справедливых, умных и талантливых гениев до не менее умных и талантливых, но алчных, завистливых и подлых злодеев. Есть, правда, и люди «никакие» — о таких говорят «живет, как трава». Их, скорее всего, и имел в виду Николай Островский, говоря о людях, «бесцельно проживших свои годы».

Ну, и конечно, хотелось бы настоящей книгой, с одной стороны, создать для своих родных и близких в качестве плацдарма начальный уровень знания родословной нашей семьи (чего мне так не хватало при работе над книгой). А с другой, — стимулировать любого из них, озабоченного мыслью не уподобиться «Ивану, не помнящему родства», продолжить эту интересную и нужную для своего рода-племени работу. При этом спешу успокоить своих уважаемых зятя Ивана Владимировича и тестя Ивана Трофимовича (царствие ему небесное), а также и других возможных Иванов из нашего рода — речь идет не о вас. Здесь «Иван» — имя нарицательное, и речь идет о людях, не помнящих и не блюдущих семейных традиций, не уважающих обычаев и истории своих предков, своей истории, отрекающихся от них и своего бывшего окружения.

Уверен, что в нашем роду таких не было, нет, и никогда не будет!

Написал последнюю фразу и... призадумался — очень хочется надеяться на всем известного «лучшего лекаря» под именем «время», но сегодня мне искренне жаль десятки миллионов невинных людей, ставших заложниками нынешней «власти» на Украине.

Теперь вы, уважаемый читатель, вооружены знаниями не только нетленных творений общепризнанных гениев мира сего, но и знакомством с попыткой написания автобиографической повести одним из семи миллиардов шестисот миллионов простых смертных, проживающих ныне на голубой планете Земля. Планете, вращающейся вокруг Солнца со скоростью 30 км в секунду и несущейся вместе с этой звездой вдоль по Млечному Пути в бескрайних просторах Вселенной со скоростью 220 км в секунду! Теперь с таким багажом знаний вы просто обязаны жить долго и счастливо, а с вами вместе и ваш покорный слуга, сквозь огромные очки мироощущения безуспешно пытающийся разглядеть свою роль и место...

На этом завершаю свой рассказ, дабы не мелькнуло в мозгу читателя подозрение о совсем уж новом и неожиданном для автора медицинском диагнозе. Вместе с тем, не теряю надежды на то, что она (моя история) может заинтересовать и быть дописана детьми, внуками или правнуками. С последними, в виду их временного отсутствия, я пока не знаком.

г. Москва — 08.07.2019 г.

Содержание

От автора	4
«Родительский дом – начало начал...»	6
«Незапланированное» детство	27
«Ташкент-91» и г. Приозерск	41
Харьков и АРТА	80
10 ГНИИП МО СССР	114
Снова Харьков, ВИРТА и ФРИЗ	146
«МОСКВА! Как много в этом звуке...»	154
<i>В 45 ЦНИИ МО</i>	154
<i>В 201 ВП МО СССР и РФ</i>	192
<i>В Банке России (ЦБ РФ)</i>	205
<i>В Центре технологического обеспечения «ГИРАС»</i>	212
«Ветераны полигона ПРО»	222
Несколько слов о детях и внуках	238
Удачный ответ на дачный вопрос и не только	253
Хорошее отношение к рифме	273
Послесловие	286

Литературно-художественное издание

Леонид Соколовский

Жизнь прожить и поле перейти

Текст публикуется в авторской редакции.

Сдано в набор ХХ.ХХ.ХХХХ.

Гарнитура «ХХХ».

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Тираж ХХХ экземпляров. Заказ № ХХХ.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su